

МАРТИН ГИЛБЕРТ

ЧЕРЧИЛЛЬ

БИОГРАФИЯ

Мартин Гилберт

Черчилль. Биография

«Азбука-Аттикус»

1991

УДК 94(100-87)+929Черчилль
ББК 63.3(4Вел)-8

Гилберт М.

Черчилль. Биография / М. Гилберт — «Азбука-Аттикус», 1991

ISBN 978-5-389-08466-7

«Черчилль» Мартина Гилберта представляет собой не только чрезвычайно ценный исторический труд, но и увлекательное повествование. Перед нами проходит вся жизнь Уинстона Черчилля с самого раннего детства: борьба и неудачи, моменты наивысшего триумфа и горьких поражений, волнения его частной жизни, необычайные способности оратора, политика и даже провидца, проявлявшиеся на протяжении всей его карьеры как в мирные, так и в военные годы. Мартин Гилберт создает живой портрет, опираясь на личную переписку Черчилля из семейного архива, воспоминания современников – сотрудников, друзей и противников. Читателю открывается подоплека грандиозных политических событий XX века – эпохи, отмеченной двумя мировыми войнами и завершившейся холодной войной и ядерным противостоянием великих держав. «Моя цель – представить на этих страницах полную и законченную картину политической и частной жизни Черчилля. Его карьера является темой бесчисленного количества книг и статей, в которых его порой судят свысока, а то и резко. Я намерен дать сбалансированную оценку, основанную на его реальных мыслях, поступках, достижениях, убеждениях и опровергающую многие существующие недоразумения. Огромный массив сохранившихся прижизненных материалов позволил мне предложить читателю практически полное собрание фактов о жизни Черчилля, воспроизвести почти каждый эпизод, к которому он имел отношение, представить его истинные намерения и действия, а также его собственные слова, аргументы и мысли». Мартин Гилберт В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 94(100-87)+929Черчилль

ББК 63.3(4Вел)-8

ISBN 978-5-389-08466-7

© Гилберт М., 1991
© Азбука-Аттикус, 1991

Содержание

Предисловие	7
Благодарности	10
Глава 1	11
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	43
Глава 5	58
Глава 6	64
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Мартин Гилберт Черчилль. Биография

Martin Gilbert
Cherchill
A Life

На переплете и суперобложке: Черчилль у входа в Адмиралтейство утром 4 сентября 1939 г. Первый полноценный день работы в этом ведомстве. На цепи ключи, в том числе ключ от хранилища документов, у правой ноги сумка с противогазом.

© Bettmann/Corbis/East News

© Martin Gilbert, 1991

© Бавин С., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015
КоЛибри®

* * *

Посвящается Натали, Дэвиду и Джошуа

Предисловие

Моя цель – представить на этих страницах полную и законченную картину политической и частной жизни Черчилля. Его карьера является темой бесчисленного количества книг и статей, в которых его порой судят свысока, а то и резко. Я намерен дать сбалансированную оценку, основанную на его реальных мыслях, поступках, достижениях, убеждениях и опровергающую многие существующие недоразумения.

Огромный массив сохранившихся прижизненных материалов позволил мне предложить читателю практически полное собрание фактов о жизни Черчилля, воспроизвести почти каждый эпизод, к которому он имел отношение, представить его истинные намерения и действия, а также его собственные слова, аргументы и мысли.

Я прикоснулся к этой тематике в октябре 1962 г., войдя в исследовательскую группу Рэндольфа Черчилля, через год после того, как он – по просьбе своего отца – начал работу над его многотомной биографией и изданием сопроводительных документов. К моменту своей смерти в 1968 г. Рэндольф Черчилль довел историю отца до начала войны 1914 г. Меня попросили продолжить его работу. Мой собственный заключительный том (восьмой) заканчивается смертью Черчилля в возрасте девяноста лет.

Официальная биография, как известно, раскрывает в подробностях историю жизни Черчилля на основе пяти важнейших источников, которые я изучил, работая над этим однотомником. Из них я почерпнул много новых материалов, в особенности о периоде с самых ранних годов Черчилля до Первой мировой войны.

Первый из этих источников – собственный гигантский архив Черчилля, состоящий из политической, литературной и личной корреспонденции, хранящийся ныне в Колледже Черчилля в Кембридже. Эта частная и общественная переписка охватывает почти все девяносто лет его жизни.

Второй – бумаги его жены Клементины, включающие сотни писем, которые муж писал ей всю жизнь. Они хранятся у дочери Черчилля, леди Соамс, и воссоздают личность Черчилля ярко и всесторонне.

Третий источник – государственный архив – включает два срока пребывания Черчилля на посту премьер-министра и его работу в различных министерствах с декабря 1905 г. по апрель 1955 г., когда он отошел от общественной жизни. Этот массив находится в государственном архиве в Кью и содержит материалы правительства военного времени, переговоры начальников штабов периода Второй мировой войны, а также документы, связанные с его работой в министерствах и Военном совете, членом которого он был в 1914 и 1915 гг.

Четвертый источник – частные архивы, полные или же фрагментарные, его друзей, коллег и оппонентов, тех, кто контактировал с ним в различные периоды его жизни. Эти материалы можно найти во многих архивах, библиотеках и частных коллекциях как в Британии, так и за рубежом. Они показывают, какое впечатление он производил на современников, что они говорили о нем в частных беседах, свидетельствуют, что некоторые ненавидели его, а другие с самых ранних лет видели в нем человека исключительных качеств и будущего премьер-министра.

Пятый источник, который создавал я сам на протяжении тридцати лет, – личные воспоминания членов семьи Черчилля, его друзей и современников. Это воспоминания людей самых разных, в том числе – летчиков, учивших его пилотированию перед Первой мировой войной, офицеров, служивших вместе с ним на Западном фронте в 1916 г., и многих других. Мне посчастливилось встретиться и познакомиться с его литературными помощниками довоенных и послевоенных лет – с Морисом Эшли, сэром Уильямом Дикином и Денисом Келли, с сэром Гербертом Гриди, работавшим у него в 1919 г., и членами его правительства периода

Второй мировой войны сэром Джоном Мартином, сэром Джоном Пеком и сэром Джоном Колвиллом, а также с Энтони Монтегю Брауном, работавшим с ним в 1953–1965 гг.

Как биографу Черчилля мне исключительно повезло: я разговаривал с его секретарями, в том числе с Кэтлин Хилл, сотрудничавшей с Черчиллем в 1936 г., с работавшими с ним во время Второй мировой войны Элизабет Лейтон и Мариан Холмс, а также с Элизабет Джиллет, леди Онслоу, Джейн Портал и Дорин Пью – его сотрудницами в последующие годы. Бульшая часть жизни Черчилля связана с поместьем Чартвелл. Грейс Хэмблин, трудившаяся там с 1932 г., стала, можно сказать, моим проводником по этому периоду жизни.

Из этих пяти источников взята масса материалов, помещенных и прокомментированных в сборниках документов, сопровождающих каждую часть многотомной биографии Уинстона Черчилля.

В этом однотомнике я хотел представить материалы, которые помогли бы читателям самостоятельно оценить поступки Черчилля и его личность на протяжении всей его удивительной карьеры. Карьеры на редкость долгой, отмеченной многочисленными конфликтами и противоречиями, ведь он был человеком откровенным и независимым и, критикуя тех, кто, по его мнению, был неправ, выражался без обиняков и использовал живой, яркий и доходчивый язык.

Черчилль участвовал в политической жизни более пятидесяти лет. Прежде чем стать премьер-министром, он занимал восемь различных постов в правительстве. К моменту ухода в отставку после второго премьерства (1955) его депутатский стаж составлял пятьдесят пять лет. Диапазон его деятельности необычайно разнообразен. Он получил офицерский чин при королеве Виктории и принимал участие в кавалерийской атаке при Омдурмане; стоял у истоков развития авиации и научился летать перед Первой мировой войной; создавал военноморскую авиацию; активно внедрял в армию танки; занимался организацией противовоздушной обороны. Черчилль предвидел создание оружия массового поражения, и в последнем выступлении в парламенте уже предлагал использовать атомную бомбу как гарантию сдерживания и всеобщего разоружения.

Поразительный дар Черчилля понимать и предвидеть развитие событий проявился с ранних лет. Он глубоко верил в свою способность внести вклад в улучшение жизни человечества. Его военная служба и природная смекалка дали ему глубокое понимание природы войны и общества. Он обладал мужеством, которое проявлялось и на полях сражений империи на рубеже веков, и на Западном фронте в 1916 г., и в Афинах в 1944 г. При этом он прекрасно отдавал себе отчет в ужасах войны и ее катастрофических последствиях.

Представляя в разные периоды Либеральную или Консервативную партии, Черчилль неизменно оставался радикалом: он был убежден в необходимости активного участия государства в законодательной и финансовой деятельности, в социальном обеспечении всех граждан. Среди различных социальных реформ, в законодательной подготовке которых он играл ведущую роль, можно назвать тюремную реформу, реформу системы страхования, государственные пособия вдовам и сиротам, создание постоянно действующего органа по разрешению трудовых конфликтов, организацию государственной поддержки безработных, сокращение рабочей недели и улучшение условий труда на заводах и фабриках. Он выступал за государственную систему здравоохранения, расширение доступа к образованию, налог на сверхприбыль и за привлечение рабочих и служащих к участию в прибыли. В первом публичном выступлении в 1897 г., за три года до того, как стать членом парламента, он говорил, что наступит день, когда трудящийся станет «акционером предприятия, на котором работает».

В периоды мировой напряженности Черчилль неизменно выступал сторонником примирения и коалиций. Он по возможности всегда стремился избегать конфликтов и конфронтации. В международных делах он постоянно искал способы урегулирования претензий проигравшей стороны и примирения бывших врагов. После двух мировых войн он выступал

за использование силы победителей, чтобы загладить обиды побежденных и сохранить мир. Он первый ввел в употребление слово «саммит», тогда понимаемое как встреча лидеров западного и коммунистического мира. Он делал все возможное для организации подобных встреч, чтобы положить конец холодной войне. Среди соглашений, принятых в результате переговоров, которые он вел терпеливо и вдумчиво, можно назвать конституционные урегулирования в Южной Африке и Ирландии и схемы выплат военных долгов после Первой мировой войны.

Проницательный, рассудительный и осторожный политик, Черчилль при этом всегда был сторонником смелых действий. Одним из его величайших талантов было исключительное владение словом, любовь к языку, что позволяло ему красноречиво и доступно излагать важнейшие вещи, убеждать и вдохновлять людей. Он обладал прекрасным чувством юмора, был душевным, благородным человеком и всю жизнь придерживался либеральных убеждений. Зная его умение находить компромиссы, к нему часто обращались за помощью последующие премьер-министры. Неприятие недобросовестности, несправедливости, дискриминации – как во внутренних, так и в международных отношениях – было краеугольным камнем его убеждений.

Общественная деятельность Черчилля затрагивала все аспекты британской внутренней и внешней политики – от социальных реформ до организации встречи в верхах после Второй мировой. Она касалась отношений Британии с Францией, Германией, Соединенными Штатами и Советским Союзом в самые непростые времена. Его звездным часом стало управление Британией в период, когда она оказалась наиболее изолированной, уязвимой и слабой, когда его мужество, решительность и вера в демократию были особенно востребованы страной.

*Мартин Гилберт, Мертон-колледж, Оксфорд
23 января 1991 г.*

Благодарности

Я благодарен всем, кто на протяжении трех десятков лет делился со мной своими воспоминаниями о Черчилле. Те, кого я цитирую, щедро уделяли мне свое время. Я должен поблагодарить Валентина Бережкова, Гарольда Борна, Айвона Кортни, сэра Уильяма Дикина, сэра Дональда Макдугалла, Роберта Фокса, Ив Гибсон, Элизабет Джиллет, Грейс Хэмблин, Памелу Гарримэн, Кэтлин Хилл, Мариан Холмс, Патрика Кинна, Элизабет Лейтон, Джеймса Лис-Милна, бригадира Мориса Лаша, Джона Маккоя, Джока Макдэвида, Малкольма Макдональда, виконта Маргессона, сэра Джона Мартина, Тревора Мартина, Энтони Монтегю Брауна, фельдмаршала виконта Монтгомери Аламейнского, сэра Джона Пека, капитана сэра Ричарда Пима, Дорин Пью и леди Уильямс Илвел (Джейн Портал).

Моя самая глубокая благодарность за ценнейшие советы и предоставление материалов детям Черчилля – леди Саре Одли, леди Соамс и Рэндольфу Черчиллю, моему предшественнику в качестве биографа.

Помимо тех, кто делился со мной воспоминаниями, я благодарю всех, дававших мне исторические консультации или снабжавших дополнительными документальными материалами. Благодарю за помощь Патрисию Аккерман – сотрудницу архивного отдела Колледжа Черчилля, Дж. Альбрехта из Швейцарской лиги охраны природы, Ларри Эрн из Клермонтской школы государства и политической философии, Жанну Беркли, Алана Баксендейла, доктора Дэвида Батлера, Джулиан Чаллис, Роберта Крейга, Генри Крукса, Майкла Даймонда, доктора Майкла Даннила, Фелисити Дайер – из Daily Express, Николаса Идона, Линду Гринлик – главного библиотекаря Jewish Chronicle, Айрин Моррисон из Шотландского совета по туризму, Дэвида Пэрри из отдела фотографий Имперского военного музея, Гордона Рэмси, Эндрю Робертса, Джеймса Рашбриджера, Мэттью Сполдинга, Кена Стоуна из Музея истории столичной полиции, Джонатана де Сузу, лорда Тэйлора Хадфилдского, профессора Владимира Трухановского, миссис М. Винелл, административного менеджера из Evening Standard; Фрэнка Уилана, сотрудника Sunday Call-Chronicle, и Бенедикта К. Зобриста – директора Библиотеки Гарри Трумэна в Миссури.

Возможность использовать ранее не публиковавшиеся материалы о Черчилле мне предоставили British Library Manuscript Collections, Christie's Auction Rooms, the Hollinger Corporation, А. Розенталь, Чаз У. Сэйер, Джон Р. Смитхерст, архив Times, архив Blenheim Palace и The National Trust Collection. Всем им я тоже безмерно признателен.

За помощь и существенные предложения по содержанию я чрезвычайно благодарен сэру Дэвиду Ханту, Адаму О'Риордану и Эдварду Томасу, которые делились со мной своими обширными познаниями и критическими замечаниями. Элен Фрезер, Лаура Бидл и многие другие сотрудники издательского дома William Heinemann, принимавшие участие в подготовке этой книги к печати, всегда оказывали мне помощь и поддержку на различных и порой трудных стадиях производства. Литературное редактирование и корректура были мастерски исполнены Лизой Гласс и Артуром Ньюхаузером, Рейчел Грин помогала в поиске фактов, а Кей Томсон выполнила огромный объем секретарских обязанностей.

И как всегда, я глубоко признателен моей жене Сьюзи за ее вклад в каждую страницу этой книги.

Глава 1

Детство

Уинстон Черчилль родился в 1874 г., в середине Викторианской эпохи. В ноябре его мать, леди Рэндольф Черчилль, будучи на седьмом месяце беременности, поскользнулась и упала во время охоты в Бленхейме. Через несколько дней во время прогулки в коляске начались схватки. Ее поспешили доставить во дворец, где в первые часы 30 ноября и появился на свет ее сын.

Величественный дворец в Бленхейме принадлежал деду новорожденного, седьмому герцогу Мальборо. По отцовской линии Черчилль был представителем высшей британской аристократии. Род его восходит к первому графу Спенсеру и выдающемуся военачальнику Джону Черчиллю, первому герцогу Мальборо, командовавшему коалицией армий, которые нанесли поражение Франции в начале XVIII в. Со стороны матери вся его родня – американцы. Его дед, Леонард Джером, живший в Нью-Йорке, был успешным биржевым маклером, финансистом и владельцем газет. Столетием раньше его предки сражались в армии Вашингтона за независимость американских колоний.

Почти за год до рождения Черчилля его отец, лорд Рэндольф Черчилль, был избран в палату общин членом парламента от Вудстока. Этот небольшой город, к которому относился Бленхейм, едва ли насчитывал больше тысячи избирателей. У него была давняя традиция направлять членов герцогской фамилии в Вестминстер. В январе 1877 г. дед Черчилля, седьмой герцог Мальборо, получил должность вице-короля Ирландии. Лорд Рэндольф стал у него личным секретарем. Двухлетний мальчик с родителями и няней, миссис Эверест, отправился в Дублин.

Когда Черчиллю было четыре года, в Ирландии, пострадавшей от сильного неурожая картофеля, вспыхнули волнения на национальной почве, которые возглавили фении¹. «Моя нянюшка, миссис Эверест, ужасно боялась фениев, – вспоминал он. – У меня сложилось представление, что фении – скверные люди и способны на все, дай им только волю». Однажды, когда Черчилль катался на ослике, миссис Эверест показалось, что к ним приближается процессия фениев. «Сейчас-то я уверен, – позже писал он, – что это была стрелковая команда на марше. Но мы все до смерти перепугались, особенно ослик. Он взбрыкнул и сбросил меня на землю. Я получил сотрясение мозга. Таким было мое первое знакомство с ирландским вопросом!»

В Дублине мальчиком помимо няни занималась еще и гувернантка. Ее задачей было научить его читать и считать. «Все эти занятия, – позднее писал он, – отравляли мою детскую жизнь. Они отвлекали от интереснейших вещей, манивших в детскую или в сад». Он вспоминал также, что мать почти всегда одобряла действия гувернантки.

Спустя пятьдесят лет Черчилль напишет о матери: «Она светила мне, как вечерняя звезда. Я нежно любил ее, но издали». Любовь и заботу, которых не давали родители, он находил у няни. «Моей наперсницей была няня, – писал он. – Миссис Эверест ходила за мной и всячески баловала меня. С ней я делился многими своими печальями».

В феврале 1880 г. у Черчилля родился брат Джек. Вскоре после его рождения семья вернулась в Лондон, на Сент-Джеймс-плейс, 29. Черчилль знал о болезни Дизраэли, бывшего премьер-министра от Консервативной партии. «Конечно, я знал, что лорд Биконсфилд умирает, – писал он позже. – И вот настал день, когда все разом опечалились и жаловались, что великому государственному мужу, любившему свою страну и бросившему вызов России, разбила

---

¹ Фении – ирландские революционеры-республиканцы 2-й половины XIX – начала XX в.

сердце неблагодарность радикалов». Бенджамин Дизраэли, первый лорд Биконсфилд, скончался, когда Черчиллю было шесть лет.

На Рождество 1881 г., вскоре после своего седьмого дня рождения, Черчилль был в Бленхейме. Именно оттуда он написал свое первое сохранившееся письмо, датированное 4 января 1882 г.: «Моя дорогая мама, надеюсь, у тебя все хорошо. Большое-пребольшое спасибо за замечательные подарки. Солдатики, знамена и замок очень хорошие. Вы с моим дорогим папой очень добры. Шлю вам свою любовь и множество поцелуев. Ваш любящий Уинстон». Той же весной Черчилль на два месяца вернется в Бленхейм. «Как хорошо за городом, – писал он матери в апреле. – В здешних садах и парках гулять гораздо лучше, чем в Грин-парке или Гайд-парке». Но он скучал по родителям и, когда бабушка уехала в Лондон, написал отцу: «Хотелось бы поехать с ней, чтобы поцеловать тебя».

За братьями в Бленхейме ухаживала миссис Эверест. «В пятницу, – писал он матери незадолго перед Пасхой, – мы видели змею, ползущую в траве. Я хотел убить ее, но Эверест не позволила». На Пасху миссис Эверест повезла братьев на остров Уайт, где ее зять служил старшим надзирателем в тюрьме Паркхерст. Они остановились в Вентноре, в коттедже с видом на море. Из Вентнора Черчилль сообщал матери: «У нас был пикник, мы ездили в Сандаун обедать на пляже и ходили смотреть форты. Там есть огромные 18-тонные пушки».

Той осенью Черчиллю объявили, что его собираются отправить в пансион. «Я был, – позже писал он, – как обычно бестактно говорят взрослые, «трудный ребенок». Выяснилось, что я должен уехать из дома на много недель, чтобы заниматься с учителями». Впрочем, «трудным» он был не для всех. Сестра леди Рэндольф Леони считала его очень веселым и непосредственным.

Пансион Сент-Джордж находился близ Аскота. Черчилля отправили туда за четыре недели до его восьмого дня рождения. Половина семестра уже прошла. Мать привезла его днем. Они сели пить чай с директором. «Больше всего я боялся, – вспоминал он почти пятьдесят лет спустя, – расплескать чай и тем самым испортить первое впечатление. Меня также приводила в отчаяние мысль, что придется остаться одному среди незнакомых людей в этом огромном, пугающем месте».

Школьные неприятности начались буквально с первых же дней. «В конце концов, – писал позже Черчилль, – мне было всего семь лет, и мне было гораздо лучше дома с моими игрушками. Игрушки у меня были замечательные: настоящий паровоз, волшебная лампа и коллекция солдатиков почти в тысячу штук. Теперь же у меня были только уроки». Система воспитания в Сент-Джордже была суровой, отчасти даже жестокой. «Порка розгами по примеру Итона, – писал Черчилль, – была неременной. Но я уверен, ни один ученик Итона и уж наверняка ни один ученик Харроу в мое время (Черчилль учился в Харроу с 1888 по 1892 г. – М. Г.) не подвергался столь жестокой порке, какую устраивал своим маленьким подопечным директор нашего заведения. Это, я думаю, превосходило по жестокости наказания, которые применялись в исправительных учреждениях Министерства внутренних дел».

Свидетелем этого был Роджер Фрай. «Директор сек розгами со всей силой, – позже писал он. – Достаточно было двух-трех ударов, чтобы выступала кровь, а после пятнадцати-двадцати ударов ягодицы мальчика представляли собой кровавое месиво». Черчилль вспоминал, как во время экзекуций все с содроганием слушали крики истязуемого.

«Как я ненавидел эту школу, – писал он, – и в какой тягостной атмосфере прожил более двух лет. У меня были очень скромные успехи в учебе и практически никаких – в играх. Я считал дни и часы до окончания каждого семестра, когда можно было вернуться домой из этого ненавистного рабства и выстроить моих солдатиков в боевой порядок на полу в детской».

Первые каникулы Черчилля после полутора месяцев пребывания в Сент-Джордже пришлось на Рождество 1882 г. Семья к этому времени перебралась в другой дом, на Коннот-плейс, 2, к северу от Гайд-парка. Там им предстояло прожить ближайшие десять лет.

«Что касается успехов Уинстона, – писала его мать мужу 26 декабря, – то с сожалением могу констатировать их отсутствие. Возможно, прошло недостаточно времени. Читает он хорошо, но это все. Первые два дня дома он разговаривал слишком громко и даже вульгарно. Этим я тоже разочарована. Но Эверест сказали, что в следующем семестре они намерены быть с ним поостроже». Леди Рэндольф также сообщала мужу, что старший сын дразнит маленького еще больше, чем раньше, так что придется им заняться. И завершила отзыв о своем восьмилетнем сыне так: «Кажется, он меня боится».

Первый отчет о школьных успехах Черчилля был неутешительным. Он оказался последним из одиннадцати учеников своего класса. По грамматике отзыв был: «Начало положено», по прилежанию: «Перспективы хорошие, но в следующем семестре должен более серьезно относиться к занятиям». Отчет заканчивался примечанием директора: «Очень честный, но в настоящее время слишком много шалит. Еще не усвоил правил поведения в школе, но этого и трудно было ожидать».

Школьные неприятности усугублялись слабым здоровьем, которое тоже весьма беспокоило родителей. «Очень жаль, что бедняжка Уинстон не очень хорошо себя чувствует, – писал лорд Рэндольф жене с юга Франции в канун нового, 1883 г., – и я не могу понять, в чем дело. Видимо, мы очень болезненная семья». Для улучшения самочувствия мальчика врач посоветовал провести неделю на море, в Херн-бей.

Находясь в Сент-Джордже, Черчилль постоянно, но тщетно просил мать навестить его. Перед завершением семестра в пансионе устраивали спортивный праздник. «Пожалуйста, позволь Эверест и Джеку приехать посмотреть состязания, – писал он, – и приезжай сама, дорогая. Очень надеюсь увидеть тебя, Джека и Эверест». Леди Рэндольф не приняла приглашения, но отправила к нему миссис Эверест. «Дорогая мама, любезно было с твоей стороны отпустить ко мне Эверест. Кажется, и она получила большое удовольствие, – пишет он после праздника и добавляет: – Осталось всего 18 дней».

В отчете за этот семестр Черчилль удостоился похвалы по истории, географии, переводу и поведению. Другие оценки были хуже: сочинение – «очень слабо», письмо – «хорошо, но чрезвычайно медленно», орфография – «плохо». О прилежании было сказано: «Не вполне осознает значение усердной работы. Должен изменить отношение к учебе». Из девяти учеников класса он оказался девятым, из тринадцати в параллели – тринадцатым.

Этим летом, пока Черчилль был в школе, скончался его дед, седьмой герцог Мальборо. Во время глубокого траура лорд Рэндольф решил развеяться в путешествии. Он отправился с женой и сыном в Гаштайн. Эта поездка на один из самых модных курортов Австро-Венгерской империи стала первой поездкой Черчилля в Европу. По пути отец с сыном заглянули в Париж. «Мы проезжали по Пляс-де-ла-Конкорд, – рассказывал он шестьдесят три года спустя. – Будучи наблюдательным ребенком, я обратил внимание на монумент, увенчанный венками и траурными лентами, и сразу спросил отца, в чем дело. Он ответил: «Это символизирует французские провинции, две из которых, Эльзас и Лотарингию, Германия отняла у Франции в последней войне. Французы очень переживают по этому поводу и надеются когда-нибудь их вернуть». Совершенно отчетливо помню, что я подумал про себя: «Надеюсь, они их вернут».

По возвращении в Сент-Джордж учеба у Черчилля пошла заметно лучше, чего нельзя сказать о поведении. «Семестр начал хорошо, – отмечено в отчете. – Но последнее время очень плохо себя ведет! Впрочем, в целом прогресс заметен». В отчете за следующий семестр отмечены успехи в истории и географии. Директор прокомментировал: «Надеюсь, он начал осознавать, что школа – это труд и дисциплина. Неумерен в еде».

В феврале 1884 г. лорд Рэндольф объявил о намерении баллотироваться в парламент от Бирмингема, поскольку Вудсток, как и сотни других городков, собирались лишиться возможности иметь своих представителей в парламенте. Направляясь в столь радикальный регион,

лорд Рэндольф был намерен доказать, что демократия тори не просто лозунг. В марте жена директора школы посетила Мидлендс. «Она там узнала, – писал Черчилль матери, – что ставят два к одному на то, что папа пройдет в парламент». Это его первое упоминание о политике. В остальном письмо посвящено спортивным состязаниям: «На днях мы все отправились в песчаную яму и играли в очень увлекательную игру. Ее борта около семи метров высотой, тяжелейшая борьба, и те, кто выбираются первыми, ведут отчаянную борьбу с остальными».

Следующий отчет о школьных успехах Черчилля свидетельствует, что, несмотря на незаурядные способности, он чувствовал себя крайне несчастным. С историей и географией дело обстояло хорошо, особенно с историей, но поведение характеризовалось так: «Крайне неудовлетворительно. Ему ничего нельзя доверить, а его опоздания на уроки, двадцать раз за сорок дней учебы, крайне постыдны. Постоянно создает трудности окружающим и все время попадает в различные неприятности. За его поведение никогда нельзя поручиться». Но при этом даже директор Сент-Джорджа не мог не отметить, что девятилетний мальчик очень одарен.

Письма Черчилля к матери следующего семестра показывают, насколько одиноко он себя чувствовал в этом враждебном мире. «Очень нехорошо с твоей стороны, – пишет он в начале июня, – не писать мне. С начала семестра я получил от тебя только одно письмо». В летнем семестре успехи в учебе вновь были оценены высоко. Грамматика, музыка и французский – «хорошо», история и география – «очень хорошо». Поведение – «лучше, но все еще причиняет беспокойство». Директор прокомментировал: «У него никаких амбиций. Если будет прилагать усилия, может стать первым к окончанию семестра».

В девять с половиной лет Черчилль получил от отца книгу Стивенсона «Остров сокровищ». «Помню наслаждение, с каким я поглощал ее, – писал он позже. – Учителя видели меня одновременно и отстающим, и не по годам развитым, по уши погруженным в чтение книг и остающимся среди самых последних по успеваемости. В их распоряжении был целый арсенал средств принуждения, но я оставался непреклонен». Табель успеваемости за этот семестр вновь свидетельствует о непрекращающихся проблемах с дисциплиной. В характеристике было написано: «В целом хорошо. Периодически доставляет большие проблемы».

Что за проблемы, не сказано, но другой ученик Сент-Джорджа, Морис Бэринг, который поступил в школу вскоре после того, как Черчилль ее покинул, сообщал в своих воспоминаниях: «Черчилль получил наказание розгами за то, что воровал сахар из буфета, но, нисколько не раскаявшись, он схватил с крючка над дверью священную вещь – соломенную шляпу директора и разодрал ее на куски». Его вызывающее поведение уже стало легендой.

Этой осенью у Черчилля снова возникли проблемы со здоровьем. Семейный доктор Робсон Руз, работавший как в Лондоне, так и в Брайтоне, предложил перевести мальчика в брайтонскую школу, где учился его собственный сын, полагая, что приморский климат пойдет Уинстону на пользу. Руз вызвался присматривать за ним. «Поскольку меня сочли очень болезненным, – вспоминал позже Черчилль, – решили, что желательно держать меня под постоянным наблюдением». Этой школой-пансионом заведовали сестры Томсон. Школа находилась в Брайтоне, в двух зданиях по Брунsvик-роуд, под номерами 29 и 39. Семестр начался в сентябре 1884 г. «Я здесь очень счастлив, – писал он матери в конце октября. – Но я был расточителен – купил себе красивый альбом для марок и марки. Пожалуйста, вышли немного денег».

30 ноября Черчилль отпраздновал десятый день рождения. Через три дня его отец отправился из Англии в Индию. Там ему предстояло находиться до марта 1885 г. В случае возвращения консерваторов к власти он надеялся занять пост министра по делам Индии. «Хотелось бы мне оказаться с тобой на этом прекрасном корабле, – писал Черчилль, вернувшись в школу. – Из окна поезда мы видели, как твой корабль выходит из гавани».

Той зимой сестра леди Рэндольф Клара писала американской бабушке мальчика: «Уинстон стал очень милым и очаровательным мальчиком». Тем не менее в середине декабря дома получили тревожное письмо из новой школы, от одной из сестер Томсон, Шарлотты. Мать

вызывали к сыну, с которым, как она писала, «случилась неприятность, которая может оказаться весьма серьезной. Был экзамен по рисованию. Между ним и мальчиком, сидевшим рядом, возник спор за ножик, который наставник дал им для работы. Все произошло в одно мгновение – Уинстон получил легкое проникающее ранение в грудь». По словам мисс Томсон, доктор Руз заверил ее, что, хотя все могло кончиться хуже, состояние мальчика опасений не вызывает. Они не впервые получают жалобы на вспыльчивый характер обидчика Черчилля, продолжала она, и теперь попросят родителей забрать его из школы. Сообщая об этом происшествии мужу, леди Рэндольф выражает уверенность, что Уинстон сильно вывел этого мальчика из себя, и надежду, что случившееся послужит ему уроком. Черчилль на несколько дней вернулся в Лондон с доктором Рузом, тогда леди Рэндольф узнала, что перочинный ножик, которым был ранен ее сын, вошел чуть более чем на полсантиметра и что он действительно начал первым, выкручивая противнику ухо. «Чего только не случается с нашим Уинстоном, – отвечал лорд Рэндольф жене из Бомбея. – Счастье, что ранение несерьезное».

Первый семестр в Брайтоне закончился за неделю до Рождества. Несомненно, отчасти из-за ранения Черчилль показал не очень хорошие результаты. Он оказался последним в классе по французскому, английскому и математике. Впрочем, в отчете отмечалось, что во второй половине семестра мальчик стал заметно внимательнее. Позднее Черчилль вспоминал: «Эта школа была поменьше той, которую я покинул, и дешевле. В ней было меньше показухи, но были доброта и сочувствие, которых мне так не доставало в предыдущей».

Рождественские праздники 1884 г. Черчилль провел в Лондоне. Матери было нелегко управляться с ним. «Придется отправить Джека обратно перед Рождеством, – писала она сестре Кларе незадолго до праздника, – поскольку я не могу справиться с Уинстоном без Эверест. Боюсь, даже ей это не по силам». Черчилль вернулся в Брайтон 20 января и на следующий день написал матери: «Ты должна быть счастлива без меня. Никаких криков и жалоб от Джека. Наверное, для тебя наступил рай на земле». Через три дня он сообщает ей о школьных успехах: «Сегодня мы ездили верхом, без поводьев, и даже легким галопом».

Черчиллю по-прежнему хочется, чтобы мать навещала его. Одним из поводов оказалась постановка школьной пьесы. Леди Рэндольф приехала с пятилетним Джеком. «Они были так счастливы вместе, – писала она мужу на следующий день. – Уинни был радостно взволнован, но, на мой взгляд, он выглядит очень бледным и слабым. Мальчик требует постоянной заботы. Он сказал, что здесь вполне счастлив, и мне кажется, школа ему нравится».

В таблице успеваемости за этот семестр был отмечен прогресс. По английскому, французскому и классическим языкам он оказался четвертым из десяти. Впрочем, опять оказался последним по поведению – двадцать девятым из двадцати девяти. К моменту возвращения с каникул популярность лорда Рэндольфа сильно возросла. «Я катался верхом с одним джентльменом, – пишет Черчилль матери в мае. – Он считает Гладстона «скотиной» и говорит, что «премьером должен стать тот, с подкрученными усами». Машинист электропоезда тоже утверждает, что «лорд Р. Черчилль должен стать премьер-министром».

В этом же месяце Черчилль пишет матери, что успешно учится плавать, постоянно занимается верховой ездой, делает успехи во французском и латыни, но довольно сильно отстает в греческом.

Тем летом десятилетний мальчик с огромным удовольствием прочитал статью об отце в газете Graphic. Статья, сообщает он матери, «действительно очень хороша. На иллюстрации изображен папа в библиотеке с разными фотографиями». Через шесть дней либеральное правительство потеряло большинство в палате общин, и Гладстон ушел в отставку. Лидер консерваторов лорд Солсбери сформировал новое правительство. Отец Черчилля стал в нем министром по делам Индии.

В июле завершился третий семестр учебы в Брайтоне. По поведению Уинстон по-прежнему оставался последним, тридцатым из тридцати, но по учебным дисциплинам дела обсто-

яли намного лучше. Он стал первым в классических дисциплинах и третьим – по французскому языку. «Очень заметный прогресс в этом семестре, – писала Шарлотта Томсон. – Если продолжит учебу с настойчивостью и прилежанием, можно надеяться на большие успехи». Тем летом Черчилль с братом проводили летние каникулы в Кромере, на Северном море. «Скорее приезжай повидаться с нами, – уговаривает Черчилль мать в середине августа. – Ты приедешь?»

Леди Рэндольф не отреагировала на просьбу, зато договорилась с гувернанткой, которая занималась бы с ним по школьной программе во время каникул. Но это было совсем не то, чего ему хотелось. «У меня очень мало свободного времени, – пишет он матери 25 августа. – Погода замечательная, но у меня почти нет времени на себя. Гувернантка очень недобрая, требовательная и строгая». Единственным утешением служило обещание матери в ближайшие дни приехать на десять дней. К тому же каникулы омрачила болезнь. Сначала какая-то сыпь на ногах вынудила его ездить на прогулки в тележке, запряженной осликом. «А совсем недавно, – признается он, – настроение у меня совсем испортилось, но это, видимо, из-за печени, потому что был приступ желчной болезни, и температура поднялась до 37,8°».

Вернувшись осенью в Брайтон на осенний семестр, Черчилль прочитал в местной газете, что его отец выступал в городе с речью. «Не могу понять, почему ты не заехал ко мне, когда был в Брайтоне, – написал он. – Я очень расстроился, но, по-видимому, ты был слишком занят». В качестве министра по делам Индии лорд Рэндольф санкционировал военную экспедицию против Бирмы, король которой, Тибо, долго отказывался прекратить нападения на британские торговые суда и вдобавок наложил таможенную пошлину на британскую торговую компанию. Через десять дней столица страны была оккупирована, а король взят в плен. Дальнейшая судьба Бирмы должна была решиться на заседании кабинета министров на Даунинг-стрит, 10. Лорд Рэндольф был за аннексию. Несмотря на колебания лорда Солсбери, точка зрения лорда Рэндольфа возобладавала, и 1 января 1886 г. был сделан, как он выразился, «новогодний подарок королеве» – присоединение Бирмы к Британской империи.

26 января правительство консерваторов потерпело поражение в палате общин. Последовавшие всеобщие выборы, хотя и сохранили лорду Рэндольфу место в парламенте, принесли ирландским националистам баланс сил в Вестминстере. Гладстон сформировал либеральное правительство, поддерживающее их. Юный Черчилль, в очередной раз оказавшись без денег, заметил в связи с этим: «Мы не у дел, а экономят они на мне».

В марте одиннадцатилетнего Черчилля свалило воспаление легких, поставив его прямо-таки на грань жизни и смерти. Температура поднялась до 40°. Леди Рэндольф поспешила в Брайтон, следом направился и ее супруг. «Я в соседней комнате, – написал доктор Руз лорду Рэндольфу воскресным вечером 14 марта, – и буду следить за пациентом всю ночь, потому что очень обеспокоен». Высокая температура, сохранявшаяся до полуночи, встревожила доктора. Об этом он сообщил лорду Рэндольфу в шесть утра: «Я использовал стимуляторы перорально и ректально, в результате чего в 2 часа 15 минут температура упала до 38,3°, а сейчас – до 37,8°, слава Богу! Я отменю свои дела в Лондоне и сегодня останусь с мальчиком».

Но на следующий день температура у больного снова пошла вверх. «Мы продолжаем бороться за вашего мальчика, – написал Руз лорду Рэндольфу в час дня. – Сейчас у него 39,5°, но аппетит лучше, и ухудшения в легких не наблюдается. Пока мне удастся сбивать температуру, удерживая ее не выше 40,5°, оснований для тревоги не вижу». Кризис продолжался, но Руз был уверен, что худшее миновало. «Питание, стимуляторы и пристальное наблюдение спасут мальчика, – написал он в бюллетене в час дня, добавив: – Я настроен оптимистично».

В одиннадцать вечера Руз направил лорду Рэндольфу очередную записку: «Ваш мальчик, по моему мнению, еще в опасности, но держится очень хорошо! Температура сейчас 39,7°, чем я вполне удовлетворен, поскольку предполагал 40°. По крайней мере, в ближайшие двенадцать часов особых поводов для беспокойства быть не должно, поэтому желаю вам спокойной

ночи». Но на следующее утро Руз докладывал: «Ночь была очень тревожная, но нам удалось выстоять. Пульс по-прежнему показывает хорошее наполнение. Надеюсь, он скоро перестанет бредить и сможет спокойно спать. Я констатирую факт: ваш мальчик удивительно хорошо борется, и я чувствую, он милостью Божьей выздоровеет». Левое легкое оказалось не задето. Ожидалось, что критическое положение продлится еще двадцать четыре часа.

Утром 17 марта произошел перелом. «Уинстон спокойно проспал 6 часов, – сообщил Руз. – Бредовое состояние прекратилось. Температура 37,2°, пульс 92, частота дыхания 28. Он шлет вам и ее светлости свои приветы». Черчилль очень хотел увидеться с миссис Эверест, которая ждала первой возможности оказаться с ним рядом. «Простите за беспокойство, – написал доктор леди Рэндольф 17 марта, – но хочу довести до вашего мнения, что Уинстону требуется абсолютная тишина и покой. Миссис Эверест не следует сегодня навещать его: возбуждение может повредить. Я очень опасаюсь рецидива, понимая, что опасность пока еще окончательно не миновала».

Узнав, что худшее позади, зять леди Рэндольф Мортон Фривен написал ей 17 марта: «Бедный дорогой Уинни, очень надеюсь, что это останется без последствий, но, даже если болезнь станет причиной его слабости на долгое время, ты сможешь сделать для него больше после того, как его вернули тебе с порога Неведомого».

Мальчик восстанавливался медленно. Отец дважды приезжал в Брайтон навестить его. Один раз в марте с виноградом, другой – в апреле, с игрушечным паровозом. Для лорда Рэндольфа это было время активных действий. Гладстон пообещал, что либеральное правительство представит закон о гомруле, призванный создать в Ирландии парламент, наделенный властными полномочиями. Лорд Рэндольф старался предотвратить это. Он обращал внимание на несовместимость ирландцев-протестантов с католической ирландской администрацией. 8 мая Times опубликовала письмо, которое лорд Рэндольф написал члену Либеральной партии в Глазго. Он предупреждал, что, если правительство либералов навяжет гомруль ирландским протестантам, «Ольстер будет сражаться, и Ольстер будет прав». Эта фраза стала лозунгом протестантов на Севере.

К июлю Черчилль настолько окреп, что смог вернуться в школу. Он с волнением ждал грядущих всеобщих выборов. Его отец уже встречался с избирателями 2 июля. «Надеюсь, консерваторы вернутся, – писал он матери. – А ты как думаешь? Я очень рад, что папа собрал в Южном Паддингтоне огромное большинство. Думаю, это победа!» Лорд Рэндольф получил 2576 голосов против 769 его оппонента. Результаты выборов зависели от позиции Джозефа Чемберлена и его сторонников – либералов, которые, выступив против гомруля, назвали себя либерал-юнионистами и поддержали консерваторов. В альянсе с ними лорд Солсбери сформировал свою вторую администрацию. Новая политическая партия, партия консерваторов и юнионистов, была в стадии формирования. Через пятьдесят три года Уинстон Черчилль станет ее лидером.

Лорд Рэндольф стал канцлером Казначейства. Ему было тридцать семь лет. Черчилль, пристально следивший за выборами, гордился достижениями отца. В Брайтоне он был счастлив. «Постепенно я заметно окреп на этом бодрящем воздухе и в доброжелательной обстановке, – писал он позже. – Мне разрешили заниматься тем, что меня больше всего интересовало, – французским, историей, заучиванием стихов и, кроме того, верховой ездой и плаванием. Воспоминания об этих годах особенно приятны по контрасту с теми, что оставила у меня прежняя школа».

Оглядываясь на дни учебы в Брайтоне шесть лет спустя, когда он уже учился в Харроу, Черчилль был более скептичен. «Я часто думаю про мисс Томсон, – писал он своему другу, – и пришел к заключению, что многие правила, а главное, питание были попросту отвратительны. Вовсе не хочу сказать ничего плохого в адрес мисс Кейт или мисс Ш., поскольку помню и ценю их доброту, но половинка сосиски – уф!!!»

В одном из писем лета 1886 г. Черчилль пишет матери: «Очень неловко признаваться, что я банкрот и немного наличных было бы очень кстати». Это была не первая его просьба о деньгах и далеко не последняя. В письмах леди Рэндольф этого периода появляются жалобы на его мотовство. А Уинстона все больше интересует мир за пределами школы – так, в сентябре он сообщает матери о том, что Брайтонский муниципалитет израсходовал 19 тысяч фунтов (по курсу 1990 г. примерно 750 тысяч фунтов) на расширение улицы Парэйд. По его мнению, это была ненужная трата огромных денег.

Письмо Черчилля о чрезмерных общественных тратах было написано за четыре дня до того, как лорд Рэндольф, выступая в Дартфорде, в графстве Кент, дал обещание сократить правительственные расходы. Этой осенью он также вынашивал планы изменить структуру налогообложения. Как позже писал его сын, «он хотел ввести гораздо более радикальный, чем его предшественники, принцип демократии, применив как основу налогообложения уровень платежеспособности граждан». Между тем потребность Уинстона в отцовском внимании по-прежнему оставалась неудовлетворенной. В письме от 10 ноября 1886 г., за три недели до своего двенадцатилетия, он сетует, что отец не навещает его, бывая в Брайтоне.

Подготавливая свой первый бюджет, лорд Рэндольф надеялся убедить первого лорда Адмиралтейства и военного министра сократить расходы на будущий год с целью создать более справедливую систему налогообложения и противостоять внешнеполитической линии, предполагающей растущие расходы на вооружение. Но когда стало ясно, что оба министра не желают сокращать расходы своих департаментов, лорд Рэндольф написал лорду Солсбери: «Я не хочу быть источником ссор и конфликтов в кабинете, следовательно, должен просить разрешения оставить свой пост и покинуть правительство». Солсбери, получив письмо, воспринял его как прошение об отставке и принял ее. Лорд Рэндольф был поражен. Он-то рассматривал свое письмо как предупредительный, а может, и решающий выстрел в сражении с Адмиралтейством и Военным министерством, а не как просьбу об отставке, резко обрывающей его карьеру.

Но что сделано – то сделано. Лорд Рэндольф больше не был министром финансов. Ему не суждено было ни представить свой первый бюджет, ни вернуться в правительство. Двадцать лет спустя Черчилль опубликует подробный рассказ об отставке отца. «Конечно, он думал, что уйдут другие, – писал он. – Несомненно, он надеялся одержать верх. Ошибкой отца стало то, что он просмотрел недовольство и зависть, которые вызвал его внезапный приход к власти».

Двенадцатилетний мальчик вскоре почувствовал, что такое общественное недовольство. Леди Рэндольф рассказывала мужу, находившемуся тогда в Марокко: «Уинстон был на пантомиме в Брайтоне, и там представили скетч о тебе. Он разразился слезами, а потом обернулся к мужчине, который громко выражал одобрение, и крикнул: «Прекрати вопить, ты, наглый радикал!» Лорд Рэндольф был настолько тронут сыновней преданностью, что попросил передать ему золотой соверен. «Мы все, разумеется, надеялись на его возвращение во власть, – позже написал Черчилль. – Мы, дети, видели, как на улицах прохожие снимали шляпы, а рабочие широко улыбались при виде его больших усов».

Этим летом Черчилль выдержал непростое сражение за право приехать в Лондон на празднование юбилея королевы Виктории. Чтобы добиться желаемого, ему пришлось написать матери три письма. Вот первое: «Моя дорогая мама, мисс Томсон не хочет, чтобы я ехал домой на юбилей. Она говорит, что в Вестминстерском аббатстве нет места, поэтому не стоит собираться. Кроме того, она говорит, что ты будешь очень занята и не сможешь проводить со мной много времени.

Но ты же понимаешь, что это не довод. Я хочу посмотреть Буффало Билла и представление, как ты мне обещала, и буду очень разочарован, разочарован – не то слово, я буду несча-

стен, если ты не исполнишь обещания. Я после этого больше никогда не смогу верить твоим обещаниям. Но я знаю, что мама слишком любит своего Уинни, чтобы так поступить.

Напиши мисс Томсон и скажи, что ты обещала мне и хочешь, чтобы я приехал домой. Я знаю, Джек ежедневно упраскивает тебя разрешить мне приехать. Ведь после юбилея пройдет целых семь недель, прежде чем я смогу попасть домой. Не подведи меня. Если ты напишешь мисс Томсон, она не станет возражать. Я могу приехать в субботу и остаться до среды. У меня есть для тебя две новости – приятная и неприятная. Впрочем, у меня все хорошо, только я очень волнуюсь по поводу приезда домой. Я буду ужасно расстроен, если ты не разрешишь».

Это письмо было отправлено из Брайтона 11 июня. Второе письмо последовало через сутки: «Надеюсь, ты не подведешь меня. Неопределенность тяжелее всего. Напиши мне с обратной почтой, пожалуйста!!!» Черчилль даже приложил черновик письма, которое мать должна была отправить мисс Томсон: «Не могли бы вы разрешить Уинстону приехать в Лондон в субботу? Мне очень хотелось бы, чтобы он увидел шествие, и к тому же я обещала ему, что он попадет на юбилей».

В этом черновике Черчилль не стал упоминать про Буффало Билла. Но в очередном письме матери он снова напоминает об этом. Представление должно было состояться в Эрлс-Корт, выступать должен был сам Буффало Билл Коди с большим количеством индейцев, ковбоев, скаутов, поселенцев и мексиканцев. Письмо заканчивалось так: «Ради бога, не забудь!!!» Третье письмо, отправленное 15 июня, было кратким: «Я схожу с ума от неизвестности. Мисс Томсон говорит, что разрешит мне поехать, если ты попросишь. Умоляю тебя, напиши, пока не поздно. Напиши мисс Томсон с обратной почтой, пожалуйста!!!»

Настойчивость его была вознаграждена. Леди Рэндольф пошла навстречу желанию сына, и он приехал в Лондон на празднование пятнадцатилетней годовщины восшествия на трон королевы Виктории. Это был очень радостный приезд. «Надеюсь, ты скоро забудешь мое плохое поведение дома, – написал он матери на следующий день по возвращении в Брайтон, – и это не повлияет на будущие летние каникулы. Я отлично усвоил Евклида. Мы с еще одним мальчиком лучшие в школе». Чуть позднее он сообщает, что отлично успевает по греческому и латыни, и передает мнение одного из преподавателей, что в греческом он значительно продвинулся. «Это важно, – замечает он, – ведь греческий – мое слабое место, а без него мне не попасть в Винчестер, так что я очень доволен первыми успехами».

Черчилль мечтал провести летние каникулы в Париже или где-нибудь на континенте. Но он подозревал, что у матери свои планы. «Моя дорогая мама, – писал он ей за три недели до начала каникул, – надеюсь, ты не намерена отравить мне каникулы, пригласив репетитора». Тем не менее репетитора она пригласила. Им должен был стать его преподаватель греческого языка, двадцатичетырехлетний Джеймс Бест. Черчилль смирился. «Поскольку он теперь репетитор, – писал он матери, – и он мне очень нравится, я несколько не возражаю, но при одном условии: не делать никаких уроков. Я согласен на все за исключением этого. Я никогда не делал уроки во время каникул и не собираюсь делать их сейчас. Буду очень счастлив, если мне не придется беспокоиться, что меня заставят силой».

Однако леди Рэндольф была решительно за то, чтобы сын по-настоящему занимался во время каникул. Но он уже научился отстаивать свою точку зрения. «Обещаю, я буду очень хорошо вести себя на каникулах, – пишет Черчилль, – только непременно избавь меня от занятий, потому что я очень много занимался во время семестра и найду достаточно других дел. Мне никогда не составляло труда найти себе интересные занятия. Я мог бы целыми днями заниматься бабочками (как в прошлом году). Разреши хоть на недельку. Если я буду думать, что мне надо вернуться к определенному часу, это омрачит мне все удовольствие».

Полностью занятий избежать не удалось, хотя часть каникул Черчилль с Джеком и миссис Эверест снова провели на острове Уайт. По возвращении в Брайтон он узнал, что родители решили отправить его учиться не в Винчестер, к чему он готовился, а в Харроу. Учитывая

его болезненность, расположенный на холме Харроу казался им предпочтительнее. Осенью директор школы, доктор Уэлдон, написал лорду Рэндольфу: «Мы поместили его там, где будут тщательно следить за его здоровьем».

Черчилль был доволен решением родителей. «Я очень рад, что отправляюсь в Харроу, а не в Винчестер, – писал он отцу. – Надеюсь сдать вступительные экзамены, они там не такие сложные, как в Винчестере». Он сообщал далее, что извлечение квадратного корня и десятичные дроби уже освоены и что они приступают к изучению греческих глаголов второго спряжения. В конце семестра ему предстояло сыграть роль Мартины в комедии Мольера «Лекарь поневоле» и одного из двух персонажей в отрывке из пьесы Аристофана «Всадники».

При подготовке к вступительным экзаменам в Харроу Черчилль особенно налегал на греческие глаголы. По собственной инициативе он обратился за помощью к мальчику, с которым учился в Брайтоне и который тоже перешел в Харроу. «Он написал мне и все объяснил, – поведал Черчилль матери. – Надеюсь добиться успеха, потому что упорно занимался в течение всего долгого семестра». Результаты оказались превосходными: четыре из шести письменных работ он написал лучше всех – по истории Англии, алгебре, античной истории и библейской истории. По географии и арифметике его результат был вторым.

Во время экзаменов лорд Рэндольф приехал в Брайтон повидаться с тринадцатилетним сыном. А тот уже строил планы на рождественские каникулы. «В этом году у нас не будет рождественской елки, – написал он матери 13 декабря. – Но думаю, что хороший фокусник за три гинеи, чай, развлечения, игры и гости будут даже лучше». Однако все рождественские планы Черчилля рухнули. Родители совершенно неожиданно собрались в Россию, чтобы побыть там до февраля. «Мне ужасно жаль, что придется провести каникулы без вас, – сетует он, узнав новость от мисс Томсон, – но я стараюсь не унывать. Но конечно, сами мы не сможем устроить праздник». Рождество он провел в Лондоне и уже 26 декабря жаловался матери, что очень скучает, а заодно сообщал, что получил в школе два приза – по английскому и Священному Писанию.

В это Рождество миссис Эверест заболела дифтеритом. «Это очень тяжело, – писал Черчилль матери 30 декабря. – Мы чувствуем себя совершенно заброшенными». Ему с Джеком пришлось покинуть Коннот-плейс и перебраться на Хилл-стрит под присмотр доктора Руза. Через четыре дня мальчиков увезли в Бленхейм, где они пробыли неделю. «Это пошло им на пользу, – сообщала их бабушка, вдовствующая герцогиня, лорду Рэндольфу 8 января 1888 г. – Я держу Уинстона в строгости, поскольку знаю, что тебе это нравится. Он умный мальчик и совсем не озорник, но ему требуется твердая рука. Джеку особая строгость не требуется».

Из Бленхейма мальчики с герцогиней вернулись в Лондон и остановились в доме 46 на Гровенор-сквер. Их сводили на комическую оперу Гильберта и Салливана «Корабль ее величества «Фартук» и на пантомиму «Кот в сапогах». Но гувернантка приходила ежедневно с десяти утра до семи вечера, а герцогиня ограничивала вечерние выходы. «Боюсь, Уинстон считает меня очень строгой, – пишет она лорду Рэндольфу 19 января, – но я действительно считаю, что он слишком часто отлучается из дома, и возражаю против его вечерних увеселений. Он крайне возбудимый. Но в понедельник он возвращается в школу. В целом же он очень ласковый и не озорник». Уинстон сильно переживал за миссис Эверест, Вумани, как он ее называл. «Как было бы ужасно, если бы Вумани умерла», – писал он матери в Россию.

В письме, которое Черчилль оставил в Лондоне для матери, он просил купить ему хорошие латинско-английский и англо-латинский словари. Через неделю попросил греческий. Он начал читать в оригинале Вергилия и Геродота и был уверен, что на вступительном экзамене в Харроу все будет хорошо. «Я слышал, что алгебра у них – дополнительный предмет, и надеюсь набрать хорошие баллы, поскольку я очень ее люблю, – писал он. – Там требуются лишь арифметика, простые и десятичные дроби, простые и сложные проценты, а все это я

знаю. Я к тому же хорошенько проштудировал первую часть Евклидовой геометрии, выучил несколько неправильных греческих глаголов и много французских. Это все потому, что хочу поступить».

В феврале Черчилль написал матери: «Я упорно занимаюсь для поступления в Харроу. У меня не очень хорошо с латинскими стихами, но это не имеет особого значения, главное – проза, а в этом я быстро совершенствуюсь. Когда вернусь домой, можешь меня проверить». Кроме того, он читал и романы. Получив от Хаггарда экземпляр его «Аллана Квотермейна», Черчилль пишет ему, что находит этот роман более увлекательным, чем предыдущий – «Копи царя Соломона».

За девять дней до вступительного экзамена в Харроу Черчилль сообщил отцу: «Я успешно преодолел вторую книгу «Энеиды» Вергилия, и она мне нравится больше, чем что-либо другое. Надеюсь сдать. Думаю, смогу».

Уверенность Черчилль была обоснованной: 15 марта он сдал вступительный экзамен в Харроу, но при этом очень перенервничал. Когда он отправился из Харроу на поезде в Лондон, Шарлотта Томсон сообщила лорду Рэндольфу, что у мальчика был сильный приступ слабости, и она беспокоилась за него. «Он с большим трудом справился, – писала она, – и был ужасно расстроен после утренних экзаменов. Проблемой оказался перевод с латинского. Он уверял, что никогда не переводил с латыни на английский, и поэтому не смог перевести предложенный на экзамене кусок прозы. Насколько мне известно, он более года занимался переводом Вергилия, а еще дольше – Цезаря, так что меня очень удивило его заявление, но, разумеется, я не стала спорить».

«Я поступил, – написал Черчилль матери из Брайтона 16 марта, – но это оказалось намного труднее, чем я ожидал. Перевод с латыни оказался очень и очень трудным, так же как и с греческого. На экзамене не было греческой грамматики, в которой я надеялся набрать баллы, и не было французского. Я очень устал, но теперь это не имеет значения, потому что поступил. Мне очень хотелось поступить в Харроу, там замечательно – прекрасный вид, прекрасное расположение, хороший плавательный бассейн, хороший спортивный зал, столярная мастерская и многое другое». Еще одним преимуществом в глазах Черчилля была близость к Лондону: от вокзала Виктория до Харроу езды час с четвертью.

Последний месяц Черчилля в Брайтоне был полон мыслей о доме. «Я очень хочу встретить Пасху с тобой. Возвращайся скорее», – писал он отсутствовавшей матери 27 марта. Но к Пасхе она так и не приехала.

Глава 2

Харроу

Черчилль поступил в школу Харроу в апреле 1888 г. Как в Сент-Джордже и Брайтоне, он стал пансионером и виделся с родителями только во время каникул, да и то не всегда. «Мне все чрезвычайно нравится», – сообщает он в своем первом письме домой, написанном через три дня после прибытия. На следующий день он с гордостью извещает, что на вступительном экзамене по арифметике показал, как выяснилось, лучший результат.

Уже в первый месяц пребывания в Харроу Черчилль вступил в школьный кадетский отряд и аккуратно посещал занятия. Вместе с кадетами он съездил в Рикмансуорт, где произошло шуточное сражение с учениками Хейлибери-скул. «Поскольку у меня не было формы, я лишь подносил патроны, – написал он домой. – Я совершил не меньше сотни рейдов в самую гущу боя. Это дало мне хорошую возможность наблюдать поле сражения. Было очень увлекательно. Можно было видеть, как в дыму противник продвигается все ближе и ближе, и в результате мы потерпели поражение и были вынуждены отступить».

Первая письменная работа Черчилля в Харроу была посвящена Палестине времен Иоанна Крестителя, когда земля, как он выразился, «лежала у ног римлян, которые тогда были в зените славы». О зелотах, готовых рисковать своей жизнью, своими жилищами, всем чем угодно ради свободы своей страны. Про фарисеев он писал: «У них было множество недостатков. А у кого их мало? Утверждать, будучи христианином, что они более греховны, значит совершать то же преступление, в котором обвиняют их».

Черчилль учился стрелять из винтовки Мартини-Генри, которая была на вооружении британской армии. Он заучил тысячу строк из «Песен Древнего Рима» Томаса Маколея и получил приз. При этом он скучает в разлуке с матерью, хотя порой их встречи доставляют ему огорчения. «Я стараюсь как могу, – пишет он в конце июня, – но ты так сердись на меня, что я чувствую себя тупицей. – И добавляет: – Мама, приезжай в субботу. Я не лентяй и неряха, а просто невнимательный и забывчивый».

Однако в субботу леди Рэндольф не приехала. Не оправдалась и надежда увидеть ее неделей позже на Актовом дне, когда Черчилль пел в школьном хоре. Ему пришлось удовлетвориться визитом тетушки – леди Фанни Марджорибэнкс, чей сын тоже учился в Харроу, а муж был восходящей звездой фракции либералов в парламенте.

Школьные гимны, которые исполнял Черчилль на Актовом дне, подогрели его энтузиазм. «Активный патриотизм, который пробуждали эти гимны, – позже писал его сын Рэндольф, – заложили основу всего его политического поведения». Когда в 1940 г. Рэндольф сопровождал отца в Харроу на ежегодное исполнение школьных гимнов, Черчилль сказал ему: «Слушая, как эти мальчики поют хорошо знакомые мне гимны, я вижу самого себя пятьдесят лет назад, распевającego баллады о великих деяниях и великих героях и мечтающего совершить какой-нибудь славный поступок ради моей страны».

Позднее, выступая перед учениками Харроу в октябре 1945 г., Черчилль вспоминал, что он был «крайне увлечен этими песнопениями, и постоянно думал: «Если бы мне дали возможность руководить одним из этих прекрасных вечеров!» Но такой возможности мне не предоставили. Поэтому пришлось смирить амбиции и связать свои надежды с другим: я решил, что могу стать дирижером. В Харроу я этого тоже не добился, но со временем мне довелось-таки дирижировать большим ансамблем, игравшим на необычных огромных инструментах, наполнявших своим ревом все окрестности».

В Харроу учащимся предоставляли краткосрочные перерывы, и Черчилль надеялся в июле съездить на неделю домой, но был вынужден остаться в школе. Помощник директора Генри Дэвидсон объяснял леди Рэндольф: «Дело не в том, что он сознательно создает проблемы, а в его забывчивости, невнимательности и общей неорганизованности. Это достаточно серьезно, и иногда я даже хочу попросить вас поговорить с ним об этом».

Дальше – больше. «С сожалением должен констатировать, что Уинстон на протяжении семестра ведет себя все хуже, – писал Дэвидсон. – Постоянно опаздывает на уроки, теряет учебники, тетради и прочее. Мне даже не хочется в это углубляться. Он настолько неорганизован, что я не знаю, что делать. Порой мне кажется, он просто не управляет собой. Если он не сможет победить этот недостаток, ему никогда не добиться успехов в частном учебном заведении. Он обладает большими способностями, но его халатность может сделать их бесполезными. В заключение не могу не сказать, что я весьма удовлетворен работами по истории, которые он выполняет по моему заданию». В этом семестре Черчилль получил приз класса по истории Англии.

В осеннем семестре Черчилль принял участие в школьном конкурсе по чтению наизусть Шекспира. По письмам родителям видно, как страстно он хотел его выиграть, но не сумел. Он сделал всего двадцать семь ошибок на тысячу строк, после чего написал: «Я был весьма удивлен, что сумел обойти два десятка мальчиков, которые намного старше меня». Затем, накануне четырнадцатого дня рождения, он с гордостью сообщил о победе в конкурсе по английской истории. Он также стал первым по истории Древнего Рима и добился значительных успехов в греческом и латыни.

Дома во время рождественских и новогодних каникул у Черчилля опухло горло и разболелась печень. В письме матери, которая опять путешествовала, он жаловался, что лекарства приходится принимать шесть раз в день. Когда он немного оправился, доктор Руз посоветовал для полного выздоровления отправить его на море. В очередной раз он с миссис Эверест отправился на остров Уайт. Однако болезнь не отступила и по возвращении в школу изрядно мешала учебе. В марте он писал матери: «Я лежу в постели, потому что едва могу стоять на ногах. Не представляю, каково бы мне было без Вумани».

Способности Черчилля не остались незамеченными. В апреле Уэлдон решил взять его в свою собственную группу и написал лорду Рэндольфу: «У него очень большие способности. На мой взгляд, он делает значительные успехи в учебе». Лорд Рэндольф прислал сыну велосипед. «Я проехал на нем восемь миль, – написал он отцу в мае. – Замечательная машина». Кроме того, ему очень нравилась новая группа. Но его снова подстерегала неприятность: он упал с велосипеда и заработал сотрясение мозга. Пришлось неделю провести в постели. Миссис Эверест вновь поспешила в Харроу, но Черчилль хотел видеть рядом мать. «Ты не могла бы приехать вместо нее? – спрашивал он. – Я весьма огорчен, что не смогу увидеть тебя. Я очень на это надеялся. У меня все тело болит, но настроение бодрое, я не скучаю, и время летит быстро. Особенно когда есть гости. Лучшей новостью стало то, что больничную сиделку заменила Вумани».

Оправившись после сотрясения мозга, Черчилль попросил отца приехать на Актовый день. «Не думаю, что тебя попросят произнести речь, – пытался он уговорить его. – Я считаю это крайне маловероятным. Ты ведь ни разу не навещал меня». С момента поступления Черчилля в Харроу прошло уже больше года, и наконец лорд Рэндольф все-таки приехал. Во время визита он сказал Уэлдону, что хочет перевести сына из обычного в военный класс. Но поскольку в военном классе были дополнительные дисциплины, необходимые для поступления в военную академию, Черчилль лишился возможности изучать те предметы, которые изучали мальчики, собиравшиеся поступать в университет. А он хотел именно этого.

По результатам семестра Черчилль вполне мог рассчитывать успешно сдать вступительные экзамены в университет. Но лорд Рэндольф считал, что сын должен служить в армии, сле-

довательно, учиться в военном классе. Много лет спустя Черчилль так вспоминал это решение отца: «Однажды он осмотрел мою коллекцию игрушечных солдатиков, насчитывавшую более полутора тысяч штук. Все они были выстроены в боевом порядке. Отец минут двадцать, улыбаясь, внимательно рассматривал их, а затем спросил, хочу ли я пойти на военную службу. Подумав, как замечательно командовать армиями, я выпалил «да!» – и мгновенно был пойман на слове. Много лет я считал, что отец с его опытом и интуицией разглядел во мне задатки военного. Но потом мне сказали, что он пришел к этому решению лишь потому, что не видел во мне способностей к адвокатуре». Уэлдон устроил Черчиллю проверочный экзамен для военного класса. Он показал неудовлетворительные результаты по математике, что делало сомнительными перспективы поступления в Вулвич – академию для кадетов, собиравшихся служить в артиллерии или инженерных войсках. Вместо этого он мог готовиться в Сандхерст – академию, готовившую пехотных и кавалерийских офицеров. «Я присоединился к военному классу, – написал он матери в конце сентября. – Это довольно скучно, поскольку губит половину каникул: мы занимаемся французским и черчением – эти два предмета наиболее необходимы в армии».

Когда начались дополнительные занятия, связанные с поступлением в военный класс, Черчилль стал просить мать писать ему чаще. «Прошло больше двух недель после последней весточки от тебя, – жаловался он в начале октября. – В этом семестре я вообще получил лишь одно письмо. Не очень-то любезно, дорогая мамочка, что ты совсем забываешь обо мне и не отвечаешь на мои письма». Одно из писем Черчилля в этом месяце, перед пятнадцатилетием, было надиктовано школьному приятелю. «Милбэнк пишет его за меня, – объяснял он, – а я принимаю ванну». Много лет спустя за нежившимся в ванне премьер-министром Черчиллем записывали профессиональные стенографы.

Милбэнк, погибший в 1915 г. в Галлиполи, во время высадки десанта в заливе Сувла, был почти на два года старше Черчилля. «Когда отец приезжал навестить меня, – позже вспоминал Черчилль, – он обычно брал нас обоих на обед в гостиницу «Кингс Хэд». Я с восторгом слушал, как они на равных ведут светскую беседу. Я очень ему завидовал. Как бы мне хотелось иметь такие отношения с отцом! Но, увы, я был всего лишь отстающим школьником, и мои замечания почти всегда оказывались либо неловкими, либо глупыми».

В общении с друзьями Черчилль был далеко не застенчив. «Как и других учеников, – позже вспоминал другой выпускник Харроу, Мерланд Эванс, – меня чрезвычайно привлекал этот необыкновенный мальчик. Его выдающийся интеллект, смелость, обаяние, пренебрежение условностями, живое воображение, широкие познания о мире и истории, полученные непонятно как и где, и прежде всего какой-то магнетизм, светящийся в глазах и излучаемый всей его личностью, – все это даже в суровых условиях частной школы ставило его выше окружающих, хотя многие были и старше, и опытнее. Но никто этого не оспаривал».

Рассуждая о будущем, Черчилль говорил своей тетушке леди Родни: «Если бы у меня было две жизни, я бы одну прожил солдатом, а другую политиком. Но поскольку в мое время войны не предвидится, я стану политиком». Он стал запоем читать. Один мальчик, обнаружив его свернувшимся клубком в кресле, поинтересовался, что он читает. Оказалось – «Французскую революцию» Карлейля. Только от отца он не получал поддержки. Кузен Черчилля Шейн Лесли позже вспоминал, что, когда мальчики ставили дома пьесы, лорд Рэндольф холодно заявлял: «Я буду хранить язвительное молчание».

Этой зимой Черчилль был, так сказать, взят Уэлдоном «на карандаш»: каждую неделю преподаватели должны были подавать отчеты о его успехах. Даже когда стало ясно, что успехи вполне удовлетворительные и что у преподавателей нет претензий, Уэлдон продолжал следить за ним. «Это неприлично, что он продолжает так вести себя со мной, – писал Черчилль матери, прося ее приехать и лично поговорить с директором. – Ты должна поддержать меня. Кроме тебя никому».

Через неделю после пятнадцатого дня рождения Черчилль с гордостью сообщает леди Рэндольф, что занимается изо всех сил. Его упорство принесло плоды: он был переведен в более сильную группу четвертого класса. «Очень рады узнать о твоих успехах, – написала ему мать накануне очередного отъезда в Европу, – и надеюсь, что ты и впредь будешь стараться. Теперь ты должен чувствовать бульшую уверенность и прилив энергии».

Черчилль начал заниматься английским языком под руководством преподавателя. Преподавателем был Роберт Сомервелл. «Это замечательный человек, которому я чрезвычайно обязан, – писал позже Черчилль. – Метод его заключался в том, что он делил длинные периоды на составляющие, используя разные чернила. Я занимался почти ежедневно, это была своего рода муштра, но благодаря ей я до мозга костей проникся структурой обыкновенного английского предложения».

«Дела мои в новом классе идут очень хорошо, – сообщал Черчилль матери в январе 1890 г. – Папа сказал, что занятия пением – пустая трата времени, поэтому я их бросил и занялся рисованием». Учился он рисованию на дополнительных занятиях, вечерами, по часу в неделю. Он сообщал матери, что рисует небольшие пейзажи, мосты и тому подобное. Неожиданно письмо с поддержкой пришло от бабушки, герцогини Фанни: «Очень рада, что ты начинаешь к чему-то стремиться. Перед тобой прекрасный пример прилежания и основательности в работе – твой отец».

Военный класс, жаловался Черчилль отцу, не оставляет времени для интересных занятий, а кроме того, портит результаты семестра. Военный класс не нравился никому. Девять из десяти учеников перед экзаменом занимались с репетиторами. «Харроу прекрасное место, но Харроу и военный класс несовместимы», – писал Черчилль.

В мае он начал учить немецкий язык. «Уф-ф, – написал он матери. – Я все-таки надеюсь когда-нибудь начать *sprechen Deutsch*». Впрочем, забегая вперед, надо сказать, что эта надежда не реализовалась.

В середине летнего семестра 1890 г. Черчилль вызвал родительский гнев. Отец прислал ему пять фунтов, но письмо с благодарностью от сына пришло лишь через неделю. Табель успеваемости за половину семестра тоже не радовал. Это все вызвало суровое письмо матери: «Ты занимаешься урывками и несистематично. Ты просто обречен плестись в хвосте. Посмотри, какое у тебя место в классе! Мой дорогой Уинни, ты меня чрезвычайно огорчаешь. Я связывала с тобой такие большие надежды и так тобой гордилась, но отныне все в прошлом. Единственное утешение – что у тебя хорошее поведение и ты любящий сын, но твое отношение к занятиям просто недостойно твоего интеллекта. Если бы ты смог наметить себе план действий и стремился его выполнить, уверена, ты смог бы достичь всего, чего пожелаешь. То, как ты используешь ближайшие год-другой, окажет влияние на всю твою дальнейшую жизнь. Обдумай это хорошенько. Возьми себя в руки, пока не поздно».

Черчилль сделал попытку оправдаться. Он объяснил, что благодарственное письмо отцу было написано тем же вечером, но из-за позднего часа ему пришлось попросить другого мальчика отправить его. «Он, я полагаю, забыл и отправил его спустя несколько дней. Что касается успеваемости, не буду искать оправданий, потому что сам знаю, что время от времени бываю весьма ленив. Естественно, к концу месяца результат оказался соответствующим – плохая успеваемость, меня «взяли на карандаш» и т. п., но это было больше трех недель назад, и в следующем месяце я просто обязан получить более высокие оценки. Я сделаю все от меня зависящее». Действительно, до конца семестра было еще достаточно времени.

Результаты занятий улучшились, и родители смягчились. Но осенью он начал курить, что опять вызвало недовольство. «Дорогой Уинстон, – писала мать в сентябре, – надеюсь, ты постарайся и бросишь курить. Если бы ты знал, как глупо и смешно выглядишь при этом, ты бы обязательно бросил, хотя бы на несколько лет. Я попрошу папу купить тебе ружье и пони». Черчилль прислушался к совету матери. Он пообещал бросить курить по меньшей

мере на полгода. В том же месяце пришел совет и от герцогини Фанни: «Береги себя, хорошо трудись, не участвуй в потасовках и не будь таким вспыльчивым!!!»

Ближе к шестнадцатилетию Черчилля страна оказалась охвачена тревогой по поводу эпидемии инфлюэнцы, которая, поразив большую часть Азии и Европы, быстро распространилась и в Британии. Под влиянием общих настроений он написал стихотворение из двенадцати строф, которое опубликовал журнал *Naughton*. Одна из строф была такая:

Родилась в сибирских степях,
Где каторжники в цепях.
И скользил за ней в небесах,
Пока бесшумно летела,
Не имея ни духа, ни тела,
Смертный страх.

Другая строфа посвящалась бывшим французским областям, аннексированным Германией, которые он посетил с отцом семь лет назад:

Эльзас и Лотарингия, вы обе
Источник ужасной скорби.
Иначе зовут города.
Вы дороги каждому галлу,
И надежда еще не пропала,
Что это не навсегда.

В последней строфе он выражал радость, что Британия пострадала не так тяжело, как континентальная Европа, и вообще гордость за империю:

Сохрани Империю Бог
От чумы, войны и тревог
И огненных адских сил
В руках сынов твоих смелых,
Кто в далеких и чуждых пределах
Сражался и победил.

На пороге своего шестнадцатилетия Черчилль упорно готовился к вступительному экзамену в академию. Мать не чувствовала его трудностей и давала понять, что не удовлетворена успехами сына. «Я слышал, что ты гневаешься на меня! – писал он ей. – Мне жаль. Но я упорно работаю, и, боюсь, какой-то враг посеял плевелы злости в твоей душе. Прежние проблемы возникали из-за того, что я занимался с преподавателем, которого ненавидел, а тот платил ненавистью в ответ. Теперь учителя проявляют ко мне величайший интерес и говорят, что я занимаюсь очень хорошо. Если ты согласишься моему честному слову, что я делаю все, что в моих силах, – хорошо, если нет – что ж, так тому и быть». Слова любви и поддержки Черчилль теперь получал от одной из подруг матери, леди Уилтон, которая подписывала свои письма к нему: «Твоя вторая мать». «Очень жаль, что тебе приходится так много работать, – писала она за десять дней до его дня рождения. – Но постепенно станет легче, и, я уверена, ты сдашь хорошо. Надеюсь, ты достойно проявишь себя. Я буду этому очень рада».

На экзамене по географии предстояло отвечать на вопросы о какой-либо из двадцати пяти стран. О какой именно, никто из учеников не знал. Вечером перед экзаменом Черчилль написал на бумажках двадцать пять названий, бросил их в шляпу, зажмурился и вытащил один

листок. «Это была Новая Зеландия, – сообщил он матери, – и она же досталась мне на экзамене». Удача вместе с упорным трудом последних месяцев принесла плоды: он сдал экзамены по всем предметам. «Очень рада услышать хорошие новости, – написала ему герцогиня Фанни после того, как стали известны результаты. – Надеюсь, это станет стимулом для тебя, и мы все будем тобой гордиться».

Новогодние праздники 1891 г. Уинстон и Джек провели в Банстед, в доме, арендованном лордом Рэндольфом близ ипподрома Ньюмаркет. Родители опять были за границей, и мальчиками занималась миссис Эверест. «Мы подстрелили много кроликов, – написал Черчилль матери. – Одиннадцать, кажется. Завтра пойдем уничтожать крыс». Главной задачей их с Джеком в Банстед было строительство «Логова» – хижины из глины и досок с соломенным полом. «Логово» было окружено канавой, которая служила оборонительным рвом. В качестве артиллерии использовалась самодельная катапульта с резиновым жгутом, которая стреляла яблоками. Обороной руководил Черчилль. Джек и два их кузена, пятилетний Шейн Лесли и шестилетний Хью Фривен, иногда выступали в роли союзников, которых он обучал, иногда – врагов, которых надо было прогнать.

По возвращении в Харроу у Черчилля возобновились проблемы со здоровьем. В мае он жалуется матери на пугающие его сильные боли в желудке. Доставляли неприятности и зубы. «Бедный старичок, – писала ему миссис Эверест, – принимаешь ли ты героин, который я тебе прислала? Купи бутылочку мази Эллимана и натирай лицо перед тем, как ложиться в постель. После втирания обмотай лицо носком на четверть часа. Уверена, это поможет». Письма к матери Черчилль подписывал так: «Твой страдающий зубами, но любящий сын». Она посоветовала чаще чистить зубы. От миссис Эверест поступил совет не плавать в бассейне. Вообще же ее советы были бесконечны. «Дорогой мой, не садись в поезд, когда он уже тронулся, – писала она летом. – Я постоянно об этом беспокоюсь, потому что ты всегда задерживаешься у книжного киоска и забываешь про поезд. Пожалуйста, будь осторожен, мой мальчик».

В мае Черчилль сообщил матери, что впутался в неприятности. Отцу, находившемуся в Южной Африке, он объяснял в письме, что на прогулке с четырьмя друзьями они набрели на заброшенную фабрику. «Кругом были сплошные развалины и разруха. Целыми оставались лишь несколько окон. Мы решили исправить этот недостаток. В результате сторож пожаловался Уэлдону, который провел расследование и выдрал нас». Впрочем, очередной всплеск родительского недовольства вызвало не это. «Мама переживает, что ты тратишь так много денег, – написала миссис Эверест на второй неделе июня. – Ее это очень беспокоит, она говорит, что ты постоянно просишь у нее денег». В оправдание Черчилль написал матери, что ему приходится оплачивать счета дантисту, поездки на такси, а кроме того, платить старый долг за велосипед и расплачиваться за битые стекла.

В кадетской группе Черчилль получил звание младшего капрала. Он сообщал отцу: «Получил огромное удовольствие от учебного боя. Я взял театральный бинокль, который ты подарил мне, и наблюдал за его ходом». Летом его снова стали донимать зубы. Начался абсцесс, лицо раздуло флюсом. Миссис Эверест дала очередной совет: «Не надо есть так много солений, в них сплошной яд». Но один зуб пришлось удалить, что было произведено в Лондоне известным стоматологом при участии не менее известного анестезиолога. «Я ничего не помню, – рассказывал Черчилль матери. – Просто заснул и прохрапел всю операцию».

Летом Черчилль надеялся провести неделю в Банстед, в своем «Логове». Но миссис Эверест объяснила, что это ему не удастся: «Мама не сможет принять тебя, поскольку наступает неделя скачек и дом будет полон гостей». Уинстон уехал в Лондон и остановился у герцогини Фанни на Гровенор-сквер, 50. Друг его матери граф Кински взял его в Хрустальный дворец², где они наблюдали учения пожарных команд в присутствии германского императора Виль-

² Хрустальный дворец – выставочный зал в Лондоне, сгоревший в 1936 г.

гельма II. «Было почти 2000 пожарных и сто машин, – рассказывал Уинстон брату. – На императоре был блестящий медный шлем, украшенный белым орлом высотой чуть ли не 15 сантиметров, блестящая стальная кираса и идеально белая форма». После марш-парада Кински взял Черчилля на обед. «Обед оказался вполне терпимым, – рассказывал он Джеку. – Море шампанского, что доставило большое удовольствие твоему любящему брату».

Уэлдон предложил отправить Черчилля во Францию, чтобы он усовершенствовал свой французский перед экзаменом в академию. Черчилль стал упрашивать мать оставить его в Англии: «Я вообще не смогу видаться ни с тобой, ни с Джеком, ни с Эверест. А что касается французского, то меня с каждым днем все меньше интересует армия. Думаю, церковь подойдет мне гораздо лучше». После длительной переписки и горячих споров пришли к соглашению, что во Францию он не поедет: достаточно будет нанять домашнюю учительницу. Из Банстеда пришло письмо от Джека: «К «Логову» почти не подобраться из-за зарослей чертополоха и крапивы, а в канаве нет воды». Покончив с уроками французского, Черчилль принялся за расчистку «Логова» и восстановление его обороноспособности. «Я в Банстеде, – писал он отцу в конце августа, – и веду почти идеальный для себя образ жизни».

«Братья счастливы. Они ездят верхом и охотятся, – сообщает леди Рэндольф мужу в середине сентября. – Недавно достроили свой дом. Сегодня мы пили там чай». Незадолго до возвращения в школу на осенний семестр у Черчилля случился приступ разлития желчи. Он остался в Лондоне на два лишних дня. Уэлдон потребовал объяснительного письма. «Не пиши ничего про театр, – предупреждал Черчилль мать, – это приведет его в ярость. Просто напиши, что я выглядел уставшим и бледным после поездки (а это ведь на самом деле так), и это, в сочетании с тем, что ты хотела показать меня врачу, побудило тебя задержать меня».

В этом семестре Черчилль отказался от изучения немецкого языка и переключился на химию. «Это очень интересно, – говорил он брату. – Когда вернусь домой, покажу тебе много чудес». Мать была озабочена поиском гувернера, который поехал бы с ним за границу в следующие каникулы. «В целом он очень хороший мальчик, – объясняла она лорду Рэндольфу, – но, строго говоря, уже слишком взрослый, чтобы с ним ехала женщина. В конце концов, через два месяца ему исполнится семнадцать, и ему уже нужна мужская рука».

Под «женщиной» подразумевалась миссис Эверест, к которой Черчилль был привязан не меньше, чем она к нему. «Прекрасно иметь свою комнату, – писала она ему в конце сентября. – Но, дорогой мой мальчик, позволь напомнить тебе, что нужно быть осторожным с огнем и свечами по вечерам. Не оставляй их гореть у постели, когда ложишься спать». Она советовала упорнее трудиться в этом семестре, не только чтобы доставить радость родителям, но «чтобы опровергнуть мнение тех твоих родных, которые пророчат тебе будущее расчителя».

Черчиллю приходилось изворачиваться, чтобы не всегда удовлетворять свои нужды за счет матери. «Я хочу продать велосипед и купить бульдога, – писал он ей. – Я уже знаком с ним некоторое время. Он очень воспитанный и дружелюбный. Отец рассказывал, что, когда учился в Итоне, завел себе бульдога, так почему бы и мне не завести его в Харроу?»

Учеба в этом семестре шла хорошо. «Мистер Уэлдон сообщил, что после возвращения Уинстон очень много работает», – рассказывала леди Рэндольф мужу в октябре. Миссис Эверест продолжала давать свои советы: «Считаю, ты крайне расточителен, тратя 15 шиллингов в неделю, – писала она. – Некоторые семьи из шести-семи человек вынуждены жить на 12 шиллингов в неделю. Ты попросту соришь деньгами, и чем больше их у тебя появляется, тем больше ты тратишь. Мой бедный, милый, драгоценный ягненок, как я жажду обнять тебя. Хотя ты и не идеален, я тебя очень люблю и очень хочу, чтобы ты проявлял сдержанность и благоразумие в тратах. Ты все делаешь наобум, любимый мой, не думая, а это зло, и, если ты не постарайся от этого избавиться, в будущем будешь сильно страдать».

В этом семестре Черчилль опубликовал свое первое письмо, состоящее из двух фраз: это было предложение организовать более удобное время работы школьной библиотеки. Оно было опубликовано в школьном журнале *Hartovian* 8 октября 1891 г. Спустя шесть недель в гораздо более просторном письме он призывал к использованию школьного спортивного зала для различных мероприятий.

За неделю до своего семнадцатилетия Черчилль на один день съездил в Лондон. Сразу по возвращении в Харроу он впервые упоминает в письме особу противоположного пола: «Ужасно жалко, что пришлось уехать именно тогда, когда я произвел впечатление на симпатичную мисс Уислет. Еще бы минут десять, и..?!»

В тот день в Лондоне Черчилль узнал, что леди Рэндольф решила расстаться с миссис Эверест. Джеку исполнилось одиннадцать, и в няне он больше не нуждался. «Я грущу и плохо сплю, – писала миссис Эверест Черчиллю. – Но разумеется, когда-то это должно было случиться. Не говори Джеки о моем уходе, он будет очень расстраиваться, бедняжка. Как жесток наш мир». Огорченный неизбежным расставанием с миссис Эверест, Черчилль энергично выступил в ее защиту. В результате пришли к соглашению, что она станет работать у их бабушки, герцогини Фанни, на Гровенор-сквер, где мальчики смогут с ней видеться.

Через неделю после семнадцатилетия Черчилль в письме матери настаивал на своем нежелании ехать во Францию на рождественские каникулы и жить в руанской семье, которую подобрал ему мистер Уэлдон. Он пояснил, что главная причина его нежелания – боязнь пропустить возвращение отца из Южной Африки, и грозил, что, если его все-таки заставят ехать, он будет заниматься мало и плохо. Леди Рэндольф не понравилась угроза. «Дорогой мой мальчик, – отвечала она. – Я очень тебе сочувствую и прекрасно понимаю твоё желание побыть дома на Рождество, но, помимо всего прочего, тон твоего письма не может вызвать снисхождения. В нашей жизни, если человек чего-то хочет, он добивается этого не ультиматумами. Скажу тебе прямо: решения принимаю я, а не ты».

Черчилль возразил: «Ты пишешь: «скажу тебе прямо» – пусть так. Но я тоже прямо высказал свои намерения. Ты заявляешь, что решения принимаешь сама. От меня требуется отказаться от каникул. Я вынужден отправиться к людям, которые мне абсолютно неинтересны. Мне весьма больно думать, что вы с папой относитесь ко мне, как к машине. Хотелось бы знать, просили ли папу отказываться от каникул, когда он учился в Итоне». Письмо, занявшее три страницы, Черчилль завершил так: «Нет слов выразить, как я огорчен. Твое недоброе отношение ко мне освобождает меня от всякого чувства долга». Леди Рэндольф рассердилась не на шутку. «Я прочитала только первую страницу твоего письма, – ответила она, – и отправляю его тебе обратно. Мне не понравился его тон». Расстроенный Черчилль отвечал, что больше не будет писать ей длинных писем: «Тешу себя надеждой, что прочесть мое письмо целиком тебе помешала подготовка к рождественским праздникам».

Уэлдон и леди Рэндольф были решительно настроены на то, чтобы Черчилль на каникулах подтянул свой французский во Франции. Решено было, что компанию ему составит недавно пришедший в Харроу преподаватель современных языков Бернард Минssen и что они будут жить у родителей Минссена в Версале. «Мистер Минssen все для него сделает, разумеется, если он будет послушен и прилежен, – писал Уэлдон леди Рэндольф. – Но он не позволит ему зря тратить время и, если это не удастся, отправит домой». Черчиллю было позволено принимать в неделю лишь по три приглашения в гости, а Минssen должен был обеспечивать его карманными деньгами – «по необходимости».

Черчилль провел в Версале месяц. «Еда очень странная, – сообщает он матери. – Но ее много, и в целом все хорошо. Родители Минссена оказались очень добры. Разумеется, я бы отдал многое, чтобы вернуться, и, если захочешь, приеду хоть завтра, но с учетом всех обстоятельств готов провести здесь месяц». Жизнь в Версале и впрямь оказалась не в тягость. Трое друзей леди Рэндольф приглашали Черчилля на обеды; один из них, австро-венгерский желез-

нодорожный магнат барон Морис де Хирш, сводил его в морг показать трупы, которые достали в тот день из реки. «Всего 3 покойника – не богатый улов», – сострил Черчилль в письме к матери.

По завершении месяца в Версале Черчилль надеялся уговорить родителей позволить ему провести неделю без школы, чтобы пообщаться с отцом, которого он не видел более восьми месяцев. Но не получилось. «Потеря недели сейчас, – написал ему отец из Лондона в середине января, – означает, что ты не сдашь экзамены, а это, согласишься, будет постыдно». При этом лорд Рэндольф сообщил, что перед началом семестра сможет провести несколько дней с сыном, а вскоре, писал он, «нас ждут пасхальные каникулы, так что, надеюсь, ты будешь пахать как ломовая лошадь вплоть до летних экзаменов, до которых осталось меньше четырех месяцев».

В первые месяцы 1892 г. Черчилль действительно очень усердно занимался. Он также начал готовиться к кубку школы по фехтованию. Продолжали досаждать денежные проблемы. «Я ужасно стеснен в финансах, – писал он матери в феврале. – Ты говоришь, что я никогда не пишу о любви, а всегда о деньгах. Наверное, ты права, но не забывай, что ты мой банкир, к кому еще я могу обратиться?»

В марте леди Рэндольф уехала в Монте-Карло. До соревнований по фехтованию осталось несколько дней. «Я очень раздосадован, что ты уехала в такой момент», – написал ей Черчилль. Еще больше его огорчило известие, что в казино у нее украли сумочку с деньгами – «как раз в тот момент, – признался он, – когда я был готов попросить *un peu plus d'argent*³». Он поделился и хорошей новостью: «Я выиграл соревнование по фехтованию. Получил очень красивый кубок. Я был на голову сильнее всех. В финале не пропустил ни одного удара».

Теперь Черчилль стал готовиться к межшкольному чемпионату по фехтованию, но, когда он попросил отца приехать в Олдершот посмотреть на него, лорд Рэндольф ответил: «Я должен быть на скачках в Сандауне. Кстати, ты не мог бы быть более расточительным, даже будучи миллионером». В свое оправдание Черчилль указал, что должен каждую неделю платить за чай, завтраки и за фрукты, а по субботам за вечерние бисквиты. Только на это уходил выделяемый родителями фунт в неделю. Объяснение не убедило мать. «У тебя слишком большие потребности, – написала она. – В смысле денег ты настоящее решето».

В этом месяце Черчилль выиграл чемпионат по фехтованию среди частных школ. «Его успех, – отметили в Harrovian, – обусловлен главным образом быстрыми и разительными атаками, которые застигают врасплох его противников». Одновременно он продолжал готовиться к экзамену в военную академию. «Я чертовски много работаю, – рассказывал он матери. – Сегодня без передышки занимался 10 часов кряду». Но все труды оказались напрасны. В июле он провалил вступительный экзамен в Сандхерст. Для поступления в кавалерию требовалось как минимум 6457 баллов; Черчилль набрал 5100. Из 693 кандидатов он оказался на 390-м месте. Впрочем, результаты были не слишком обескураживающими: по истории Англии он оказался восемнадцатым из более чем четырехсот человек. «Думаю, для первого раза твои баллы и место вполне удовлетворительны», – написал его наставник Луис Мориарти.

Черчилль планировал держать экзамен еще раз. «Если он опять провалится, – написал лорд Рэндольф герцогине Фанни, – буду думать о том, чтобы пристроить его к предпринимательству. Используя связи с Ротшильдом, могу подобрать ему что-нибудь очень неплохое».

Летом 1892 г. правительство консерваторов во главе с лордом Солсбери ушло в отставку. Премьер-министром вновь стал Гладстон. Хотя лорд Рэндольф давно не принимал активного участия в политике, считалось, что в оппозиции он снова будет иметь влияние. «Никто не лелеял этой надежды более страстно, чем я», – вспоминал Черчилль. Но надежда оказа-

---

³ Немного больше денег (*фр.*).

лась иллюзией. «Несмотря на то что я тогда мало слышал об этом, – позже писал Черчилль, – любому, выросшему в доме моего отца, было совершенно ясно, что это стало огромной политической катастрофой».

Этим августом в Банстед Черчилль поразил отца тем, что выпалил из двустволки в кролика, который появился на газоне под окном. «Отец очень испугался и рассердился, – вспоминал Черчилль, – но, поняв, насколько я из-за этого расстроился, утешил меня. Тогда у нас с ним произошел один из трех или четырех длинных доверительных разговоров, которыми я могу гордиться». Лорд Рэндольф объяснил сыну, что взрослые, поглощенные собственными заботами, не всегда внимательны по отношению к детям, и в приступе раздражения могут наговорить грубостей. «Затем, – писал Черчилль, – он в благожелательном тоне завел разговор о школе, поступлении в армию и о взрослой жизни, которая у меня впереди. Я завороченно слушал эти внезапные откровения, столь отличные от его обычной сдержанности, изумляясь его глубокому пониманию моих проблем. В конце он сказал: «Пойми, у меня тоже не всегда все получается. Каждое мое действие истолковывается превратно, каждое слово искажается. Так что делай на это некоторые скидки».

Осенью к брату, который снова готовился к экзаменам в Сандхерст, в Харроу приехал Джек. «Возможно, – написала леди Рэндольф в сентябре, – я слишком допекала тебя, пытаюсь превратить в некий идеал. Однако было бы неплохо, если бы ты на сей раз приналег как следует». Даже директор помогал ему. «Уэлдон очень добр, – рассказывал Черчилль матери. – Он каждый вечер отдельно занимается со мной – дело доньше неслыханное, поскольку у него, конечно, очень мало времени».

Экзамены должны были состояться в конце ноября, за день до восемнадцатилетия Черчилля. «В этом семестре он работал блестяще, – сообщил Уэлдон леди Рэндольф. – Теперь он понимает необходимость упорного труда, и, что бы с ним ни случилось впоследствии, я буду считать, что за последние двенадцать месяцев он приобрел урок на всю жизнь. Он может теперь с полным правом сказать, что отвечает за все, что сделал в последнее время».

После оглашения результатов экзаменов Черчилль с сожалением узнал, что опять не прошел. Он оказался лучшим по многим предметам, но набрал 6106 баллов – на 351 меньше, чем требовалось для поступления. По химии, в частности, он стал восьмым из 134 кандидатов. Впрочем, как и предупреждал Уэлдон лорда Рэндольфа, из-за повышения проходного возраста теперь баллов, скорее всего, нужно будет набрать больше. Преподаватель математики Ч. Х. П. Мейо ободрял Черчилля: «Набрать дополнительно 900 баллов за столь короткое время – это очень хорошо и должно вселить в тебя уверенность на следующих экзаменах в июне».

В ноябре в Бленхейме в возрасте сорока восьми лет скоропостижно скончался старший брат лорда Рэндольфа, Блэндфорд, восьмой герцог Мальборо. Герцогом Мальборо стал его сын Санни, двоюродный брат Черчилля. Ему еще не было двадцати одного года. Если бы Санни умер, не оставив наследника, следующим герцогом Мальборо стал бы лорд Рэндольф, а Черчилль, как его наследник, мог стать маркизом Блэндфордом.

Черчиллю исполнилось восемнадцать. Чтобы посвятить себя военному делу, нужно было в третий раз сдавать экзамены. К третьему заходу он готовился не в школе, а со специальными репетиторами. Девять лет учебы в Сент-Джордже, Брайтоне и Харроу были в основном безрадостным временем, или, как он писал позже, «серой тропой на карте моего путешествия по жизни. Это была бесконечная череда тревог, которые тогда совсем не казались мелкими, и изнурительного труда, не радующего результатами. Это было время дискомфорта, ограничений и унылого однообразия. Все сверстники, казалось мне, были во всех смыслах гораздо лучше приспособлены к условиям нашего маленького мира. Они гораздо лучше успевали и в учебе, и в спорте. Не очень-то приятно чувствовать себя безнадежно отставшим в самом начале гонки».

«Я целиком и полностью за частные школы, – объявил Черчилль в 1930 г., – но я не хотел бы оказаться там снова».

Глава 3

На пути в армию: начать все заново

11 января 1893 г. читатели Times из небольшой заметки в разделе новостей узнали, что накануне со старшим сыном лорда и леди Рэндольф произошел несчастный случай. «Кости не сломаны, но он получил сильные ушибы и ссадины». В действительности у него оказалась трещина бедра, хотя за два года до изобретения рентгеновского аппарата установить это было невозможно. Правда вскрылась через семь десятков лет, когда в 1963 г. в Монте-Карло был сделан рентгеновский снимок.

Случилось это во время зимних каникул, которые Черчилль с братом и кузеном проводили в поместье бабушки в Борнмуте. Во время игры в салки Уинстон оказался на мостике и, чтобы избежать осаливания, решил спуститься на дно ущелья по высокой ели. Но не удержался и упал почти с девятиметровой высоты, после чего трое суток пролежал без сознания. Затем, при сильных болях, его перевезли в Лондон. «Врачи говорят, я не встану раньше чем через два месяца, – написал он Джеку в первую неделю февраля. – Бульшую часть времени провожу в постели». На последний месяц восстановления Черчилль опять вернулся на южное побережье, на сей раз в Брайтон, в дом вдовы восьмого герцога Мальборо, герцогини Лили. «Она была сама доброта», – писал он.

В начале марта Черчилль начал заниматься на подготовительных курсах у капитана Джеймса в Лексем-Гарденс, в Западном Лондоне. «Я требую от вашего сына, – писал Джеймс лорду Рэндольфу, – чтобы он не отвлекался и мог работать часами. На днях пришлось провести с ним беседу по поводу его слишком вольной манеры поведения. Я считаю его добросовестным юношей, но он часто невнимателен и слишком полагается на свои способности. В данное время, – продолжал Джеймс, – он больше склонен поучать наставников, нежели перенимать у них знания, и подобные умонастроения не могут привести к успеху. У юноши хорошие задатки, но ему требуется очень жесткое управление». Особенно рассердился Джеймс, когда новый ученик заявил ему, что «его знание истории таково, что он больше не желает изучать ее!».

На Пасху Черчилль вернулся в Брайтон. «Очень рада, что Уинстон со мной, – написала герцогиня Лили лорду Рэндольфу. – Он нравится мне все больше и больше. В нем много хорошего, только его нужно время от времени подправлять, и тогда он очень хорошо и быстро все воспринимает».

Из Брайтона Черчилль послал телеграмму отцу, предупреждая о вспышке лихорадки в Харроу. Он беспокоился, как бы не заразился брат. «Папа очень рассердился на тебя за глупую телеграмму, – упрекнула его мать. – Разумеется, мы знаем о лихорадке от Джека и мистера Уэлдона, и в любом случае письма было бы достаточно. Ты слишком много берешь на себя, молодой человек, и пишешь очень напыщенно. Боюсь, как бы ты не стал резонером!»

На одном из ужинов у герцогини Лили в Брайтоне Черчилль познакомился с А. Д. Бальфуром, будущим премьер-министром и лидером консерваторов. Леди Рэндольф несколько беспокоилась по поводу общественной активности сына. «Не хочу читать наставления, дорогой мой мальчик, – написала она, – но старайся вести себя поскромнее, не говори и не пей слишком много». Черчилль теперь тщательно следил за выступлениями отца и позже с грустью вспоминал: «Отец, кажется, с трудом себя контролировал». Он надеялся, что со временем сможет прийти ему на помощь, подбадривал, комментируя его выступления. «Если позволишь заметить, – написал он после того, как прочитал одно его выступление, напечатанное в Times, – я считаю это самым лучшим из всего, что ты пока сделал». Он стал частым посетителем палаты общин, и отец нашел для него место на галерее для почетных гостей.

На званных обедах и ужинах, которые устраивали родители весной 1893 г., Черчилль познакомился с двумя будущими премьер-министрами от Либеральной партии – лордом Розбери и Г. Г. Асквитом. 21 апреля он присутствовал на слушаниях по второму чтению закона о гомруле, которые открыл Гладстон. «Великий старик, – позже вспоминал он, – был похож на гигантского белого орла, грозного и великолепного. Фразы текли из него потоком, все внимательно следили за каждым его словом и жестом, готовые взорваться аплодисментами или протестующими возгласами».

В конце мая после ужина на Гровенор-сквер дядя Черчилля Эдвард Марджорибэнкс, в то время лидер Либеральной партии, уделил ему полчаса, объясняя, каким образом либералы победят оппозицию в палате лордов. «Жаль, что тебя не было, чтобы возразить ему, – написал Черчилль отцу, который в то время выступал на встрече с общественностью в Брэдфорде. – Уверен, было что возразить, только я не нашел слов». Либералы не смогли преодолеть сопротивление лордов, которые забаллотировали закон о гомруле 491 голосом против 41. «Победить лордов» – стало предвыборным лозунгом самого Черчилля пятнадцать лет спустя.

Недавно избранный член парламента от Консервативной партии Эдвард Карсон пригласил Черчилля поужинать с ним в палате общин. Черчилль попросил у отца разрешения пропустить ради этого занятия с репетиторами. На той же неделе он был гостем Карсона во время обсуждения закона о гомруле. Через двадцать один год, когда Карсон с лозунгом лорда Рэндольфа «Ольстер будет бороться, Ольстер будет прав» выведет народ на улицы, Черчилль станет не только его оппонентом, но и будет готов применить силу против ольстерских добровольцев Карсона.

В конце июля Черчиллю в третий раз сдавал экзамены в Сандхерст. 3 августа, до объявления результатов, он готовился отправиться из Лондона в Швейцарию и Италию с братом Джеком и наставником Джоном Литтлом. Они встретились на вокзале, где, к удивлению Черчилля, Литтл поздравил его. Он оказался первым, кто узнал о его успехе. «Я посмотрел бумаги, – написал он отцу, – и оказалось, что это правда. Наконец я стал военным».

Черчилль набрал 6309 баллов, на 163 больше, чем в предыдущий раз. Для поступления в пехоту не хватило всего 18 баллов, но в списке кавалеристов он оказался четвертым. Из Дувра, перед тем как пересечь Ла-Манш, он отправил телеграммы с извещением о своем успехе родителям, родственникам и бывшему директору школы. «Я была так счастлива получить сегодня твою телеграмму и узнать, что ты поступил!!! – в тот же день откликнулась герцогиня Лили. – Не переживай о пехоте. Тебе понравится кавалерия, а когда папа вернется, мы приобретем коня. Больше не падай ни в какие пропасти и не калечь себя, ибо меня не будет рядом, чтобы помочь тебе». «Нет слов передать, как я рад твоему успеху, – написал Уэлдон, – и как безоговорочно я уверен, что ты этого достоин».

За время путешествия по Швейцарии Черчилль отправил отцу два отчета о каникулах. Первую неделю августа он провел в Люцерне, в удобном отеле с лифтами, электричеством и фейерверками. На четвертый день каникул мистер Литтл сообщает лорду Рэндольфу, что они прекрасно ладят друг с другом, хотя Уинстон склонен к расточительству. 8 августа Черчилль пишет отцу: «Мне уже хочется оказаться в Сандхерсте, и я очень рад, что мне повезло поступить». Через три дня он обещает отцу, что с самого начала будет заниматься изо всех сил.

14 августа в Милане Черчилль получил письмо от отца. В нем не было ни поздравлений, ни похвал по поводу поступления в Сандхерст. Сын не знал, что отец болен сифилисом – болезнью, которая подрывала его психическое и физическое состояние. Он не мог разделить ни восторг герцогини Лили, ни радость доктора Уэлдона от успеха его сына. «Я весьма удивлен, – написал он, – твоей экзальтацией в связи с поступлением в Сандхерст. Существует два способа выдержать экзамен. Один делает честь, другой – наоборот. Ты, к сожалению, выбрал второй, и, похоже, очень доволен. Неспособность поступить в пехоту отчетливо продемонстрировала твою леность и легкомысленное отношение к работе, чем ты всегда отличался во всех школах.

Я никогда не получал хороших отзывов о твоём отношении к занятиям ни от одного из учителей и наставников, с которыми ты время от времени имел дело. При всех преимуществах, которые у тебя были, при всех способностях, которые, как ты по глупости полагаешь, у тебя есть и которыми тебя наделяют некоторые твои родственники, при всех усилиях, которые прилагались, чтобы сделать твою жизнь легкой и приятной, а твои занятия были тебе не противны и не в тягость, единственный результат, которого ты добился, – оказаться среди людей второго и третьего сорта, достойных лишь зачисления в кавалерийский полк».

Такая реакция свидетельствовала об уже наступившей неадекватности сознания, о чем молодой Черчилль даже не подозревал. «Теперь появился хороший повод, – продолжал лорд Рэндольф, – откровенно объяснить тебе суть дела. Не надейся, что я возьму на себя труд писать тебе длинные письма после каждой глупости или ошибки, которые ты натворишь сейчас или в будущем. Я больше не буду писать на эти темы, и ты можешь не утруждать себя ответом на эту часть моего письма, поскольку я более не придаю ни малейшего значения тому, что ты будешь сообщать мне о своих достижениях и подвигах. Заруби себе на носу, что если твоё поведение и поступки в Сандхерсте будут похожи на те, что были в других заведениях, где тщетно пытались дать тебе хоть какое-то образование, то я снимаю с себя всю ответственность. Отныне ты можешь рассчитывать только на себя, получая от меня лишь минимальную поддержку, необходимую для обеспечения приемлемого существования. Если ты не откажешься от праздной, бесполезной и бесплодной жизни, которую ты вел все школьные годы и последние месяцы, уверен, ты превратишься в социального тунеядца и скатишься в жалкое, несчастное и ничтожное существование. Если это произойдет, винить за эти беды ты должен будешь только себя. Совесть заставит тебя вспомнить все усилия, которые были направлены на то, чтобы предоставить тебе наилучшие шансы, на которые ты имел право по происхождению, и то, как ты пренебрег ими».

Почти такое же раздражённое письмо лорд Рэндольф отправил герцогине Фанни, в котором писал: «Единственным результатом семейной доброты, проявленной по отношению к мальчику, стало продемонстрированное им как в Харроу, так и в Итоне полнейшее доказательство его никчемности как ученого или добросовестного работника». Черчилль никогда не был в Итоне – отец уже начал терять представление о реальности. Ничего не подозревавший Черчилль был потрясен отцовскими упреками. «После того как он показал мне ваше письмо, – написал мистер Литтл лорду Рэндольфу, – у нас состоялся серьезный разговор, и он подробно поведал мне о своих взглядах на жизнь. Он был в очень подавленном состоянии». Мистер Литтл пытался помочь Черчиллю преодолеть шок от отцовского письма, упирая на то, что поступление в Сандхерст дает возможность открыть практически новую страницу и что такая возможность предоставляется лишь раз или два в жизни.

«Мне очень жаль, что ты так недоволен мной, – написал обескураженный Черчилль отцу из Милана. – И поскольку ты запретил мне ссылаться на ту часть письма, где идет речь об экзаменах, я так и поступлю, но постараюсь изменить твоё мнение обо мне своим поведением и прилежанием во время обучения в Сандхерсте. Мое исключительно низкое место при поступлении не окажет никакого влияния на мою учебу». В тот же день он написал матери, каким ударом для него стало отцовское письмо: «После изнурительного труда в Харроу и у Джеймса ради этих экзаменов, после того, как я приложил все усилия, чтобы наверстать потраченное впустую время, я был чрезвычайно счастлив, что наконец поступил. В Сандхерсте будут изучать новые предметы, и я не окажусь отстающим из-за прежних болячек. Если я не преуспею, это будет означать конец всем моим надеждам. Как бы то ни было, моя судьба в моих собственных руках, и я начинаю все заново».

Каникулы продолжились купанием в миланских банях и посещением собора. Затем троица отправилась на север, в Бавено, чтобы поплавать по Лаго-Маджоре. Перед возвращением в Англию они снова заглянули в Швейцарию, в Церматт. Черчилль был доволен,

что в результате появившейся в последнюю минуту вакансии он все-таки сможет служить в пехоте. На самом же деле лорд Рэндольф использовал свои связи, чтобы сын получил офицерский чин в пехоте, в 60-м стрелковом полку. «Теперь будущее в твоих руках, – написала ему леди Рэндольф в сентябре. – Ты сам будешь решать свою судьбу. Верю, ты добьешься успеха».

Первые письма Черчилля из Королевского военного колледжа в Сандхерсте говорят о его решимости преуспеть в новой карьере. «Разумеется, здесь очень неуютно, – писал он отцу по поводу своей комнаты. – Ни ковров, ни занавесок. Никаких украшений. Горячей воды нет, холодной совсем мало. Дисциплина намного строже, чем в Харроу. Вряд ли есть хоть какой-то закон, дающий послабление новичкам. Никакие оправдания не принимаются. И конечно, совершенно не допускаются такие вещи, как непунктуальность или неопрятность. Но есть нечто бодрящее в армейском образе жизни. Я думаю, что ближайшие полтора года пройдут хорошо».

Черчилль быстро погрузился в жизнь профессионального военного. В Сандхерсте изучали пять предметов: фортификацию, тактику, топографию, военное право и военное администрирование. «Все занятия очень интересны и крайне необходимы, – сообщал он отцу на десятый день. – Патроны и снаряды всех видов, мосты, пушки, сражения и осады, картографирование, ведение полковой бухгалтерии, инспектирование и т. п., а также построения и строевая подготовка».

Лорд Рэндольф, однако, не оставлял придирок и выражал недовольство стилем сыновних писем. «Мне ужасно жаль, что папе не нравятся мои письма, – писал Черчилль матери. – Я тружусь над ними и часто даже переписываю целые страницы. Но если я подробно описываю мою жизнь здесь, получаю замечание, что стиль мой слишком сентенциозен и высокопарен; если в другой раз я пишу ясно и просто, это расценивается как леность. У меня никогда не получается как надо. Кстати, должен сказать, что я веду себя чрезвычайно хорошо. Никогда не опаздываю и всегда появляюсь за пять минут до начала построения или занятия».

Письма Черчилля к родителям полны энтузиазма. «Сегодня, – писал он отцу 20 сентября, – мы учились вязать различные узлы и соединять балки. Еще мы ходили на натурные зарисовки местности». Он учился стрелять из винтовки и из револьвера. «В понедельник мы занимались стрельбами из новой 12-фунтовой пушки, которая только что поступила на вооружение в артиллерию, – гордо сообщил он матери. – Пока я никуда не опаздывал, а здесь как минимум шесть различных мероприятий *per diem*⁴». От миссис Эверест по-прежнему приходили такие же заботливые советы, какие он получал от нее в Харроу: «Не находишься подолгу на солнце в такую жаркую погоду, дорогой», «Не влезай в долги и не водись с плохой компанией» и т. п.

Слабое здоровье по-прежнему мешало ему. В октябре после километрового марш-броска с полной выкладкой Черчиллю пришлось оказывать помощь на учебном плацу. Врач, по его словам, не нашел ничего страшного, но предположил, что у Черчилля слабое сердце.

Осенью отношения сына с отцом улучшились, как и здоровье лорда Рэндольфа, хотя это была лишь ремиссия. «Я считаю, папа в последнее время выглядит гораздо лучше, – писал Черчилль матери, – и намного меньше нервничает. Он был рад повидаться со мной и говорил довольно долго о своих речах и моих перспективах». Черчилль обрадовался, когда отец, в приливе политической энергии, обрушился на Асквита в своем выступлении в Ярмуте, назвав речи последнего «лабиринтом чепухи». Отношения между отцом и сыном стали ближе, чем когда-либо. «Сын заметно поумнел, – написал лорд Рэндольф герцогине Фанни. – У лорда Ротшильда в Тринге гости обращали на него большое внимание, а он был спокоен и вообще очень хорошо держался».

⁴ В день (лат.).

«Какой же уютный этот дом», – писал Черчилль матери о Тринге, сравнивая его с убогими и прокуренными комнатами в Сандхерсте. Лорд Рэндольф стал выдавать сыну дополнительные деньги на оплату счетов и прислал ему два ящика своих лучших сигарет. Он возил его в театр «Эмпайр» и в дома своих друзей – любителей скачек. Но даже в этот период не все обстояло идеально. «Как только я пытался каким-то образом проявлять близость, – вспоминал позже Черчилль, – он моментально отгораживался; а когда я однажды предложил помочь его секретарю, он буквально обдал меня холодом».

Зимой леди Рэндольф сообщила сыну, что герцогиня Фанни, которая два года назад взяла к себе миссис Эверест, решила с ней расстаться. Об отставке ей должны были сообщить письменно. «Если бы я позволил себе избавиться от миссис Эверест таким вот образом, – возражал Черчилль, – это было бы крайней неблагодарностью по отношению к ней. Не говоря уже о том, что мне будет очень не хватать ее на Гровенор-сквер. В моем сознании она больше, чем кто-либо, ассоциируется с домом. Миссис Эверест пожилая женщина, она проработала у нас почти двадцать лет и любит нас с Джеком больше всех на свете. Выпроваживать ее так, как собирается герцогиня, значит почти наверняка погубить ее». Тем не менее миссис Эверест уведомили об увольнении письменно. «Я считаю такую процедуру жестокой и отчасти даже низкой, – написал Черчилль. – Ее нельзя было увольнять, пока она не подыщет себе другое хорошее место. Дорогая мама, понимаю, что ты рассердишься на меня за эти строки, но мне невыносимо думать, что миссис Эверест не вернется, и еще более тяжело – что с ней намерены расстаться таким способом». Но его протесты оказались тщетными, и миссис Эверест пришлось покинуть семью.

Затем от леди Рэндольф пришла жалоба: отцу не нравится, что сын курит сигары. «Я больше не буду этого делать, – ответил он. – Я не настолько привык к ним, чтобы мне было трудно от них отказаться. Буду курить не больше одной-двух в день, и то изредка».

В Сандхерсте Черчилль посвящал время не только учебе, но и друзьям. «В отличие от школы, – вспоминал он тридцать пять лет спустя, – здесь у меня было много друзей, трое или четверо из которых до сих пор живы». Судьба остальных стала для него поводом печальных размышлений: «Война в Южной Африке нанесла огромный урон моей компании, а Великая война⁵ погубила почти всех остальных. Немногие выжившие были ранены. Я помню их всех».

30 ноября 1893 г. Черчилль отметил свой девятнадцатый день рождения. Через десять дней в Сандхерсте началась первая экзаменационная сессия по всем пяти предметам. «Мне продуло челюсть, – сообщал он отцу, – и жутко разболелись зубы, из-за чего я недобрал немного баллов на экзаменах». Однако экзамены он сдал, получив 1198 баллов из 1500 возможных. На экзамене по тактике он оказался лучшим: 278 баллов из 300. На Рождество он остался в Бленхейме у двоюродного брата Санни и его американской жены Консуэло, наследницы Вандербильта. «Они очень добры ко мне, – писал он. – Я просто наслаждаюсь, к тому же здесь замечательное обслуживание». В Лондоне его очаровала «прекрасная Полли Хэкет». Надежда увидеться с ней, как поведал он матери, служила ему утешением при расставании с Бленхеймом.

«Утром пришла Полли Хэкет, – написал Черчилль Джеку 31 января 1894 г. – Мы отправились гулять и прошли всю Бонд-стрит». К концу того же дня он получил записочку от самой мисс Хэкет. «Неужели все эти чудесные сласти действительно для меня? – интересовалась она. – Это очень, очень мило с твоей стороны».

В феврале Черчилль опять получил небольшую травму, упав с лошади. «Уинстон очень переживает, – сообщила леди Рэндольф Джеку. – Но ничего, в Сандхерсте он отдохнет от верховой езды».

⁵ Великая война – так до Второй мировой войны называли Первую мировую.

Но в Сандхерсте Черчилль серьезно заболел. Отец отправил ему сочувственное письмо: «Эта инфлюэнца крайне некстати. Перестань курить, пить и ложись спать как можно раньше. Да, я регулярно читаю тебе нотации, но оно того стоит. Чем лучше у тебя будут дела, тем больше я буду склонен помогать тебе». Лорд Рэндольф от души надеялся, что сын будет в колледже на хорошем счету.

«Очень помогает, если вставать пораньше и заниматься», – признался он отцу. Лорд Рэндольф настолько расчувствовался, что послал сыну по фунту на каждого, кто оказывал ему помощь в казарме. На той же неделе Черчилль пожаловался, что суббота и воскресенье в Сандхерсте – «кошмарные дни», поскольку заняться нечем. Отец откликнулся: «Почему бы тебе не читать книжки по субботам и воскресеньям? Я пришлю тебе несколько».

От миссис Эверест, которая теперь жила в Крауч-энд, на севере Лондона, как обычно, пришло наставление: «Побольше занимайся упражнениями на свежем воздухе, и тогда тебе не понадобятся никакие лекарства. Мой дорогой, как я тебя люблю! Береги себя ради меня». В апреле Черчилль навестил ее. «Надеюсь, ты будешь держаться подальше от дурных компаний, – предостерегала она, когда он вернулся в Сандхерст. – И не ходи в «Эмпайр», не проводи там все вечера, это может довести до греха и всего самого плохого. Даже страшно подумать, что ты можешь сбиться с пути».

Не прошло и недели после этого письма, как Черчилль отправился в мюзик-холл «Эмпайр», где развлекался целый вечер перед тем, как вернуться к верховой езде и картографированию. Кроме того, он стал посещать факультативные курсы сигнальщиков. А вот узнав о его очередном визите в Лондон, лорд Рэндольф осыпал его упреками: «Постоянно мотаясь в город под тем или иным предлогом, ты будешь слишком отвлекаться от основного занятия, и к тому же опять будешь транжирить деньги. Тебе 20, в ноябре исполнится 21, и ты должен всегда помнить, что ты кадет военного колледжа, а не школьник из Харроу». На самом деле Черчилль был на год моложе, а ошибка объяснялась болезнью лорда Рэндольфа. Состояние его снова ухудшилось. В апреле парламентский комментатор охарактеризовал его как старца, «согбенного от физических и психических страданий». Он больше не мог договаривать до конца свои речи: у него заплетался язык, он терял ход мысли.

Черчилль очень боялся огорчить отца. Однажды он случайно уронил часы в ручей у глубокого пруда в Сандхерсте и, не раздумывая, сбросил одежду и нырнул за ними. На это была веская причина: это были золотые часы с эмалевым гербом рода Черчиллей на крышке, которые, к расстройству отца, он однажды уронил на мостовую, после чего на корпусе осталась вмятина. Поэтому он и нырнул. Но дно оказалось очень неровным, а вода настолько холодной, что он продержался лишь десять минут, а часы не нашел. На следующий день он договорился пройти по дну сетью, но это тоже не дало результата. После этого он выпросил двадцать три солдата из пехотного отделения, заплатил им, чтобы они прорыли русло ручья, взял пожарную машину колледжа и выкачал всю воду из пруда. Часы нашлись. Черчилль сразу же отправил их в Лондон отцовскому часовщику мистеру Денту. По неудачному совпадению, на той же неделе лорд Рэндольф заглянул к Денту, узнал о новом происшествии с часами и пришел в ярость. «Я написал письмо Уинстону, которое он долго не забудет», – сообщил он леди Рэндольф.

Не зная, сколько усилий сын приложил, чтобы найти часы, лорд Рэндольф написал: «Даже не верится, что ты еще настолько молод и глуп. Совершенно ясно, что тебе нельзя доверить столь ценные часы, и, когда мистер Дент их починит, я тебе их уже не верну. Твой младший брат носит часы, которые я подарил ему, дольше, чем ты свои. Он более надежен и не склонен к дурацким поступкам. В этом он превосходит тебя безмерно». В ответ Черчилль направил отцу полный отчет о поисках часов. «Я рассказываю тебе все это, – написал он, – чтобы показать, насколько я осознаю ценность этих часов и что я отнесся к этому происшествию с полной ответственностью. Труд людей обошелся мне более чем в 3 фунта. Все остальные твои подарки находятся в прекрасном состоянии. Пожалуйста, не суди меня исключительно по этому случаю

с часами». Но лорд Рэндольф передал часы Джеку, который хранил их всю жизнь. Здоровье лорда Рэндольфа продолжало ухудшаться, и через две недели после происшествия с часами доктор Руз посоветовал ему хотя бы на время оставить общественную жизнь, поскольку нервная система требует отдыха. Уинстон тоже плохо себя чувствовал, жаловался матери на сильнейшие головные боли всю неделю, которые даже вынудили его обратиться в госпиталь Сандхерста. Немного оправившись, он уехал в Лондон. «Я вернулся и снял очень хорошую комнату на углу Джермайн-стрит, – сообщил он брату 5 июня. – Прекрасно поужинал в Беркли, а потом отправился в «Эмпайр». На следующий день он пригласил на обед Полли Хэкет и собирался привезти ее в Харроу, чтобы повидаться с братом. Он собрался на дерби, однако обещал ставок не делать. Тем не менее 24 июня записал: «Я провел очень хорошую неделю в Аскоте. Два раза ставил на победителя и неоднократно не на фаворитов, но все равно дорогу пришлось оплачивать».

Лорд Рэндольф готовился к кругосветному путешествию в сопровождении жены и врача Джорджа Кейта. Перед отъездом родителей Черчилль попросил разрешения приехать в Лондон проститься с ними. Лорд Рэндольф тут же телеграфировал военному министру сэру Генри Кэмпбелл-Баннерману, подчеркнув, что это его последний день в Англии. Разрешение было выдано, но Черчилль в этот момент находился не в Сандхерсте, а в Чобэме на картографической практике.

Посыльный помчался из Сандхерста с распоряжением для Черчилля немедленно отбыть в Лондон: на следующий день лорд Рэндольф уезжал. Среди прибывших на вокзал, чтобы проводить его, был и премьер-министр лорд Розбери. Черчилль позже вспоминал проводы: «Несмотря на огромную бороду, которую он отрастил в Южной Африке четырьмя годами ранее, лицо его выглядело крайне изможденным и измученным психическими страданиями. Он потрепал меня по колену жестом столь же простым, сколь и красноречивым. Затем отправился в долгое путешествие вокруг света. Можно сказать, что больше я его никогда не видел: когда мы встретились снова, от него осталась одна тень». Черчилль не подозревал, насколько тяжело болен отец. «Если папа вернется в порядке, – написал он матери в середине июля, – я не буду жалеть о том, что вы уехали».

Пока родители пребывали вдалеке от Англии, Черчилль делился своими проблемами с миссис Эверест. «Я получила весточку от Уинни, – писала она Джеку. – У него все более или менее хорошо. Надеюсь, он больше не будет делать таких глупостей, как падение с лошади. Он же может на всю жизнь остаться калекой или даже погибнуть. Бедняжка, он такой беспечный». В другом письме, после встречи с Черчиллем в Лондоне, она пишет Джеку: «Бедняжка, оказывается, у него два фурункула на задней части, так что он едва может ходить, сильно болят зубы и все такое. Он вернулся в Сандхерст, несмотря на недомогание». Причина, по мнению миссис Эверест, была в Лондоне: поздние ужины, нехватка свежего воздуха и физических упражнений. Через несколько дней она опять писала Джеку: «Представь, Уинни приезжает в Лондон каждую неделю. Похоже, ему здесь нравится».

В августе Черчилль снова путешествует по Европе с братом и мистером Литтлом. В Бельгии они посетили поле Ватерлоо. В Антверпене они осмотрели американский военный корабль «Чикаго». Добравшись до Швейцарии, заехали в Церматт, где Черчилль совершил восхождение на Монте-Розу. «Более шестнадцати часов непрерывной ходьбы, – сообщил он матери. – Я был очень горд тем, что оказался в состоянии это сделать и спуститься еще вполне свежим». Из Церматта путешественники отправились в Уши, близ Лозанны. На третий день пребывания там Черчилль с братом отправились кататься по озеру в гребной лодке и решили искупаться с борта. Так они и поступили, но в это время сильный порыв ветра ударил в тент, натянутый над задними сиденьями, и погнал лодку в сторону. Тщетно Черчилль, хороший пловец, пытался догнать ее. Раз за разом, когда лодка была совсем близка, ее относило в сторону. «Тем временем, – вспоминал он позже, – ветер крепчал, и мы с Джеком, особенно Джек, начали

уставать. До этого момента даже мысли об опасности мне в голову не приходило. Голубая вода искрилась в лучах солнца; открывалась удивительная панорама гор и долин; по берегам веселые отели и виллы. Но теперь я увидел Смерть как никогда близко. Она плыла рядом с нами, ее шепот слышался в шуме ветра, который продолжал уносить лодку от нас примерно с той же скоростью, с какой мы плыли». Два раза Черчилль почти настигал лодку, но ветер отгонял ее дальше. В конце концов неимоверным усилием ему удалось ухватиться за борт буквально в последнюю секунду перед тем, как порыв ветра опять надул тент. Черчилль сел на весла и быстро погреб к Джеку, который, по его воспоминаниям, «хотя и очень устал, совсем не понимал, что над нами нависла смертельная угроза».

По возвращении в Сандхерст Черчилль начал готовиться к последним экзаменам. Верховая езда, которой он теперь овладел в совершенстве, стала его страстью. Но когда он попросил у отца, находившегося в тот момент в Калифорнии, разрешения перейти в кавалерию, лорд Рэндольф возмутился: «Лучше бы тебе выбросить это из головы, во всяком случае, до конца моей жизни, пока ты зависишь от меня». Препятствием были расходы на лошадей. «Я все же надеюсь, – написал Черчилль матери в сентябре, – что, когда он поймет, насколько мне этого хочется, он не отправит меня в пехоту против моего желания». Между тем лорд и леди Рэндольф прибыли в Японию. Там состояние лорда Рэндольфа ухудшилось.

В Лондоне же Черчилль впервые поучаствовал в социальном конфликте, присоединившись к протесту, связанному с намерениями властей закрыть «Эмпайр». В театре происходили сборища молодых людей, которые не только общались во время представлений и в антрактах, но и частенько злоупотребляли алкоголем.

В письме в *Westminster Gazette*, подписанном инициалами WLSC, Черчилль доказывал, что привитие более строгих стандартов поведения в обществе зависит в большей мере от улучшения социальных условий и образования, нежели от ханжей. Он также писал, не подозревая о природе отцовского заболевания: «Природа уготовила более тяжкие и страшные наказания для *roués* и *libertines*⁶, чем может изобрести какое бы то ни было государство. Эти наказания существуют с сотворения мира, но тем не менее безнравственность остается распространенным явлением. Вмешательство государства в любом виде никогда не искоренит зла».

Черчилль признавал, что обе стороны, участвующие в споре за «Эмпайр», заинтересованы видеть Англию нравственнее, но подчеркнул: «В то время как «комитеты бдительности» желают искоренить зло парламентскими законами и готовы ради этого принести в жертву гражданские свободы, «антиханжи» предпочитают другое. Попытки исправить ситуацию репрессивными методами – опасный путь, обычно приводящий к обратной реакции».

Письмо было опубликовано 18 октября. 3 ноября Черчилль сделал последнюю попытку поддержать протест. «Читал ли ты в газетах о бунте у «Эмпайр» в прошедшую субботу? – спрашивал он брата. – А ведь это я возглавлял бунтовщиков и произнес речь перед толпой». Его лозунгом в тот вечер было: «Я за Свободу!» Он говорил своим единомышленникам: «Вы увидели, как мы сегодня снесли все баррикады. Не забудьте голосовать на ближайших выборах против тех, кто несет за них ответственность». Битва тем не менее была проиграна, и театр закрыли. «Не знаю, что ты думаешь по этому поводу, – написал Черчилль отцу, – но я уверен, что ты не одобряешь насильственных и бесполезных мер».

В это время отец Черчилля направлялся из Гонконга в Индию. В телеграмме, пришедшей от доктора Кейта в первую неделю ноября, сообщалось, что у него начались галлюцинации и он не в состоянии нормально говорить. Сильно встревоженный Черчилль убеждал доктора Руза сказать честно, насколько серьезно состояние отца. Ему назвали симптомы, но не при-

⁶ Пройдохи и развратницы (*фр.*).

чину. «Я никогда не подозревал, насколько тяжело папа болен, – тут же написал он матери. – И никогда до этого момента не верил, что с ним может случиться что-то серьезное».

Теперь он прилагал все усилия, чтобы скрыть новости от бабушки, которой уже показали несколько настораживающих бюллетеней. «Я бы посоветовал, насколько возможно, – писал он матери, – скрывать положение от герцогини. Неблагоприятные новости сильно ее расстраивают. Она переживает и думает только о том, чтобы снова увидеть папу, и на неделю впадает в отчаяние после любых плохих сообщений».

В конце ноября, когда лорд Рэндольф был в Мадрасе, доктор Кейт телеграфировал доктору Рузу, что его пациенту осталось жить около шести месяцев. Руз показал телеграмму Черчиллю, который решил тут же мчаться в Индию. «Не представляю, как долго продлится папина болезнь, – написал он матери, – но я намерен приехать и повидаться с ним». Он также уговаривал мать поскорее вернуться в Египет или на Французскую Ривьеру, где они с Джеком могли бы присоединиться к родителям. «Для тебя это должно быть ужасно, – писал он матери, – но для меня почти так же. Ты, по крайней мере, с ним рядом».

Леди Рэндольф согласилась, что в таком состоянии, при участившихся галлюцинациях и распаде сознания, мужа нужно возвращать на юг Франции. 29 ноября, накануне своего двадцатилетия, Черчилль написал Джеку: «Папа и мама возвращаются и будут в Монте-Карло в конце декабря. У нас появится возможность приехать и встретиться с ними. Врачи полагают, что, если ему обеспечить полное спокойствие, он может поправиться. Но в политику ему уже никогда не вернуться».

Учеба Черчилля в Сандхерсте подходила к концу. К своей радости, на экзаменах по выездке он стал вторым из 127 кадетов. «Надеюсь, ты будешь доволен», – написал он отцу. Но лорд Рэндольф уже не воспринимал окружающее. По прибытии в Коломбо его пришлось держать в смирительной рубашке. Оттуда его перевезли в Каир. Надеяться на восстановление на юге Франции не приходилось. Его доставили в Лондон.

24 декабря лорд Рэндольф появился на Гровенор-сквер. Через несколько дней у него начались мучительные боли, и семья решила, что он при смерти. Встревоженный этим, принц Уэльский попросил собственного врача, сэра Ричарда Куэйна, узнать у невропатолога лорда Рэндольфа, доктора Буззарда, причину заболевания. Буззард ответил: «Лорд Рэндольф страдает прогрессивным параличом. Первые симптомы в виде невнятной артикуляции были замечены мной около двух лет назад. Перед этим я его не видел год, а то и два, поэтому невозможно сказать, как долго он был подвержен этому заболеванию». На непрофессиональном языке «прогрессивный паралич» – следствие сифилиса обычно проявляется через десять-двадцать лет после заражения.

Спустя столько времени невозможно было быть абсолютно уверенным в диагнозе, но Буззард был уважаемым авторитетным специалистом с огромным опытом в этой области. В письме его также говорилось: «Вы хорошо знаете, до какой степени подобные случаи различаются в зависимости от конкретных симптомов, хотя они обычно приводят к фатальному исходу в течение трех или четырех лет».

Впрочем, окончательно надежды Буззард не терял, сообщая доктору Куэйну: «При правильном питании и покое его светлость значительно восстановился и сейчас может общаться, узнает людей, помещение, в котором лежит, и вспоминает прошедшие события. Однако артикуляция порой не позволяет понять, что он произносит. Галлюцинаций нет. Его состояние можно определить как психическую слабость. Вполне возможно, состояние может улучшиться, если обеспечить щадящий образ жизни. Но поскольку уже были неоднократные приступы паралича, то они могут повториться в любой момент, и проявление их в жизненно важных органах может спровоцировать внезапную смерть. У него очень слабое сердце. Также не исключено, что он может погрузиться в состояние нарастающего слабоумия с сопровождающими его физическими проблемами, медленно приводящими к смерти».

«Физически он лучше, – написала леди Рэндольф сестре Леони 3 января 1895 г., – но психически в тысячу раз хуже. Даже его мать уже хочет, чтобы он скорее умер». Через несколько дней, очнувшись от глубокого сна, лорд Рэндольф спросил, когда они поедут в Монте-Карло. Ему ответили, что на следующий день. «Это хорошо», – произнес он, а потом, увидев сына, спросил, как и когда он сдал экзамены в Сандхерсте. Черчилль сказал, что у него двенадцатый результат из ста тридцати кадетов.

Лорд Рэндольф умер утром 24 января, не дожив три недели до своего сорокашестилетия. Через три дня его похоронили на церковном кладбище в Блэдоне, за стенами Бленхейма.

Не подозревая об ужасной причине смерти отца, Черчилль решил, что она – очередное подтверждение того, что все Черчилли умирают молодыми. И он, и Джек родились недоношенными. Джека вообще поначалу посчитали мертворожденным. Трое братьев лорда Рэндольфа умерли в младенчестве, четвертый брат скончался на пятом десятке, как и сам лорд Рэндольф. У самого Черчилля всегда было слабое здоровье.

Это пугало его. Черчилль теперь не только стремился доказать, что вовсе не является ничемным человеком, как утверждал его отец, но его еще стала преследовать мысль, что ему тоже суждено умереть молодым. «Неужели сорок, и все кончено?» – задавался он вопросом двадцать лет спустя. Черчилль никогда не видел письма Буззарда Куэйну, которое было найдено и впервые опубликовано его сыном Рэндольфом в 1967 г., и не мог знать, что его страх умереть молодым в силу наследственности совершенно неоправдан.

Летом 1895 г., через полгода после смерти отца, Черчилль приехал в Блэдон посетить его могилу. «В маленькой церкви шла служба, – написал он матери, – и голоса поющих детей добавляли красоты и покоя всему месту. Жаркое солнце последних дней немного подсушило траву, но розовые кусты были в полном цвету и украшали церковное кладбище. Я был совершенно поражен необыкновенным ощущением тишины и покоя, а также атмосферой прежней жизни, царящей там, и испытал одновременно и печаль, и умиротворение. Он бы наверняка выбрал для себя это место. Думаю, тебе станет легче, когда ты это увидишь».

Глава 4

Младший лейтенант: «Я не могу сидеть спокойно»

20 февраля 1895 г., через четыре недели после смерти отца, Черчилль стал кавалеристом 4-го гусарского полка, дислоцированного в Олдершоте. Он был произведен в чин младшего лейтенанта. Звание присвоено было ему – согласно традиции – самой королевой Викторией: «Нашему верному и любимому Уинстону Леонарду Спенсеру Черчиллю, джентльмену». Подписано оно было военным министром Кэмпбеллом-Баннерманом, который менее чем через одиннадцать лет назначит Черчилля на его первую министерскую должность – заместителем министра по делам колоний.

Режим в Олдершоте не был строгим. День начинался в 7:45 с завтрака в постели, рассказывал Черчилль брату в первую неделю. По часу в день он командовал эскадроном из тридцати человек и должен был следить за тем, как чистят, кормят, поят лошадей, прибирают в казарме и т. п. Также каждое утро по два часа занимались верховой ездой, а после обеда – тренировками на плацу. За этим следовали горячая ванна, ужин, бильярд и безик. «По вечерам много играю в вист», – написал он матери. Он часто бывал в Лондоне – тетушка, герцогиня Лили, согласилась платить за его лошадь.

Через две недели пребывания Черчилля в Олдершоте избиратели округа Барнсбюри попросили двадцатилетнего субалтерна выступить перед ними. Это было первым в его жизни приглашением произнести политическую речь. «Но после долгих сомнений и размышлений, – рассказывал он брату, – я написал им, что честь слишком велика или что-то в этом смысле».

Несчастные случаи продолжали преследовать молодого человека. В марте он написал матери: «Мне не повезло, и я грохнулся с лошади на стипль-чезе. Она отказывалась подчиняться. Я попытался ее заставить, но она взбрыкнула, и в результате я едва не сломал ногу, но, слава богу, отделался синяками и ушибами». Джеку он признался, что сильно повредил колено и ковыляет с тростью.

Заверив мать, что больше не будет заниматься таким рискованным делом, как стипль-чез, Черчилль тем не менее вошел в состав кавалерийской бригады по стипль-чезу под именем «мистер Спенсер». Он принял участие в соревнованиях «Челлендж кап» для субалтернов 4-го гусарского полка. «Это было очень увлекательно и, безусловно, опасно, – рассказывал он брату. – Я никогда раньше не прыгал через барьер, а их делают очень высокими, как ты знаешь». Его лошадь пришла третьей. Позже возник скандал, связанный с тем, что победитель скакал на лошади, заявленной под другим именем. Результаты скачек аннулировали, а всех лошадей, принимавших в них участие, в том числе и лошадь Черчилля, навсегда дисквалифицировали и отстранили от соревнований. Все пять субалтернов оказались под подозрением в участии в обмане, который год спустя жестко осудил радикальный журнал Truth.

Этой же весной, вскоре после истории на скачках, произошел еще один неприятный эпизод. В 4-м гусарском полку должен был начать службу молодой офицер Алан Брюс, бывший соученик Черчилля по Сандхерсту. Субалтерны за что-то его сильно невзлюбили. Пятеро молодых офицеров, включая Черчилля, специально пригласили его на ужин, во время которого ему было объявлено, что он должен покинуть полк. Через год тот же журнал Truth написал и об этом, назвав этот случай «большим кавалерийским скандалом». По мнению редактора, члена парламента от радикальной партии Генри Лабушера, именно Черчилль, будучи представителем младших офицеров полка, сообщил Брюсу, что он «нежелателен». Вскоре после этого Брюсу официально предложили оставить полк, что тот и сделал.

В двух письмах к матери Черчилль сообщал об этом эпизоде, хотя и не упоминал о своем в нем участии. «Когда я вижу, как относятся сослуживцы к тем, кого невзлюбили, – писал он

в апреле, – я думаю о том, как здорово мне повезло, что я обзавелся друзьями и прочным положением. Тут если ты не нравишься, то должен уйти, а это означает жить дальше с пятном в биографии».

В конце апреля Черчилль приехал в Лондон на свадьбу своей тетушки, вдовствующей герцогини Лили, и лорда Уильяма Бересфорда. «Потрясающий завтрак, который, должно быть, стоил безумных денег, – писал он матери, – и толпа, поглощающая его, – это мое главное впечатление». Из Лондона он поехал на скачки в Ньюмаркет, где с ним побеседовал принц Уэльский. По его словам, на трибунах присутствовал весь высший свет. В это же время он увлекся игрой в поло. «Это лучшая игра на свете, но я рад, что мне удастся держать себя в руках и не играть слишком часто, – писал он матери. – Однако в обозримое время я вряд ли сумею не играть совсем».

В июне приятельница Черчилля Полли Хэкет вышла замуж за Эдварда Уилсона. Черчилль уже был знаком с сестрой Эдварда, Мюриел, которая приезжала в Олдершот на парад по случаю дня рождения королевы. Тогда же он стал членом лондонского Клуба холостяков. «Я получил огромное количество приглашений, – рассказывал он матери, – и могу ходить на балы хоть каждый вечер, если захочу, но армейская рутина заставляет меня больше всего мечтать о постели». В этом же месяце Англию посетил Насрулла-хан, сын эмира Афганистана. Когда он приехал инспектировать войска в Олдершот, Черчилль был назначен в эскорт герцога Коннаутского. «Я провел семь часов в седле без перерыва, не снимая кивера, – сообщал он матери, – а потом еще два часа после обеда, но то, что меня назначили, – большая честь».

Под вечер 2 июля Черчилль в Олдершоте получил телеграмму, извещающую, что миссис Эверест в критическом состоянии. Он немедленно отправился к ней на Крауч-хилл в Северном Лондоне. «Она знала, что в опасности, – позже вспоминал он, – но все ее мысли были обо мне. Я приехал в сильный дождь. Китель промок. Потрогав его, она ужасно встревожилась, что я простужусь. Пришлось снять китель. Она успокоилась только после того, как он окончательно высох».

После этого Черчилль помчался в центр города, чтобы нанять сиделку и встретиться с доктором Кейтом, который сразу же согласился осмотреть миссис Эверест. Затем ночным поездом Черчилль отправился в Олдершот, чтобы не опоздать на утреннее построение. По его окончании он вернулся в Лондон к миссис Эверест. Он надеялся на улучшение, но она уже была без сознания и ночью скончалась – в 2:15. Сиделка прибыла только к самому концу. «Это очень грустно, – писал он. – Ее смерть стала для меня настоящим ударом, но я не думаю, что она страдала от боли».

Ранним утром Черчилль отправился на поезде в Харроу к Джеку, чтобы тот узнал эту грустную новость от него, а не из телеграммы. «Он был просто потрясен, – рассказывал Черчилль матери, – хотя старался не показать этого». Вернувшись в Лондон, он сделал все необходимые распоряжения в связи с похоронами и даже заказал венок от имени матери. «Я подумал, что тебе этого захочется», – написал он ей, а миссис Эверест назвал другом, какого у него никогда больше не будет.

Миссис Эверест похоронили на городском кладбище в Восточном Лондоне 5 июля. Позже на надгробном камне сделали надпись, что его установили «Уинстон Спенсер Черчилль и Джон Спенсер Черчилль». «Гроб был покрыт венками, – писал Черчилль матери после похорон. – Все было как полагается. Дорогая мамочка, я очень устал, поскольку почти две ночи провел на ногах, исполняя свой долг. Чувствую себя совершенно подавленным и понимаю, что никогда не осознавал, как много значила для меня бедняжка Вумани. Оборвалась еще одна связь с прошлым. Я с сожалением вспоминаю о былых днях на Коннот-плейс, когда нам еще улыбалась судьба». У леди Рэндольф теперь даже не было своего дома. Она жила в гостиницах и по родственникам. «Я мечтаю о том дне, когда ты сможешь обзавестись своим домиком, –

писал Черчилль, – и когда я почувствую, что есть такое место – дом». Для него самого домом был Олдершот, у него было множество друзей, и он хорошо знал свое дело. 23 июля на маневрах присутствовали герцог и герцогиня Йоркские, и Черчиллю было поручено встретить их перед ужином. Тогда же у него состоялся долгий разговор с герцогом Коннаутским по поводу выборов.

Это были первые всеобщие выборы за почти тридцать лет, в которых Гладстон не был лидером либералов. «Что до меня, – писал Черчилль матери в разгар кампании, – я отношу развал радикальной партии исключительно за счет отсутствия силы мистера Гладстона. С 1886 г., когда произошел великий раскол, партия постепенно приходила в упадок, но его личность придавала ей силу, как лихорадка оживляет больного человека. Едва она исчезла, последовал коллапс».

Лорд Розбери и либералы потерпели поражение. Премьер-министром в коалиционном правительстве консерваторов и юнионистов стал Солсбери. Ведущие посты были отданы Джозефу Чемберлену и другим сторонникам либералов прошлого десятилетия. «Никогда не приходилось видеть более растерянной и разобщенной партии, – написал Черчилль матери про потерпевших поражение либералов Гладстона. – Юнионисты же привели в кабинет министров почти всех способных людей из обеих палат, поддержанных всеми слоями общества, не скованных обещаниями и не стесненных обязательствами. Ни у одной партии никогда не было такого шанса. Остается посмотреть, какую пользу они из этого извлекут». Но заканчивает он свое письмо предупреждением-предвидением по поводу жизнеспособности нового правительства: «На мой взгляд, они слишком сильны. Их правительство расколется из-за вопроса о протекции. Как огромному кораблю с мощным двигателем, им требуется более тщательное управление, потому что любая коллизия приведет к разрушению».

Вопрос о протекции – требование юнионистов защитить имперскую торговлю от иностранной конкуренции посредством введения тарифной системы – действительно впоследствии расколел партию и приведет к ее упадку. В этой будущей политической схватке Черчилль, тогда еще молодой член парламента от консерваторов, обретет политическую известность как главный противник тарифов.

Тем временем жизнь в Олдершоте текла по-прежнему и была посвящена верховой езде. «Сейчас у нас разгар маневров, – рассказывал он матери в августе. – По восемь часов в седле каждый день, затем по два часа в конюшне, а потом – непременно поло». Однако его уже сильно увлекла политика. «Политика, – делился он мыслями с матерью, – это тонкая игра, и в ней очень важно выждать удачный момент, прежде чем бросаться вперед. В любом случае четыре года здорового и приятного существования в сочетании с ответственностью и дисциплиной пойдут мне на пользу. Чем больше я смотрю на армейскую жизнь, тем больше она мне нравится, но тем больше я убеждаюсь, что это *métier*⁷ не для меня. Ну, посмотрим».

Уже через неделю Черчилль сообщает ей: «Армейская жизнь ведет к умственному застою в полном соответствии с армейским духом. Из этой трясины я пытаюсь себя вытаскивать, читая и перечитывая отцовские речи, многие из которых знаю почти наизусть. Но мне нужен человек, который помог бы мне систематизировать чтение. Сейчас я читаю без всякой системы, что дает только разрозненные, не связанные между собой факты». Если бы он квартировал в Лондоне, он бы, пожалуй, нанял преподавателя, чтобы час-другой в неделю изучать экономику или современную историю.

Леди Рэндольф по-своему поняла, что имеет в виду сын. Она предложила ему заняться вопросом «снабжения армейских лошадей». «Это занятие, – ответил он, – возможно, весьма похвальное для кавалерийского офицера, ведет скорее к сужению мысли, нежели к ее расширению. Нечто более литературное и умозрительное стало бы тем лекарством для ума, в кото-

⁷ Ремесло, профессия (*фр.*).

ром я нуждаюсь. Всю жизнь, – пояснял Черчилль, – сначала в Харроу, потом в Сандхерсте и у Джеймса я получал чисто техническое образование, нацеленное лишь на конкретную цель – сдачу очередных экзаменов. В результате мой мозг не получил того блеска, который дают, например, Оксфорд или Кембридж. В таких местах человек изучает науку с более высокой целью, нежели утилитарная польза. Человек получает там широкое общее образование».

Незадолго до двадцать первого дня рождения Черчилль решил самостоятельно получить такое образование. Будучи кавалерийским офицером с множеством служебных обязанностей, посвящавшим много времени верховой езде и не забывавшим об удовольствиях, он тем не менее погрузился в самообразование. Начал он с «Учебника политической экономии» Г. Фосетта. «Эта книга, – рассказывал он, – преимущественно посвящена основным принципам и способна дать как минимум ясное представление об основах предмета. Она принесет пользу, даже если не слишком погружаться в предмет». После Фосетта он планировал прочитать «Историю упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона и «Европейские нравы от Августа до Шарлеманя» У. Леки. Это и интереснее, и полезнее, был уверен он, чем простое нагромождение фактического материала и статистических данных.

Осенью леди Рэндольф приобрела дом в Лондоне по адресу Грейт-Камберленд-плейс, 35а. Если бы полк Черчилля был расквартирован ближе к столице, он смог бы жить с матерью. «Я так мечтаю снова обрести дом. Каким наслаждением будет позвонить в колокольчик у собственной парадной двери. Бедняжка Эверест – как бы она радовалась, что мы снова живем в собственном доме. Она очень на это надеялась».

В октябре 1895 г. Черчилль с другом Реджинальдом Барнсом решил отправиться на Кубу, где испанские войска пытались подавить восстание островитян. Матери, которая сомневалась в целесообразности этого путешествия, он написал: «В любом случае я решил ехать». Леди Рэндольф моментально ответила: «С учетом того, что я предоставляю тебе средства, полагаю, что вместо «я решил ехать» было бы вежливее и, пожалуй, разумнее сначала посоветоваться со мной. Опыт со временем научит тебя, что тактичность – одна из важнейших черт человека во всех жизненных ситуациях». Впрочем, препятствовать ему она не стала.

Готовясь к поездке, Черчилль встретился с фельдмаршалом лордом Уолсли, главнокомандующим британской армией. С одобрения Уолсли они с Барнсом направились к начальнику военной разведки генералу Чапмэну, который снабдил их картами и информацией. Черчилль написал матери, что их, в свою очередь, попросили собрать сведения и статистические данные по нескольким вопросам – «в особенности об эффективности новой пули, ее проникающей и поражающей способности. Это придает нашей миссии почти официальный характер и может помочь в будущем». У поездки была и вполне прагматичная цель. «Я привезу много гаванских сигар, – сообщил он матери, – часть которых можно будет хранить в подвале на Грейт-Камберленд-плейс». Перед отъездом он также договорился с газетой Daily Graphic, для которой его отец поставлял материалы из Южной Африки, что будет присылать регулярные репортажи с места событий.

Черчилль покинул Англию за месяц до двадцать первого дня рождения на борту почтового парохода «Этрурия» компании «Кунард». Это было его первое трансатлантическое путешествие. Он с гордостью сообщал матери, что они с Барнсом ни разу не страдали морской болезнью. Но при этом добавил: «Я не рассматриваю морское путешествие как удовольствие, и всегда буду считать его неизбежным злом, с которым можно смириться только ради выполнения какой-то определенной задачи».

Нью-Йорк Черчиллю понравился. «Все чрезвычайно вежливо, и у нас едва ли не по три приглашения на каждый завтрак, обед и ужин на несколько дней вперед», – сообщал он матери. Ее кузены были любезны и дружелюбны. Один из них даже нанял денщика для путешественников. Они посетили штаб-квартиру Атлантического военного округа американской армии, а также Вест-Пойнт – американский аналог Сандхерста. Недавний выпускник Сандхер-

ста пришел в ужас от дисциплины в Вест-Пойнте. «Им запрещено курить и иметь карманные деньги, – рассказывал он брату. – Первый двухмесячный отпуск они могут получить только после двух лет обучения. Это поистине позорно. Молодые люди в возрасте 24–25 лет, которые до такой степени лишены личной свободы, никогда не смогут стать ни хорошими гражданами, ни доблестными воинами. Ребенка, который бунтует против такого контроля, могут выпороть – так там поступят и со взрослым мужчиной».

В Нью-Йорке Черчилль осмотрел американский военный корабль «Нью-Йорк». Американские моряки, впрочем, интересовали его больше, чем сам корабль, «поскольку линкор, в принципе, может построить любое государство, а воспитание хороших моряков – монополия англосаксов», – писал он тетушке Леони. «Какой необыкновенный народ эти американцы! – восхищался он в письме к матери. – Их гостеприимство стало для меня откровением. Они делают все, чтобы ты чувствовал себя свободно, как дома, и делают это с такой легкостью, какой я и представить себе не мог». С другой стороны, их пресса и валюта произвели на него весьма удручающее впечатление. Бумажный доллар, которым он расплатился за проезд по Бруклинскому мосту, показался ему «самой сомнительной «деньгой» в мире», как рассказывал он Леони. Некоторое время Черчилль размышлял, как примирить великолепную организацию жизни с отвратительной системой денежного обращения. Бумажные деньги вызывали у него отторжение, пока он не нашел этому объяснение: «Средства коммуникации в Нью-Йорке – дело частного бизнеса, а валюта – государства. Таким образом, я пришел к заключению, что американцы высшего уровня сидят в банкирских домах, а менее одаренные – в правительстве».

«Это великая страна, дорогой Джек, – написал Черчилль брату на пятый день пребывания в Нью-Йорке. – Не милая и не романтическая, но великая и прагматичная. Здесь, похоже, не существует такого понятия, как традиции. Все в высшей степени подчинено практичности и оценивается только с этой точки зрения. На заседании суда судья обсуждал с нами доказательства вины, аргументируя их примитивно: «Это само собой разумеется». Он старался быть только приятным собеседником, в то время как несчастный обвиняемый сражался за свою жизнь. Здесь нет ни мантий, ни париков, ни судебных приставов в форме. Ничего, кроме группы людей в черных пиджаках или твидовых костюмах – судья, подсудимый, жюри, адвокат и охранники. Но тем не менее они ухитряются вынести приговор и повесить человека, а это, так или иначе, великая вещь».

Во время этого краткого визита многое поражало Черчилля. Сущность американской журналистики в письме к брату он определил как «вульгарность, лишенная правды». Но постарался быть объективным: «Видишь ли, я думаю, что вульгарность – признак силы. Американцы – великий, грубый, сильный, молодой народ, похожий на резвого здорового ребенка среди слабых, но хорошо воспитанных леди и джентльменов. Представь себе американский народ как энергичного, дурно воспитанного юношу, который попирает все твои чувства, не испытывает почтения ни к возрасту, ни к традициям, но действует из лучших побуждений с энергией, которой старые нации могут лишь позавидовать».

После недели в Нью-Йорке Черчилль и Барнс поездом отправились во Флориду. Принимавший их Бурк Кокрэн предоставил им двухместное купе. В результате тридцатишестичасовое путешествие на юг оказалось, как сообщил он матери, «менее тягостным, чем могло быть в обычном купе». В Ки-Уэсте они пересели на пароход до Гаваны, где британский генеральный консул представил их испанскому военному губернатору, который, в свою очередь, телеграфировал об их прибытии главнокомандующему испанскими войсками.

21 ноября Черчилль и Барнс на поезде уехали из Гаваны, чтобы присоединиться к действующим испанским частям. «Нам сопутствовала почти необъяснимая удача, – рассказывал Черчилль матери. – Мы пропустили два поезда, которые буквально через полчаса разгромили повстанцы. Мы приехали в город, в котором были распространены всевозможные заразные

заболевания. Наконец, если бы я совершенно случайно, без какой-либо причины не отошел буквально на полметра в сторону, я наверняка был бы убит. Так что, как видишь, дорогая мама, добрый ангел-хранитель не оставляет меня».

Пять корреспонденций Черчилля в Daily Graphic были озаглавлены «Письма с фронта» и подписаны инициалами «WSC». В первом письме, написанном еще по дороге на фронт, он писал: «Нет сомнения, что кубинские инсургенты пользуются симпатией всего населения и, соответственно, обладают постоянными и точными разведданными. С другой стороны, Испания решительно настроена подавить их, и тысячами поставляет свежие силы. Чем это закончится, трудно сказать, но кто бы ни победил и к каким бы результатам это ни привело, весь народ безусловно терпит страдания и невзгоды».

23 ноября Черчилль оказался в центре острова. «Чем больше я наблюдаю Кубу, – писал он в этот же день, – тем больше ощущаю, что требование независимости является общенациональным и единодушным. Силы повстанцев состоят из лучших представителей островитян, хотя могут без малейшего искажения истины быть названы просто бандой. Фактически, это война, а не восстание». На другой день генерал Вальдес сформировал колонну из 2700 военнослужащих для снабжения через горы испанских гарнизонов. «Генерал выделил нам лошадей и прислугу, – писал Черчилль матери по возвращении в Гавану, – и мы жили вместе с его личным персоналом».

30 ноября Черчиллю исполнился двадцать один год. В этот день генерал Вальдес повел войска на поиски основной армии повстанцев. Черчилль и Барнс были с ним и провели ночь на открытом воздухе. На следующий день после прибытия в новый лагерь они уговорили двух испанских офицеров пойти искупаться в реке. Искупавшись, все четверо одевались на берегу. «Внезапно, – сообщал Черчилль в следующем репортаже, – мы услышали выстрел. За ним последовало еще несколько. Начался беглый огонь. Пули свистели над нашими головами. Стало очевидно, что нас атакуют. Быстро одевшись, один из испанцев побежал за подмогой. Он вернулся с полусотней солдат, которые отогнали атакующих».

Черчилль с Барнсом вернулись к штабу Вальдеса, который располагался менее чем в километре. Там тоже происходила перестрелка. Нападение было отбито. Затем около полуночи нападавшие вернулись и в течение часа вели огонь. Несколько испанских солдат были убиты. «Одна пуля прошла тростниковую хижину, в которой мы спали, – писал он, – другой ранило ординарца, спавшего снаружи».

На следующий день, который Черчилль впоследствии назвал «самым замечательным днем в моей жизни», испанские войска с рассветом двинулись в поход. «Туман, – сообщал он в корреспонденции для Daily Graphic, – обеспечил укрытие снайперам повстанцев, которые встретили нас метким огнем, как только мы форсировали реку». Позже утром колонна была вынуждена остановиться. Выдвинулась пехота. Пули над головами свистели непрерывно. Колонна кавалерии двинулась дальше. «Мы атаковали позиции противника и продвигались по открытому пространству под интенсивным огнем, – писал Черчилль матери. – К сожалению, генерал Вальдес, очень храбрый человек в белом с золотом мундире на серой лошади, вызывал на себя и на нас сильный огонь. Свиста пуль я слышался вполне достаточно».

В ходе операции Черчилль с Барнсом держались поблизости от Вальдеса, в результате чего, как он объяснял матери, «мы были в самом опасном месте на поле боя». Он полагал, что испанцам повезло, и они потеряли меньше людей, чем могли бы, благодаря тому что повстанцы стреляют не слишком метко, в основном поверх голов. После ожесточенной десятиминутной перестрелки повстанцы отступили. Испанцы их не преследовали и ретировались. «Представьте генерала, командира дивизии, – писал Черчилль в пятой и последней корреспонденции, – и две тысячи лучших солдат, которые в течение десяти дней занимаются поиском противника, преодолевают всевозможные трудности, подвергаются всевозможным испытаниям, а после этого вполне удовлетворяются, захватив тридцать или сорок повстанцев

и заняв невысокий холмик, не имеющий никакого значения. При таком ведении войны даже императору Вильгельму с немецкой армией понадобилось бы лет двадцать, чтобы подавить это восстание».

В этом последнем сообщении Черчилль размышлял о справедливости борьбы повстанцев: «Куба в течение длительного периода была обременена чудовищными налогами. Испанцы выкачивали из страны такое количество денег, что вся промышленность оказалась парализованной, и развитие стало невозможным. Взяточничество и коррупция пронизали администрацию в масштабе почти китайском. Коррумпирована была вся испанская администрация. Общенациональное восстание – единственный возможный результат существования такой системы. Однако повстанцы избрали тактику разбойников, поджигая плантации сахарного тростника, стреляя из-за угла, ведя огонь по спящим военным, пуская под откос поезд и бросая взрывчатку. Это, – подводит итог Черчилль, – возможно, совершенно оправданно во время войны, но государства таким образом не создаются».

Один британский журналист сообщил Черчиллю: на Кубе распространился слух, будто его симпатии на стороне повстанцев. Слух этот опровергался тем, что Черчилль и Барнс получили испанские военные награды – медали «Красный Крест». Но Черчилль был уверен и писал об этом в своей последней корреспонденции в Daily Graphic, что «кубинцев никогда не удастся вытеснить с обширных внутренних территорий. Необходимо, чтобы Куба, свободная и процветающая, под властью закона и патриотической администрации, открыла свои порты для международной торговли, посылала своих пони в Херлингэм, команды игроков в крикет – на Лорд, меняла гаванские сигары на ланкаширский хлопок, а сахар из Матансасы – на столовые приборы из Шеффилда. По крайней мере, будем на это надеяться».

Через год после поездки на Кубу Черчилль писал матери: «Я упрекаю себя за то, что был, возможно, несколько несправедлив по отношению к инсургентам. Я старался оправдать действия испанцев, и в некотором смысле преуспел в этом. Но это политика. Не хотелось бы услышать обвинения в несправедливости от тех, кто меня принимал, хотя я не вполне уверен, что это правильно».

В середине декабря Черчилль с Кубы отправился в Соединенные Штаты, а оттуда домой. Давая в Нью-Йорке интервью журналисту New York World, он заметил по поводу испанских войск: «У меня нет сомнений в их мужестве, но они очень поднаторели в искусстве отступления. Что касается будущего, я думаю, что в итоге Соединенные Штаты вмешаются в качестве миротворца».

«Я собираюсь привезти великолепный кофе, сигары и желе из гуавы, чтобы набить подвалы дома», – написал Черчилль матери в последнем письме из Гаваны. Он сдержал слово, но возвращение в Англию оказалось омрачено широко распространившимся слухом, что в Сандхерсте он совершал, как говорили, «акты величайшей безнравственности в духе Оскара Уайльда». Обвинение было выдвинуто А. Брюс-Прайсом, отцом офицера-кадета, который ранее обвинил Черчилля и его приятелей в том, что они вынудили его сына покинуть полк. Брюс-Прайс-старший также утверждал, что один офицер был избит сослуживцами-субалтернами за то, что совершил непристойный акт с Черчиллем.

Черчилль подал иск против Брюс-Прайса в Высокий суд. Через месяц тот отозвал свои обвинения и выплатил 400 фунтов за нанесение морального ущерба – более 15 000 по курсу 1990 г. «Все это дело, – писал Черчиллю его командир полковник Брабазон, – лишь показывает, до чего способны довести ложь и злоба». Однако дело Брюс-Прайса-младшего на этом не закончилось. Газета Truth⁸ неоднократно возвращалась к нему, при этом продолжая негодовать по поводу эпизода со стипль-чезом, произошедшего годом ранее.

---

⁸ Главный редактор и издатель газеты Truth, Генри Лабушер, заслужил широкую известность благодаря «Поправке Лабу-

Общественная жизнь Черчилля при этом развивалась бурно. В доме лорда Ротшильда в Тринге среди гостей бывали Асквит и Бальфур. «Как ты понимаешь, – говорил Черчилль матери, – я чрезвычайно ценю возможность пообщаться со столь умными людьми и послушать их беседы». Одной из наиболее обсуждаемых тем в тот момент была Южная Африка. В недавней речи министр по делам колоний Джозеф Чемберлен назвал всего лишь «нелогичностью» то, что население Трансвааля платит из своих доходов девяносто процентов налогов, но не имеет представительства в парламенте буров. Черчилль прокомментировал: «Такая «нелогичность» привела к восстанию Америки против Англии и стала основной причиной Французской революции».

В феврале 1896 г., как и предсказывал Черчилль, Соединенные Штаты начали оказывать давление на Испанию, чтобы она оставила Кубу. «Надеюсь, – написал Черчилль Бурку Кокрэну, – Соединенные Штаты не будут вынуждать испанцев уйти с Кубы, если только они не готовы взять на себя ответственность за последствия этого. Если США аннексируют Кубу, это, конечно, будет сильным ударом по испанцам, но станет лучшим и самым выгодным решением как для острова, так и для мира в целом. Но будет чудовищно, – предупреждал он, – если Америка поступит так, чтобы создать еще одну Южно-Американскую республику без обеспечения контроля над ней. Кроме того, – писал он, – Британия и Соединенные Штаты должны избежать конфликта. Пожалуйста, будьте миролюбивы и не втягивайте 4-й гусарский через Канаду в безумную и преступную стычку».

Кокрэн был весьма недоволен тем, что британское правительство задержало нескольких ирландцев по обвинению в хранении динамита. «У меня была возможность поговорить на эту тему с мистером Асквитом, – сообщал ему Черчилль, – и я сказал, что отпустил бы их из уважения к мнению ирландского народа». Черчилль произвел сильное впечатление на Кокрэна, который посоветовал ему заняться социологией и политэкономией. «С вашим замечательным талантом к ясному и убедительному изложению мыслей, – писал он, – вы можете принести огромную пользу. Совершенно уверен, что при первой возможности вы займете ведущее положение в общественной жизни».

В феврале Saturday Review опубликовал статью Черчилля о Кубе. Леди Рэндольф послала экземпляр Джозефу Чемберлену, который был поражен. По его мнению, это был «лучший краткий отчет о том, с какими проблемами вынуждены столкнуться испанцы, и при этом совпадающий с моими собственными заключениями. Это свидетельство того, что мистер Уинстон умеет смотреть в оба».

Летом 1896 г. Черчилль собрался в Египет с намерением служить при генерале Герберте Китченере, командовавшем кампанией по возвращению Судана. Когда этот план провалился, он поинтересовался в Daily Chronicle, не могут ли они отправить его специальным корреспондентом на Крит, где греки вели борьбу за независимость от турецкого правления. Он также попросил мать использовать свое влияние на военного министра лорда Лэнсдоуна, чтобы помочь ему уехать в Южную Африку и присоединиться к войскам, подавлявшим восстание аборигенов в Матабелеленде.

Лэнсдоун не только не смог помочь, но и предупредил леди Рэндольф «как друг», что в связи с расследованием обвинений, выдвинутых против Черчилля Truth, «не очень умно с его стороны в данный момент покидать Англию, поскольку есть много недоброжелателей, которые, вполне вероятно, попытаются искаженно истолковать его действия». Через месяц после письма Лэнсдоуна Черчилль все еще пытался получить разрешение отправиться в Матабелеленд. Его собственный полк должен был вскоре отправиться в Индию, а вот 9-й уланский в конце августа направлялся как раз в Матабелеленд. «Дорогая мама, ты даже не представля-

---

шера», или Акту от 1885 г. о поправках к уголовному кодексу, позволивших привлекать уличенных в гомосексуализме мужчин к уголовной ответственности (поправка отменена Актом о половых преступлениях 1967 г.).

есть, как бы мне хотелось через несколько дней отправиться за приключениями в места, в которых я могу набраться опыта и которые должны принести мне пользу, а не в скучную Индию, где я буду находиться вдали как от мирных удовольствий, так и военных рисков. Индия абсолютно не привлекает меня. Не поехать же в Матабелеленд значит упустить уникальную возможность. В этом случае я буду казаться себе ленивым и глупым, о чем буду сожалеть всю оставшуюся жизнь. За несколько месяцев в Матабелеленде можно заслужить Южно-африканскую медаль и, по всей вероятности, Звезду Британской южноафриканской компании. Оттуда прямая дорога в Египет, чтобы через год-другой вернуться с новыми наградами и выступить в палате общин. И Матабелеленд, и Египет вполне возможны при таком количестве твоих влиятельных друзей и всех тех, кто готов помочь мне ради отца, надо лишь с умом использовать их влияние. Меня бесполезно призывать к терпению. Многие мои ровесники уже ушли со старта, и какая вероятность, что я когда-нибудь догоню их? Я считаю, что ты должна пустить в ход все возможности, чтобы помочь мне. Могут пройти годы, прежде чем подвернется подобный шанс. Ты не можешь представить, насколько нетерпима мне такая жизнь, когда вокруг столько всего происходит».

Но с Матабелелендом так ничего и не вышло. 11 сентября разочарованный Черчилль в составе 4-го гусарского полка отправился в Индию. 1 октября они добрались до Бомбея. Через три дня были в лагере в Пуне. «У меня превосходный слуга-индиец, – сообщал он матери. – Он непрестанно за мной ухаживает, и у него очень хороший характер». Из Пуны Черчилль отправился в Бангалор, где оставался более шести месяцев. Город, расположенный на высоте девятисот метров над уровнем моря, славился здоровым климатом. Там Черчилль делил просторное бунгало с двумя приятелями – Реджинальдом Барнсом и Хьюго Берингом. Это бунгало, сообщал он матери, представляло собой «величественный бело-розовый дворец посреди большого прекрасного сада».

Помимо слуг, Черчилль, Барнс и Беринг обзавелись дворецким, в чьи обязанности входило прислуживать за столом, вести хозяйство и следить за конюшней, камердинером и конюхами для каждой лошади или пони. Еще молодые офицеры совместно наняли двух садовников, четырех людей для стирки и сторожа. В первом письме Черчилля матери содержалось также несколько просьб. Он хотел, чтобы мать прислала ему карточный стол, любых книг, его велосипед, десяток рубашек и различные приспособления для занятий энтомологией – коробки, пакетики, сачок, пачку булавок и морилку. Что касается «излишеств», то, по словам Черчилля, он не курит до вечера и пьет лимонный сквош или – изредка – пиво.

«Индия во всех смыслах полный контраст Соединенным Штатам, – писал Черчилль Джеку. – Исполнительные местные слуги вместо грубых свободных граждан; труд дешевый и в большом количестве. Жизнь крайне дешевая, а роскошь приобретается запросто. В моем собственном саду полно бабочек – пурпурных императоров, белых адмиралов, ласточкиных хвостов и множество других прекрасных и редких видов. Я смогу собрать отличную коллекцию без особого труда, и это очень увлекательно». Он советовал Джеку, который все еще учился в Харроу, «стараться приобрести побольше знаний. Жаль, что я мало занимался, – признавался он. – В жизни много радостей для тех, кто хорошо знает греческий и латынь. Впрочем, в школе можно изучить лишь не самые интересные стороны Античности – грамматику и про-содию».

Пока Черчилль был в Бангалоре, журнал Pall Mall Magazine опубликовал его статью о Сандхерсте. «Для тех, кто поступает в этот колледж непосредственно из Итона или Харроу, – писал он, – или из любой другой нашей частной школы, жизнь в Сандхерсте – освобождение. Это время развлечений и спорта, время больших надежд и верных друзей, множества удовольствий и мелких беспокойств, время амбиций и идеалов».

От бывшего директора школы доктора Уэлдона Черчилль получил совет: «У тебя нет причин не продолжить изучение латыни или даже греческого». Но Уэлдона беспокоило

не только образование Черчилля. «Прежде всего больше думай не о себе, а о других, будь готов учиться у тех, кто ниже тебя, и старайся, чтобы совесть пребывала в покое». Обвинения, которые продолжала печатать Truth, расстраивали Уэлдона. «Умоляю тебя, – писал он, – не позволяй, чтобы дух злобы заставил тебя совершить что-то, что может обесчестить твою школу или твоё имя. Просто невозможно, чтобы я не слышал об этих гадостях, если бы ты был действительно в них виновен. Ты должен понимать, что это серьёзное испытание нашей дружбы: ведь ты просишь меня относиться к тебе как к другу, в то время как другие говорят о тебе с возмущением или презрением».

Раздраженный враждебными статьями, которые продолжала публиковать Truth, Черчилль пишет матери: «Тяжело, когда ты далеко, в чужих землях, и не в состоянии ответить или даже сразу прочитать ложь, которую они печатают. Нападки будут продолжаться, а публика будет глотать их с жадностью. Прилагаю письмо мистера Уэлдона, которое имеет отношение к этому делу. Он, очевидно, общается с теми, – осмелюсь предположить, – достаточно многочисленными читателями, кто принимает всерьёз версию Лабушера».

Жизнь в Бангалоре шла неспешно. «Первый завтрак, – рассказывал Черчилль матери, – в пять, в шесть построение, затем второй завтрак, ванна. В восемь газеты, потом час занятий в манеже. После этого ничего, в 4:15 – поло. Затем сон, письма, чтение или ловля бабочек. Далее – ужин и в постель». Эту приятную жизнь отравила очередная статья Лабушера, который давал понять, что Военное министерство воздержалось от санкций против Черчилля исключительно благодаря оказанному на него давлению. «Молодой офицер, который, предположительно, был зачинщиком заговора по изгнанию мистера Брюса из 4-го гусарского полка, – писала Truth, – принадлежит к влиятельной семье, и это влияние было использовано, чтобы не допустить возбуждения дела». «Более злобных фантазий я ещё не встречал, – прокомментировал Черчилль. – А зная, чего стоит наше влияние, все это просто смешно».

Черчилль с детства шепелявил, произнося «с» скорее как «ш». Перед отъездом из Лондона он проконсультировался у Феликса Семона, одного из ведущих логопедов. Заключение Семона нашло его в Индии. «Он оптимистичен, – написал Черчилль матери, – и считает, что необходимы лишь упражнения и настойчивость, а органических дефектов не существует».

«Индия, – рассказывал он матери, – забытая богом земля снобов и зануд». Но в начале ноября, играя в поло в Секундарабаде, он познакомился с Памелой Плоуден, дочерью британца, постоянно проживавшего в Хайдарабаде. «Должен сказать, более прекрасной девушки я ещё не встречал, – признался он матери. – Мы собираемся вместе отправиться в Хайдарабад на слоне. Пешком здесь ходить нельзя, поскольку местные плюют в европейцев. Это провоцирует возмездие, которое приводит к бунтам».

Поездка на слоне положила начало дружбе на всю жизнь. Через пятьдесят пять лет Черчилль написал Памеле: «Я храню твой образ все эти годы, с тех пор, когда был молодым балбесом. Но нашёлся человек, разглядевший во мне некоторые достоинства».

В Бангалоре Черчилль получил статью, рассказывающую об административных способностях его отца. «Статья, – писал он матери, – сперва доставила мне удовольствие, сменившись к вечеру унынием и подавленностью». За неделю до этого он узнал о депутатской вакансии в Восточном Брэдфорде, где десять лет назад его отец произнес блестящую речь. «Если бы я был в Англии, – делился он с леди Рэндольф, – я бы поборолся за нее и почти наверняка победил бы. Вместо того чтобы жить никому не известным субалтерном, я получил бы возможность узнать много полезного, что пригодится в будущем. Но я обречён ждать, хотя не скрою, жизнь здесь скучная, тупая и неинтересная».

Политическая жизнь в Англии занимала все мысли Черчилля. «Как жаль, что я не могу оказаться в Восточном Брэдфорде, – сетует он в письме к матери. – Ведь как я понимаю, победил солдат». Действительно, военнотрудовой-юнионист победил своего оппонента-либерала

с перевесом менее чем в четыреста голосов. Позже Черчилль вспоминал: «Если бы я приехал в Индию как член парламента, то, несмотря на всю свою молодость и глупость, получил бы доступ ко всем информированным и способным людям. Но я был военным, и мои интеллектуальные запросы были ограничены поло, скачками и обязанностями дежурного офицера. Я прозябал. Помню, даже чтение давалось с трудом, я долго не мог осилить Гиббона». В письме матери из Бангалора он опять прогнозирует, что власть юнионистской партии пошатнется, когда землевладельцы (самая влиятельная часть Консервативной партии) вынудят Солсбери поднять вопрос о протекции. Юнионисты будут вынуждены сказать своим партнерам-консерваторам, что они не могут вести партию «в страну Протекции».

Черчилль предрекал, что раскол в коалиции консерваторов и юнионистов приведет к созданию новой партии во главе с Джозефом Чемберленом и лордом Солсбери. Оба, как он предчувствовал, станут лидерами демократии тори. Крайности будут отброшены, а остатки Консервативной партии – «лорды, собственники, трактирщики, священники и дураки» – утратят силу. Когда семь лет спустя раскол произошел, Черчилль быстро стал лидером сторонников свободной торговли в рядах консерваторов. Он даже пытался убедить лорда Розбери вернуться к активной политической деятельности в качестве главы партии, но тщетно. Что касается Чемберлена, тот не только не возглавил сторонников свободы торговли, как предполагал Черчилль, но стал их главным оппонентом, поддержав протекционистов.

Очередная публикация в Truth сильно раздосадовала Черчилля. Вспоминая соревнования по стипль-чезу, автор статьи бездоказательно утверждал, что Черчилль и еще четыре младших офицера сговорились нечестно заработать деньги на «Терфе»⁹. Черчилль тут же напомнил матери: «Национальный комитет охотников давно уже направил письменное заявление в Военное министерство, однозначно сняв с нас все обвинения в мошенничестве или бесчестном поведении. Если этим непрекращающимся обвинениям не дать отпор, это будет катастрофой для моей будущей политической жизни». Он хотел подать судебный иск. «Возможно, я стану более уязвимым, – пояснял он матери, – из-за того, что способствовал изгнанию Брюса, но вопрос скачек гораздо серьезнее. Пока не будет какого-то опровержения, я буду выглядеть весьма неприглядно».

30 ноября Черчиллю исполнилось двадцать два года. Поучаствовать в активных действиях ему по-прежнему не удавалось, и он упрашивал мать хлопотать о его отправке в Египет, в армию Китченера. Перед леди Рэндольф была поставлена задача написать непосредственно Китченеру. «Я слышал, что решено продолжить наступление в следующем году. Два года в Египте, – пояснял Черчилль матери, – и участие в боевых действиях, думаю, дадут мне возможность перековать мой меч в нож для резки бумаг, а походный ранец превратить в предвыборные обращения».

Брату Джеку из Бангалора он писал о своих розах. «У меня уже 250 розовых кустов, так что каждое утро я могу нарезать три больших таза самых прекрасных цветов, которые есть в природе». Но ценную коллекцию бабочек, включавшую свыше 65 различных видов, уничтожила пробравшаяся в кабинет крыса. Черчиллю удалось поймать ее и отдать на растерзание терьеру Уинстону, коллекцию он начал собирать заново.

Черчилль выступал против растущих военных расходов правительства, что было довольно необычно для молодого офицера, рвущегося в бой. По поводу предложения Лэнсдоуна увеличить расходы на армию он написал матери, что налоговое бремя не преминет сказаться на процветании и благополучии нации. По убеждению Черчилля, Британии нужен был флот – достаточно сильный, чтобы обеспечивать превосходство над коалицией любых двух

⁹ «Терф» – лондонский аристократический клуб завсегдатаев скачек.

держав. Вот ради этого он поддержал бы увеличение налогов. Имея неоспоримое владычество на море, полагал он, нет ни единой части Британской империи, которую не смогла бы защитить нынешняя армия, но без владычества на море нет такой части, которую могла бы удерживать и вдвое большая армия.

В декабре Черчилль отправился в пятидневную поездку в Калькутту, чтобы поиграть в поло. «Я встречу со многими приятными людьми, – написал он матери, – и кое-кто из них может оказаться полезным». Но, оказавшись в Калькутте, он не нашел там ни одного мало-мальски интересного человека. Был устроен прием в вице-королевской резиденции, но, «как ты знаешь, я не блистаю на паркетe, – рассказывал он леди Рэндольф, – и на него не пошел. Каждый раз, встречая британцев, постоянно проживающих в Индии, я жажду бежать из страны. Только в моем уютном бунгало, среди роз, пони и бабочек я ощущаю философское спокойствие, которое скрашивает мне жизнь в Индии. В Калькутте резко холодает после заката, и я простудился. Но был рад посмотреть город по той же причине, по которой папа был рад посмотреть Лиссабон, а именно – чтобы не нужно было смотреть на него еще раз».

Джек подумывал о поступлении в университет. «Завидую, что ты получишь классическое образование, – писал ему Черчилль, – и возможность оценить Античность». Сам он продолжал читать непрерывно. Леди Рэндольф прислала ему двенадцатитомник сочинений Т. Маколея. От Гиббона его отвлекли Платон своей «Республикой» и Уильям Уинвуд Рид «Мученичеством человека». «Если бы я знал латынь и греческий, – писал он матери, – думаю, ушел бы из армии и попробовал получить ученую степень по истории, философии и экономике. Но я больше не выдержу синтаксического разбора латинской прозы».

Уинвуд Рид в своей книге утверждал, что мир разума не будет нуждаться в христианстве. «Возможно, настанет день, – комментировал Черчилль, – когда холодный яркий свет науки и разума пробьется сквозь окна соборов, и мы пойдем в поля искать себе Бога. Станут понятны великие законы Природы, прояснятся и наше предназначение, и наше прошлое. Тогда мы сможем обходиться без религиозных игрушек, которые сопровождали развитие человечества. Но до тех пор любой, решивший лишить нас наших иллюзий – наших милых, обнадеживающих иллюзий, – злодей, и должен быть (цитирую Платона) «отвергнут хором».

В феврале 1897 г. Черчилль был назначен начальником разведотдела штаба бригады. «Самая важная должность, – пояснял он матери, – причем в Англии ее можно получить только после четырнадцати-пятнадцати лет службы. Я стал очень образцовым военным, полным усердия и пр. Ответственность даже в гомеопатических дозах – бодрящий напиток. Командир полка советуется со мной почти по всем вопросам. Хотя все это, конечно, мелко, но зато прекрасная тренировка». Он находился в армии уже два года. Матери он написал: «Уверен в одном: если не подвернется удачная возможность занять место в палате общин, я продолжу службу в армии еще два года». В его библиотеке появились «Конституционная история» Г. Галлама и «Богатство народов» Адама Смита.

В феврале греки острова Крит подняли восстание против турецкого владычества. Британия поддержала Турцию. Правительство лорда Солсбери направило британский военный флот в Средиземноморье, чтобы препятствовать поступлению помощи на Крит из Греции. Симпатии Черчилля были на стороне критских повстанцев, так же, как годом ранее – на стороне кубинцев. Когда мать заметила ему, что поддерживать турецкие власти правильно, он ответил: «Мы совершаем очень безнравственный поступок, ведя огонь по критским повстанцам и блокируя Грецию, чтобы она не могла оказать им помощь». Он признавал, что материальный интерес Британии, скорее, на другой стороне, но полагал, что есть нечто большее материального. «Я смотрю на этот вопрос с позиции справедливости, – писал он. – Лорд Солсбери – с позиции выгоды».

Реальной целью Солсбери, как объяснял Черчилль матери, было сохранение Османской империи, чтобы не дать возможности России захватить Константинополь. «Он хочет сохранить Османскую империю. Ему наплевать на страдания тех, кто находится под ее гнетом. Что касается турецкой столицы, то с той же уверенностью, с какой мы после дня ожидаем ночи, можно ждать, что русские получают Константинополь. При всем желании нам их не остановить. Также невозможно ожидать, что что-то помешает изгнанию из Европы подлых азиатов. Стремление русских в Константинополь – просто желание великого народа. Семьдесят миллионов человек без незамерзающего порта. Разве это разумно? Я бы предпочел столкнуться с лавиной». Впрочем, присутствие России на Крите тревожило Черчилля: «Я ей не доверяю. Какая-то неправдоподобная честность. Она не может действовать искренне. Я никогда в это не поверю».

Черчилль писал матери, что если бы он был в парламенте, он пошел бы на все, чтобы противодействовать правительству Солсбери. «Я, по существу, либерал, – заявлял он. – Если бы не гомруль, с которым я никогда не соглашусь, я бы пошел в парламент как либерал». Затем он обрисовал матери суть либеральной программы в отношении внутренней политики: распространение права участвовать в выборах на всех взрослых мужчин, всеобщее образование, равноправие всех религий и прогрессивный подоходный налог. В международных делах он выступал за невмешательство в европейские дела. «Абсолютное невмешательство, изоляция, если угодно, – говорил Черчилль. – Защита колоний могущественным флотом. Создание системы обороны империи. К востоку от Суэца, впрочем, демократическое правление невозможно. Индией требуется управлять по старым принципам. Это кредо демократии тори. Мир и власть за границей, процветание и прогресс дома».

Черчилль решил взять месяц отпуска и съездить в Англию, хотя был поражен реакцией матери. «Это полный бред, – писала она, – который даже не обсуждается, и не только из-за денег, но прежде всего из-за твоей репутации. Многие скажут, и небезосновательно, что тебя ни к чему нельзя допускать. Вполне вероятно, что тебя могут призвать в Египет. Но у тебя и в Индии есть чем заниматься. Должна признать, я совершенно не уверена в тебе. Кажется, у тебя в жизни нет цели, и ты не понимаешь, что для мужчины в возрасте двадцати двух лет жизнь означает труд, причем труд упорный, если он хочет добиться успеха. Многие мужчины в твоём возрасте вынуждены зарабатывать себе на жизнь и содержать матерей. Нет смысла говорить об этом больше, мы уже беседовали на эту тему, и она мне неприятна. Я только хочу повторить, что больше не могу помогать тебе, и если в тебе есть хоть капелька мужества и ты себя уважаешь, то постарайся жить на собственные доходы. Для этого тебе придется сократить свои траты. Иначе в данных обстоятельствах тебе просто должно быть совестно». Не получив еще этой отповеди, Черчилль писал матери: «Пока, как мне кажется, ко мне благосклонны и Бог, и люди».

Получив от леди Рэндольф новые книги, Черчилль начал читать «Ежегодники мировых событий» (Annual Register of World Events), начиная с 1880-х гг. Читая, он сопровождал отчеты о парламентских слушаниях собственными мыслями и комментариями. Он сообщил матери, что придумал для этого особый метод: сначала записывать собственное мнение, исходя исключительно из общих соображений, затем читать отчет, обдумывать и записывать снова свое мнение по данной теме, карандашом на небольших листочках бумаги, и вкладывать листочки в книгу. Он писал, что «надеется таким образом выстроить систему взглядов, которая, возможно, будет способствовать формированию логического и последовательного мышления. Факты из «Ежегодника» вооружают меня. Маколей, Гиббон, Платон и прочие должны были долго тренироваться, чтобы в совершенстве овладеть подобным оружием».

Одной из тем, которые его занимали, стало образование. Черчилль писал: «Целью правительства должно стать равное всеобщее образование без преимущества для какой-либо одной группы. Преподавание религии тоже нельзя вверять в руки какой-либо одной группы. Все пристрастны. Англиканская церковь равна другим. Я за светских преподавателей, назначаемых

правительством. Однако кампания за предоставление права голоса женщинам нелепа. Участия женщин в выборах следует избегать. Как только вы предоставите право голоса огромному числу женщин, – предупреждал он, – вся власть перейдет в их руки. Ведь они составляют большинство населения».

В ответ на финансовые проблемы матери, возникшие в результате ее собственного расточительства, Черчилль отправил ей ее коня Файерфлая в надежде, что она сможет продать его. «Чудесное животное, – написал он. – Больше всего любит хлеб с маслом или бисквиты». Но леди Рэндольф по-прежнему была против возвращения сына. Она считала, ему лучше остаться в Индии. «Докажи, что ты умеешь трудиться и что-нибудь делать. Я не отказываюсь помогать тебе. Как только появятся деньги, я так и сделаю. Я горжусь тобой, – писала она, – твоими замечательными способностями. Уверена, что в дальнейшем ты сможешь создать себе имя, но для этого ты должен стать жестче и не избегать самопожертвования».

Черчилль остался в Индии. Этой весной во время учебных стрельб он отвечал за установку мишеней и сидел за валом. Он написал матери, что едва спасся, когда «одна пуля ударила в край железной мишени, разбилась, и осколки срикошетили на меня. Один попал мне в руку. Только благодаря богу, как сказали бы некоторые, или счастливой случайности, как выразились бы другие, он не попал мне в глаз. В таком случае я бы, безусловно, ослеп. Врач вынул осколок, но теперь каждое утро у меня мучения, поскольку рану приходится спринцевать. Не сомневаюсь, ты мне сочувствуешь, зная, как плохо я переношу физическую боль». Однако при этом Черчилль продолжал играть в поло, обматывая раненую руку поводьями.

В середине апреля Турция объявила войну Греции. У Черчилля появилась новая цель: он поедет на фронт корреспондентом. Мать должна найти газету, которую заинтересуют его корреспонденции. «Лорд Ротшильд – тот человек, который способен это организовать, – объяснял он ей. – Он всех знает». Но вопрос был в том, на чью сторону стать. «Это, дорогая мамочка, зависит от тебя, – писал он. – Конечно, мои симпатии целиком и полностью с греками, но, с другой стороны, турки обязаны победить – за ними огромная сила. Если я поеду к ним, это принесет меньше славы, но будет намного безопаснее, а поскольку я не имею ни малейшего желания подвергаться опасности в отступающей армии, считаю этот вариант более подходящим. Тебе решать. Если ты разбудишь мне рекомендательные письма к туркам, поеду к туркам. Если к грекам – то к грекам».

Не дожидаясь ответа матери, Черчилль пароходом отправился из Бомбея в Италию, рассчитывая, что к его прибытию мать уже все организует. Он полагал, что война будет короткой и решительной. Велика была вероятность опоздать. И он действительно опоздал. Турки нанесли поражение грекам прежде, чем его корабль достиг Италии. Черчилль продолжил путешествие в Лондон. В центральном комитете Консервативной партии он обратился к партийным функционерам с просьбой организовать для него во время отпуска несколько публичных выступлений. Это им удалось, и 26 июня он произнес свою первую политическую речь в Лиге подснежника на окраине города Бат. Лигу основал его отец с целью увековечить память Дизраэли и принципы демократии тори.

«Если простительно любому выступающему, – комментировала местная газета выступление Черчилля, – начать с банального и испытанного приема «я не привык к публичным выступлениям», то в его случае это тем более простительно, поскольку честь, которую ему оказали, действительно первая для него». Черчилль начал с защиты правительственного билля о компенсациях рабочим, нацеленного на защиту от нищеты работников опасных профессий в случае получения травм на производстве. «Билль, – сказал он, – поставил вопрос благотворительности с песка на твердую скалу закона».

Двадцатидвухлетнего оратора представили публике как сына лорда Рэндольфа. В своей речи он горячо поддержал демократию тори. «Британский рабочий, – сказал он, – имеет больше оснований надеяться на волну демократии тори, чем на пересохшую сточную канаву

радикализма». Он выразил надежду, что трудящиеся в конце концов станут владельцами акций в том бизнесе, в котором работают, что даст им возможность пережить неудачи, поскольку они получают определенную прибыль в удачный год.

Обращаясь к делам империи, Черчилль заговорил о тех, кто даже в юбилейный 1897 г. заявлял, что Британия достигла зенита славы и могущества и вскоре начнет приходить в упадок, подобно Вавилону, Карфагену или Риму. «Не верьте лжепророкам! – восклицал он. – Опровергните их мрачные предсказания! Докажите на деле, что наша нация полна сил и жизненной энергии, что англичане твердо намерены сохранить империю, унаследованную от отцов, что британский флаг все так же гордо реет над нашими кораблями, что к нам по-прежнему прислушиваются европейские соседи, а наш монарх искренне любим всеми своими подданными. Только тогда мы сможем продолжать следовать тем курсом, который предначертан нам свыше, и выполнить свою миссию – нести мир, законность и порядок в самые удаленные уголки Земли».

«Мое выступление приняли очень хорошо, – написал Черчилль брату. – Morning Post поместила очень доброжелательный отчет, и все, похоже, довольны». Из Бата он отправился в Гудвуд, на скачки. «Я был в Гудвуде, – вспоминал он позже, – в прекрасную погоду и даже выигрывал, а в это самое время на индийской границе началось восстание пуштунских племен». В газетах он прочитал, что для подавления восстания формируется ударная группировка из трех бригад. Ее должен был возглавить генерал сэр Биндон Блад. Черчилль встречался с ним в доме своей тетушки герцогини Лили, и генерал тогда пообещал, что, если ему доведется руководить экспедицией, он возьмет с собой Черчилля. Черчилль немедленно телеграфировал генералу, напомнив о его обещании. Затем, не дождавшись ответа, отправился из Лондона поездом в Бриндизи, где сел на индийский почтовый пароход «Рим». Когда корабль подходил к Адену, он отправил письмо матери с просьбой выслать клюшки для поло, а также сборники речей Гладстона и Дизраэли.

Через три недели после выступления в Бате Черчилль вернулся в Бангалор. «Мою речь здесь высоко оценили, – сообщил он матери. – Все читают Morning Post. Сделай еще одно одолжение. Прости мое тщеславие, но присылай одобрительные отзывы обо мне». Еще в Англии он рассказал ей сюжет романа, который собрался писать. «Я пишу роман каждый день, – сообщал он из Бангалора 24 августа. – Без сомнения, это самое лучшее, чем я когда-либо занимался. Написано уже восемьдесят страниц. Это политический роман, действие которого происходит в вымышленной республике. Я возлагаю на него большие надежды. В уста героя я вкладываю все свои мысли». Письмо Черчилля матери пересеклось с письмом сэра Биндона Блада, в котором тот говорил, что его личный штат уже укомплектован. Он советовал Черчиллю отправиться корреспондентом на северо-западную границу и обещал: «Когда ты приедешь, я при первой возможности возьму тебя в штат». Генерал пояснил, что один из друзей Черчилля уже так сделал, и был зачислен в штат вместо убитого в бою офицера.

Черчилль снова телеграфировал матери, прося ее найти в Брайтоне газету, которая согласилась бы сделать его своим корреспондентом. Затем он с огромным трудом выхлопотал месячный отпуск, отложил роман, попросил мать выслать первый том избранных писем Гиббона и приготовился к пятидневному путешествию на Север со своими лошадьми. При невозможности проехать на поезде он предполагал добраться до мест боевых действий верхом. «Я все предусмотрел, – сообщил он матери перед началом путешествия протяженностью более трех тысяч километров, – и чувствую, что служба в британской армии в молодые годы придаст мне политический вес, а возможно, и поможет обрести популярность».

Письмо было написано вечером 29 августа. На следующий день командир Черчилля в Бангалоре написал леди Рэндольф: «Я думаю, вам важно будет узнать, что ваш сын вчера вечером отправился на границу».

Глава 5

В боях

Черчилль направлялся в места жестоких боев. «Почти все дикие воинственные афганские племена участвуют в восстании, – писал он брату 31 августа 1897 г. из поезда. – Против них направлено свыше 50 000 британских и индийских солдат. Британское правительство не может проявлять сдержанность, если необходимо восстановить справедливость. Это будет возмездие. Мы атакуем афридиев, оракзаев и прочих, кто осмелился нарушить рах Britannica¹⁰».

В районе Бангалора менее пятисот британских военнослужащих охраняли территорию с населением более 12 миллионов индийцев, большинство из которых были мусульмане, сочувствующие афридиям. Отправившись в поездку по Индии на расстояние, почти равное расстоянию между Англией и Америкой, Черчилль рассказывал брату: «Можно гордиться тем, что англичане правят такой огромной, плодородной, густонаселенной страной. Еще большая гордость возникает при мысли о том, насколько сильно это правление при таком малом количестве правителей».

В первую неделю сентября Черчилль добрался до Малаканда на северо-западной границе. Здесь он узнал, что мать уговорила влиятельную Daily Telegraph публиковать его письма с войны. Ей надо было решить, публиковать их за его подписью или нет. «Я, конечно, за то, чтобы подписывать, – писал ей Черчилль. – В противном случае я не смогу сослаться на них, а это помогло бы мне при выступлениях перед публикой».

Черчилль также уговорил Allahabad Pioneer, для которой однажды писал Киплинг, разрешить ему присылать с фронта каждый день телеграммы по триста слов. Этот заказ дал ему возможность прибыть в штаб-квартиру сэра Биндона Блада. «Что касается военных действий, – сообщал он матери 5 сентября, – то мы выдвигаемся завтра. До конца недели должно произойти сражение, крупнейшее на границе в этом году. Я верю в свою звезду и в то, что мне предназначено что-то совершить в этом мире. Если я ошибаюсь – какая разница? Жизнь доставляла мне удовольствие, и будет жалко с ней расстаться, но я этого, наверное, не успею почувствовать».

Ожидая начала боев, Черчилль отправил в Daily Telegraph первые девять корреспонденций, описывающих ситуацию на границе. Они были опубликованы без указания его имени, просто от «молодого офицера». О противостоянии на северо-западной границе он писал 12 сентября: «Цивилизация столкнулась лицом к лицу с воинствующим мусульманством. Учитывая моральные и материальные силы, можно не опасаться за окончательный итог, но чем дольше будет применяться политика полумер, тем больше будет отдаляться окончание борьбы».

Черчилль ехал верхом через Мамундскую долину к Навагаю. Стремясь успеть к началу военных действий, он ехал один впереди кавалерийского эскадрона, и, как писал он матери, «столкнулся примерно с полусотней вооруженных туземцев. К счастью, они оказались дружелюбными и были весьма изумлены тем, как я на бешеной скорости проскакал мимо них с пистолетом в руке. Откуда мне было это знать? Я был так близко от них, что не оставалось ничего другого, кроме как спастись бегством».

Без дальнейших осложнений добравшись до Навагая, Черчилль написал Реджи Барнсу: «Мусульман надо проучить, чтобы никто не сомневался, что мы – очень жестокие люди. Своих

---

¹⁰ Британский мир (*лат.*) – период доминирования Британской империи на море и в международных отношениях начиная с битвы при Ватерлоо 1815 г. и заканчивая Первой мировой войной.

раненых сикхи просто кремируют и сжигают заживо. Это скрывается. Я чувствую себя стервятником. Единственное оправдание – что сам могу стать падалью».

Через день Черчилль по распоряжению генерала Блада был прикомандирован ко второй бригаде Малакандской действующей армии, которая уже получила приказ к выступлению. Журналист снова стал действующим офицером. 16 сентября, на следующий день, он увидел сражение, о котором мечтал. Оно произошло около приграничной деревни Маркханай. В половине седьмого утра он в составе бригады из 1300 всадников двинулся вперед и тогда, как писал он потом матери, «услышал первые выстрелы. После часовой перестрелки я ехал на своем пони вдоль отрога холма вместе с солдатами 35-го сикхского пехотного полка до тех пор, пока огонь не стал таким плотным, что мой пони оказался в опасности. Дальше двинулся пешком. Затем поступил приказ отступить. Я оставался до последнего. Отступление проходило по кошмарной местности, раненых приходилось оставлять на растерзание этим дикарям».

Два британских офицера, находившиеся рядом с Черчиллем, лейтенанты Касселс и Хьюз, были ранены. Один афридий решил подобраться к Хьюзу, чтобы зарезать его. Черчилль выстрелил в него с расстояния около 30 метров. Тот упал. Тем не менее Хьюз погиб, но Касселс выжил. С помощью другого офицера Черчилль вынес одного раненого сикха к отступающим частям. «Этого человека можно было спасти, если бы ему оказали медицинскую помощь, – сообщил он матери. – На моих штанах до сих пор пятна его крови».

Афридии подошли на сорок метров. Черчилль и другой молодой офицер выстрелили из пистолетов, афридии стали забрасывать их камнями. Они снова открыли огонь. «Это было ужасно, – писал он. – Раненому невозможно было оказать помощь. Не было никакого возбуждения и почти не было страха. Все возбуждение куда-то испаряется, когда тебе грозит смерть». Черчилль почти час находился в опасности, поскольку афридии неоднократно возобновляли атаки. «Ситуация была критической, – сообщал он бабушке. – Мне пришлось, защищаясь, девять раз выстрелить из пистолета». В какой-то момент он сменил пистолет на винтовку, выпавшую из рук раненого и, как рассказывал потом Реджи Барнсу, «выстрелил раз сорок с близкого расстояния. Трудно сказать, но, кажется, я попал в четверых. По крайней мере, они упали».

Сражение закончилось. Перестрелка утихла. Черчилль сообщал матери: «После того, что пришлось пережить, перестрелка меня больше не волнует, хотя молодые офицеры полка очень радовались, когда пули свистели мимо них или взрывали фонтаны пыли под ногами. Они считали, что избежали страшной опасности». Черчилль рассказывал лорду Уильяму Бересфорду: «В целом денек выдался весьма бурным. Я находился под огнем с 7:30 до 8:30 утра».

Вспоминая через три дня об этом сражении, в котором погибли пятьдесят из 1300 британских и сикхских солдат, Черчилль написал матери, что теперь его никто не упрекнет в отсутствии храбрости. «Я ездил на пони вдоль линии огня, в то время как все остальные лежали в укрытии. Может, это и глупо, но я играю по-крупному. Учитывая специфику происходящего, здесь не может быть поступков слишком смелых или слишком благородных». Во время спуска с холма пони и его седока заметил британский командир 35-го сикхского полка, который в рапорте рекомендовал упомянуть Черчилля. Командир бригады поддержал его, и спустя четыре месяца Черчилль получил от него письмо: «Вы были в нескольких горячих точках с моей бригадой, и, должен сказать, вам нескоро придется оказаться в подобной жаркой схватке».

После сражения сэр Биндон Блад назначил Черчилля своим ординарцем. «В результате, – рассказывал Черчилль в письме к матери, – я получу медаль и, возможно, парочку планок». В течение недели он еще два раза принимал участие в боевых действиях – сначала в Домадоле, а потом у деревни Загай, где он снова скакал на пони вдоль передовой. Затем он подал про-

шение о назначении в другую экспедицию, в Тиру. Это могло добавить ему еще одну планку к медали.

«Пришлось пережить несколько опасных часов, – писал Черчилль леди Рэндольф 27 сентября, – но я верю, что удача не оставит меня». Через три дня 31-й Пенджабский пехотный полк в очередном столкновении понес тяжелые потери. Биндон Блад направил Черчилля в полк, чтобы заменить погибших офицеров. «Я послал его, – объяснял он полковнику Брабазону, – поскольку он был единственным свободным офицером, а по эффективности стоит двух обычных субалтернов».

30 сентября 31-й Пенджабский полк вступил в сражение при Агре, где потерял шестьдесят человек убитыми и ранеными. «К моему глубокому разочарованию, – рассказывал Черчилль, – я видел, как британская пехота бежит и бросает на поле боя своего офицера, но с большого расстояния я не мог разглядеть, кого именно. Таким образом за короткое время я увидел и черные, и белые стороны отступления». Позже он расскажет матери: «Я плакал, когда 30 сентября встретил солдат Королевского западного кентского полка. Я видел людей, дрожавших под огнем, уставших от этой смертельной игры, и беднягу молодого Браун-Клейтона на носилках, буквально собранного по кускам». Лейтенант Браун-Клейтон в момент гибели был на год старше Черчилля.

Вскоре после событий в Агре Черчилль написал матери, что провел под огнем пять часов, но не попал в самые горячие точки. И только позже он сообщил ей, что в третий раз скакал на своем пони вдоль линии фронта. В следующей схватке он надеялся командовать сотней. Тогда у него появился бы другой стимул рисковать, помимо простой любви к приключениям.

Черчилль написал это письмо 2 октября в штабе генерала Блада, находившемся у деревни Инаят-Кила. У него был жар. «Тридцать девять и пять и кошмарная голова, – сообщил он матери и признался: – Эта война беспощадна. Они убивают и уродуют каждого, кого удастся поймать, да и мы, не колеблясь, добиваем их раненых. За то время, пока я здесь, мне довелось быть свидетелем нескольких отвратительных эпизодов, но, поверь, я не замарал рук никакой грязной работой, хотя и признаю иногда необходимость ее».

Черчилль очень хотел узнать мнение брата о его выступлении в Бате. «Напиши мне откровенно свое мнение, если оно у тебя хорошее. Мне не нужна недоброжелательная критика. Критика теряет ценность для критикуемого, если она враждебна. И еще – дождись появления моего романа!»

В последующие дни Черчилль еще несколько раз оказывался под огнем. «Если у него появится шанс, – писал сэр Биндон Блад полковнику Брабазону, – он получит Крест Виктории или орден «За боевые заслуги». Брабазон ответил: «Уверен, у этого мальчика есть хватка». За прошедшие четыре недели Черчилль был под огнем пятнадцать раз. Он думал написать книгу о Малакандской армии, в которой соединил бы описание боевых действий с комментариями и критикой политики правительства. «Я знаю материал, людей, и в моем распоряжении много фактов, – сообщал он матери. – Я заслужил медаль и планку. Блад говорит, что ни один из ста офицеров не видел столько сражений, как я. И учти – не на расстоянии из штаба, но будучи последним из отступающих».

Описывая бабушке боевые действия, Черчилль рассказывал: «Туземцы пытаются раненых и расчленивают трупы. Ни один из тех, кто попадает к ним в руки, не возвращается». Полевые госпитали и конвои с ранеными были специальной целью туземцев. В ответ британцы не только уничтожали их резервуары с водой, единственный источник питья для приграничных племен в летнее время, но и применяли новые пули «дум-дум». «Мощность этих пуль просто потрясает, – писал Черчилль. – Уверен, такие пули еще никогда не использовались против людей, только против дичи – оленей, тигров и пр. Картина просто страшная, и, разумеется, не такая, о которой захотят упоминать в прессе. Можно согласиться, что все это варварство, но зато это

приведет к установлению прочного мирного соглашения. Впрочем, сомневаюсь, что сделано хоть что-нибудь, чего не придется переделывать в будущем».

Черчилль позже признался Бересфорду, что в свой последний день на пограничных территориях был ближе к смерти, чем когда-либо, «из-за субалтерна, который забыл, что его пистолет заряжен. Вот это была бы насмешка судьбы».

В третью неделю октября Черчилль получил приказ возвращаться в Бангалор. «Время, проведенное на границе, – позже писал он, – было самым замечательным, восхитительным временем в моей жизни. Но я всегда держал в уме, что она может внезапно оборваться. Я видел много убитых и раненых, слышал свист пуль так часто, что, если бы мог сосчитать их, никто бы не поверил. Впрочем, ни одна не пролетала ближе чем в футе от меня. Фортуна неизменно мне улыбалась». Помимо награждения медалью за участие в боевых действиях, в донесениях упоминались его «мужество и решительность» и умение «быть полезным в решающие моменты».

Черчилль очень гордился, что его имя упоминалось в донесениях. «Больше всего на свете мне желанна репутация мужественного человека, – признавался он матери. – Чтобы заслужить подобную честь, чувствую, что готов на все, готов проявить себя в любой опасной ситуации. Но у меня нет опыта военного руководства, и я не могу ожидать оказания какой-то особой чести за то, что, в конце концов, является обычным поведением философа и джентльмена». То же самое он пишет и брату: «Многokrатно проявляя себя трусом, особенно в школе, нет иной цели, к которой бы я так стремился, как к завоеванию репутации мужественного человека. А кто знает, возможно, на моего доброго серого пони и упадет взгляд спикера».

Теперь Черчилль ждал публикации своих писем в Daily Telegraph. В них он не только описывал боевые действия, но и высказывал взгляды по поводу недальновидной политики правительства, предоставлявшего местным племенам контроль над буферной зоной между Британской Индией и Афганистаном. «Эта буферная зона, – утверждал он, – должна быть как можно скорее аннексирована. Тогда набеги прекратятся. Аннексия – неприятное слово, но британское общество в конечном счете вынуждено будет его проглотить, и чем скорее оно это сделает, тем скорее ситуация начнет улучшаться. Британия, возможно, будет вынуждена оккупировать даже Афганистан вплоть до российской границы. Самая безопасная граница – политическая. Красно-желтые столбы через каждые пятьдесят метров и сторожевые вышки, как между Австрией и Россией. Никто не сомневается, что пересечь эту границу – значит начать войну. Создание же буферного государства – лишь временная мера и ведет только к большим проблемам».

К досаде Черчилля, письма, которые публиковала Daily Telegraph, продолжали появляться без его подписи. «Я писал их с умыслом, – сообщал он матери. – Умысел заключался в том, чтобы их публикация познакомила публику с моей личностью до того, как начнется предвыборная кампания. Я надеялся их публикацией приобрести некоторое политическое преимущество». Активно стремясь помочь сыну войти в политику, леди Рэндольф делала все, чтобы максимальное число влиятельных людей узнали, кто автор этих писем. Но его это не утешало. «Конечно, я ценю мнение твоих лондонских друзей, – написал он, – но этот узкий круг не та аудитория, к которой я был намерен обратиться».

В Бангалоре Черчилль упускал возможности заняться политикой. «Я знаю, что в Ланкашире была вакансия, которая бы мне подошла, – пожаловался он матери в октябре. – Там бы я был на своем месте». В тот же день он пишет бабушке: «Если останусь жив, буду баллотироваться в парламент на всеобщих выборах. Надеюсь, мое пребывание за границей не растянется навсегда». Но был еще один театр военных действий, на который он очень хотел попасть. «Теперь я должен ехать в Египет, – внушал он матери. – Тебе надо что-то придумать, чтобы побудить принца написать Китченеру пару слов насчет меня. Я не хочу терять времени попу-

сту, не выношу бездействия или рутины. Даже поло больше не удовлетворяет меня». Целью Черчилля стал Хартум. Он хотел войти в столицу дервишей вместе с ее завоевателями.

Из Бангалора Черчилль отправил матери статью о риторике, в которой утверждал, что настоящая риторика – «ключ к сердцам мужчин». Он просил пристроить ее куда-нибудь. «Она создаст мне врагов, – написал он, – но враги неизбежны в любом случае». Вместе с тем он хотел присутствовать везде, где происходили активные боевые действия. «Хорошо, если бы ты помогала направлять меня в нужные мне места, – писал он матери и объяснял, что хотел бы отправиться в Абиссинию с британской миссией. – Это было бы то, что надо». Но из этого ничего не вышло. «Джозеф Чемберлен мог бы устроить это одним словом, – упрекал он мать. – Я чувствую большую уверенность в себе и не сомневаюсь, что способен что-то сделать в мире, если не подведет здоровье».

В Бангалоре Черчилль продолжал работать над романом. К началу ноября он написал девять глав. Но через несколько недель роман был отложен ради книги о Малакандской армии. Он поручил матери присылать ему опубликованные в Англии материалы, а также мнения известных деятелей о политических аспектах кампании. Он напомнил ей, что два года назад полковник Янгхазбенд заработал большие деньги на книге о Читралской кампании. «Не вижу, – писал он, – почему бы не рассказать столь же интересно о гораздо более суровой войне, которую вели мы. Я уже обратился ко всем осведомленным людям, с которыми встречался на границе, с просьбой поделиться информацией. Не сомневаюсь, с обратной почтой получу целые тома. Такова скромность нашего времени. Мало кто может рассказать больше, чем очевидец. Разумеется, я буду выбирать».

Черчилль работал над книгой по шесть часов в день. «На среднем пальце уже образовалась вмятина. Все дается с большим трудом и требует постоянной отделки, – писал он. – Надеюсь создать нечто лучшее, чем продукция для вокзального книжного киоска». Джеку он писал о своей любви к книгам по истории: «Хорошее знание истории – колчан, полный стрел в любой ситуации». Хорошее знание французского, считал он, тоже может сослужить добрую службу в жизни. Уйдя из армии, он рассчитывал на несколько месяцев съездить в Париж подтянуть свой французский. Он надеялся, что и Джеку доведется попутешествовать и увидеть кое-что в «нашей великой империи, сохранению которой я намерен посвятить свою жизнь».

К двадцати трем годам Черчилль уже всерьез намеревался стать членом палаты общин. Он решил, что, если в округе Паддингтон, когда-то отцовском, появится вакансия, он сразу же вернется в Англию, и просил мать уговорить нынешнего депутата, которому уже было за шестьдесят, уйти в отставку. «Я убеждала Фарделла, – написала она, – но он пока не готов». Позднее Черчилль говорил, что мать не щадила себя в попытках помочь ему.

Леди Рэндольф выражала неудовольствие рассказами сына о собственном героизме. Он объяснял: «Я просто рассказываю о своих друзьях. Они понимают и прощают мое тщеславие. Поездки на пони вдоль передовой не самое распространенное занятие. Но я играл по высоким ставкам, и мне удавалось выигрывать. Пуля не достойна внимания философа, дорогая моя мама. Кроме того, я слишком уверен в себе и не верю, что боги создали такое могущественное существо, как я, ради прозаического финала».

В декабре Черчилль снова просил мать замолвить о нем словечко перед Китченером: «Куй железо, пока горячо!» Он пытался убедить ее, что в Египте будет намного безопаснее, чем на индийской границе: «В ходе столкновения 16 сентября мы потеряли 150 из 1000. В Египте при Фиркерке погибло 45 из 10 000. Они называют это битвой. По-моему, это больше напоминает уличную драку».

В последний день 1897 г. Черчилль отослал матери рукопись книги «История Малакандской действующей армии» (The Story Of The Malakand Field Force). Артур Бальфур, которому она уже рассказала о книге, пообещал помочь найти хорошего издателя. Для этого он познакомил ее с литературным агентом А. П. Уаттом, на которого произвели большое впечатление

литературные способности, проявленные Черчиллем в письмах в Daily Telegraph. Через неделю издатель был найден. «Возможно, книга будет иметь финансовый успех, – написал Черчилль матери. – Не забудь написать про нее что-нибудь хорошее. Напиши, какие части тебе понравились. Я люблю, когда меня хвалят. Это восхитительно».

Черчилль исключил из книги все личное. Единственным упоминанием о себе была сноска, в которой говорилось, где он служил во время боевых действий. Это было повествование о событиях, основанное не только на его собственном опыте, но и на множестве публикаций и переписке с участниками событий. Он не скрывал своего отношения к этой кампании. «Вся экспедиция была ошибкой, – писал он, – поскольку ее успех зависел от того, сдадутся ли туземцы, если их земли будут захвачены, а их имущество уничтожено. Они не сдались. Мы причинили им столько вреда, сколько могли, но безрезультатно. Это потому, что у Британии не было реальных способов заставить их сдаться за исключением длительной оккупации. Но пытаться это сделать было бы ошибкой».

«О, как бы я хотел уговорить тебя насчет Египта, – написал Черчилль матери в середине января. – Уверен, ты, со своим влиянием и знакомствами, могла бы это сделать. Сейчас бурное время, и мы вынуждены толкаться локтями». После кампании в Тире, в которой он все еще надеялся принять участие, а затем – Египта он был готов переключиться на политику. «Впрочем, если со мной все будет в порядке, – оговаривался он. – Я, конечно, на это надеюсь, но достаточно обратиться к Природе, чтобы понять, насколько малое значение она придает человеческой жизни. Ее неприкосновенность – исключительно наша иллюзия. Представь себе бабочку – 12 миллионов ворсинок в крыле, 16 миллионов линз в глазу и – один глоток для птицы. Но попробуем посмеяться над судьбой. Ее это позабавит».

Двое друзей Черчилля тоже работали военными корреспондентами на индийской границе. Один, лорд Финкасл, заслужил Крест Виктории. Другой, лейтенант Р. Т. Грейвз, погиб во время боевых действий. «Одним движением пальца фортуна может вознести меня к величайшей из всех наград или закончить игру», – писал Черчилль матери.

Глава 6

В Омдурман и дальше

В январе 1898 г. Черчилль прибыл в Калькутту, где остановился у вице-короля лорда Элгина, ужинал с главнокомандующим сэром Джорджем Уайтом и, как он сообщил Джеку, «вращался в высоком и благородном обществе». Всего через восемь лет он будет служить под началом Элгина в Министерстве по делам колоний на своей первой министерской должности. Но и теперь он не забывал про политику. В этом месяце он направил в центральный комитет Консервативной партии предвыборное обращение на случай освобождения вакансии от Паддингтона или внезапного объявления всеобщих выборов. «В политике, – писал он матери из Бангалора, – как я понимаю, успех зависит не столько от сделанного, сколько от того, кем человек является. Это вопрос не ума, а больше личности и оригинальности. Именно поэтому я ревниво отношусь к чужим идеям и не люблю советов относительно моей политической деятельности».

«Знакомства, связи, влиятельные друзья, имя, добрые советы, – говорил Черчилль матери, – все это важно, но, может, только на начальном этапе. В конечном счете каждый человек должен быть взвешен, и, если его вес окажется недостаточным, ничто не сможет обеспечить ему доверие публики. Если он недостаточно хорош, пусть его место займут другие. Я никогда не буду стремиться поддерживать фальшивую репутацию и цепляться за место, изменяя свою личность. Разумеется, – как ты уже могла понять – я верю в себя. В ином случае я, вероятно, придерживался бы иных взглядов».

Во время пребывания в Индии Черчилля угнетали финансовые заботы. Его сердили непомерные траты матери на наряды, путешествия и развлечения. «Если говорить откровенно, – написал он ей из Бангалора, – нет сомнений, что мы оба, и ты, и я, в равной степени безрассудно расточительны и неэкономны. За три года после смерти отца ты растратила четверть всего нашего состояния. Я тоже не слишком экономен, но моя расточительность не идет ни в какое сравнение с твоей».

Однако для Черчилля уже открылся новый источник доходов. За «Историю Малакандской действующей армии» он должен был получить 50 фунтов (по курсу 1990 г. примерно 2000 фунтов). Кроме того, ему полагалось дополнительно 100 фунтов за каждые две тысячи проданных экземпляров. Книга была опубликована в Лондоне 14 марта. «Это самое примечательное событие в моей жизни (на сегодняшний день, разумеется)», – написал он матери. Было отпечатано 2000 экземпляров, затем, на протяжении десяти месяцев, еще 4500, что принесло дополнительно 250 фунтов. Стало ясно, что он способен зарабатывать на жизнь литературным трудом. Он с гордостью сообщал бабушке, что Daily Telegraph заплатила ему 100 фунтов за письма с границы, а Allahabad Pioneer – 25 фунтов за телеграммы.

Летом леди Рэндольф написала сыну, что он, по мнению старших офицеров, один из «самых многообещающих юношей, но слишком хорошо пишет, чтобы оставаться в армии, где этот талант пропадет и где его сочинения рано или поздно навлекут на него неприятности». А зимой он получил письмо от принца Уэльского: «У тебя большие литературные способности, и это огромное преимущество. Я только надеюсь, что ты будешь рассудителен в своих комментариях и будешь избегать резкой критики, на которую власти могут обидеться». Черчилль гордо написал матери, что он «слишком тори, чтобы расценивать это письмо как великую честь». Что касалось службы в армии, то он подружился с капитаном Эйлером Холдейном, который договорился о прикомандировании его к экспедиционному корпусу, размещенному в Пешаваре. Корпус собирались послать в Тиру. «Моя репутация, какой бы она ни была, заинтересовала его», – написал Черчилль матери.

Черчилль поспешил на Север, но просчитался: активные боевые действия закончились. «Никакого сомнения, что яростные азиатские дикари получили достаточно», – писал он матери. Впрочем, даже не участвуя в боевых действиях, он получит дополнительную планку к медали. Но главный смысл поездки в Тиру, по его мнению, заключался в другом: «Я теперь знаю всех генералов, которые, скорее всего, будут командовать в ближайшее время».

В Пешаваре Черчилль ждал распоряжения отправиться в Тиру. «Конечно, я надеюсь участвовать в боях, – делился он с леди Рэндольф, – но не обманываюсь: обе стороны устали». В конце марта, в письме другу, которое через месяц будет опубликовано в *Times*, Черчилль выступил в защиту британской армии, действующей на северо-западной границе. В Англии давно существовало предубеждение, часто скрытое, но постоянное, против военных и гражданских государственных чиновников, работающих в Индии. Но Индия, которой правили лишь несколько тысяч англичан, показала, как он писал, «точную меру дистанции, на которую цивилизация разделяет род человеческий».

В это время шли судорожные поиски козла отпущения, на которого можно было бы свалить неудачу покорения приграничных племен. Черчилль писал, что в горной войне «не бывает решающих сражений, не бывает блестящих успехов, множества пленных, никаких шансов на *coups de théâtre*¹¹. Это всего лишь грубая, тяжелая работа». Он также привлек внимание к тому, что, когда армия в Индии покоряет самые свирепые племена, она подвергается граду насмешек и упреков со стороны соотечественников.

Это письмо, говорил Черчилль матери, «должно утвердить его позиции среди индийского военного начальства, поскольку оно чрезвычайно чувствительно к критике прессы и приветствует малейшие доброжелательные комментарии». Своего дядюшку Мортону Фривена он убеждал, что, если это письмо хорошо прорекламирровать, оно «наделает много шума и будет очень благосклонно воспринято моими начальниками в Индии. А это было бы весьма полезно».

Кампания в Тире, на которую так надеялся Черчилль, не состоялась. После финальной перестрелки последнее воюющее племя заключило мир. «Они почти не испытывают злобы, – рассказывал Черчилль матери. – Они бы убили нас, если бы могли, но в настоящих обстоятельствах вполне дружелюбны. Признаюсь, они мне даже нравятся. Я видел многих в Джамруде в прошлом месяце – они всегда весело улыбаются, несмотря на жуткие разрушения, которые мы учинили на их территориях». Своему приятелю журналисту Хьюберту Ховарду Черчилль писал: «Корпус в Тире почти не воевал – лишь несколько столкновений со снайперами и пикетами. Честно сказать, я слышал всего один выстрел, да и тот сделал какой-то восторженный ирландец. Тем не менее это было интересно, как очередное шоу».

По заказу *United Services Magazine* Черчилль написал статью о тактике приграничной политики. В *Harmsworth Magazine* он отдал небольшой рассказ «Человек за бортом, эпизод в Красном море». Одновременно он заканчивал роман – «дикую и дерзкую книгу, – как он называл ее матери, – сюжет которой постоянно перескакивает с одного на другое. Надеюсь, она развлечет читателей. Я верю в свое перо. Думаю, что мысли, которые я излагаю, будут интересны и популярны у публики». Он размышлял над созданием книги о Гарибальди и краткой истории Гражданской войны в Америке. Его также соблазняли предложения издателя написать историю жизни своего блистательного предка, полководца Джона Черчилля, первого герцога Мальборо, и биографию своего отца. Он говорил матери, что если когда-нибудь возьмется за биографию лорда Рэндольфа, то это займет много лет.

Книга Черчилля о жизни его отца вышла из печати через восемь лет после этого письма, биография Мальборо – в 1930-х гг., а история Гражданской войны в Америке, как часть пятитомной «Истории англоязычных народов», – в 1950-х. К биографии Гарибальди он так

¹¹ Неожиданные развязки (*фр.*).

и не приступил. Тем временем литературные заработки постепенно росли. В мае Allahabad Pioneer опубликовал пять его писем в связи с недавним вторжением Америки на Кубу. Он сообщил матери, что гонорара хватит, чтобы как минимум месяц оплачивать питание.

Тетушке Леони, до которой дошел слух о романе, он написал из Бангалора: «Ты спрашиваешь – почему? Должен ответить: *il faut vivre*¹². Надеюсь впоследствии создать что-нибудь действительно стоящее. Знаешь, у меня безграничная вера в себя». Но пока все его мысли были заняты Суданом. «Рассчитываю к концу зимы оказаться в Хартуме, – писал он матери. – Ты должна настроить всех прирученных тобой генералов в мою пользу».

Беспокоясь о деньгах, он начал судебный процесс, чтобы не дать возможность матери, если она вновь соберется замуж, передать второму мужу его долю наследства. «Чувствую себя мерзкой, отвратительной тварью, поступая так, – говорил он тетушке Леони, – но я вынужден учитывать возможность того, что мама может выйти замуж за бедняка, за какого-нибудь бродягу. Я, правда, уверен, что не впаду в нищету с помощью журналистики. Но на самом деле ситуация безрадостная. Наше состояние так сократилось, что я могу вообще не попасть в политику. Вообрази – половины уже нет. Но в перспективе осенней кампании отчаиваться было бы не по-философски».

«Неужели я мот? – задавал Черчилль риторический вопрос тетушке и сам же отвечал на него: – Я не увлекаюсь скачками, не пью, не играю в азартные игры и не трачу деньги на сожителей. Я лишь не задумываюсь о счетах, а в результате плачу вдвое больше, чем нужно, за мелкие удовольствия, которые есть в этой непростой жизни».

В мае Черчилль с поразительной откровенностью пишет матери об одной черте своего характера, которую назвал «умственным пороком»: «Меня заботят не столько принципы, которые я отстаиваю, сколько впечатление, которое производят мои слова, и репутация. Звучит это ужасно. Но ты должна помнить, что мы живем не в эпоху великих свершений». Он признавался, что часто поддается искушению «подгонять факты под свои идеи. Но Маколей в этом смысле – архипреступник. Думаю, острое чувство необходимости, или вопиющей ошибки, или несправедливости заставит меня быть искренним, но я очень редко ощущаю в себе искренние эмоции. Поэтому полагаю, что *au fond*¹³ я искренен. Но в большинстве случаев моя голова или мозг главенствуют, а душа выдает такое количество эмоций, какое требуется. Это философское достоинство, а не человеческое».

Вспоминая войну Америки с Испанией и вторжение на Кубу, Черчилль говорил леди Рэндольф: «Мне жаль испанцев. Америка, безусловно, предстала миру своей непривлекательной стороной. Но тем не менее они правы, и глубоко в сердце этой великой демократии – благородный дух. Я нахожу очень привлекательной идею восстановления англо-американских дружественных отношений. Одним из принципов моей политики всегда будет борьба за взаимопонимание между англоязычными странами». Черчилль утверждал: «Американцами следует восхищаться за их действия на Кубе, хотя их поведение одиозно. Они всегда умудряются вызывать отвращение у благовоспитанного человека. Но душа у них честная».

Этим летом зазвучали призывы к жестким, вплоть до объявления войны, мерам Британии против России, чья армия сражалась в Китае. Черчилль был против подобных действий. «Мы не можем нанести урон России, – объясняет он матери. – Но Россия может вынудить Британию мобилизовать 100 000 солдат на индийской границе и причинить существенный ущерб британской морской торговле, предоставив грязным немцам шанс наконец-то обрести коммерческое превосходство в мире».

Черчилль понимал, что в период «ура-патриотизма» его противостояние антирусским настроениям не может быть популярным. «Это все эмоции, – делился он с матерью, – которые

¹² Нужно жить (*фр.*).

¹³ По существу (*фр.*).

управляют людьми и «заводят» их. Из-за этого милитаризм вырождается в жестокость. Лояльность приводит к тирании и низкопоклонству. Гуманность превращается в нелепую слезливость, патриотизм – в лицемерие, а империализм – в шовинизм».

В начале июня Черчилль собрался в отпуск и попросил мать организовать для него два-три политических выступления, в первую очередь в Брэдфорде, где он надеялся когда-нибудь баллотироваться в парламент. Он жаждал большой аудитории, как минимум из 2000 человек. Он писал матери: «Организуй публику. Уверен, я смогу удержать ее внимание. У меня достаточно интересного материала, по меньшей мере на три выступления. Все тщательно записано и задокументировано». Леди Рэндольф выполнила просьбу. Тем временем ее сын отплыл из Бомбея. В Египте он оставил своего слугу-индийца и походное снаряжение, включая палатки и седла, надеясь скоро вернуться, а сам продолжил путь.

В Лондон Черчилль прибыл 2 июля. Через двенадцать дней он выступил с речью в Брэдфорде и был чрезвычайно доволен оказанным ему приемом. «Меня слушали с величайшим вниманием сорок пять минут, – сообщил он матери, – и в конце раздались громкие и многочисленные крики «продолжай!». Пять или шесть раз слушатели подолгу аплодировали без передышки. В конце многие вскочили на стулья, всех охватил огромный энтузиазм». Кузену Санни Черчилль написал, что «выступление в Брэдфорде принесло мне величайшее удовлетворение. Надеюсь, это не в последний раз».

Теперь Черчилль прилагал все усилия, чтобы присоединиться к армии Китченера в Судане. Премьер-министр лорд Солсбери только что прочитал «Историю Малакандской действующей армии» и попросил своего личного секретаря организовать встречу с молодым автором, сыном его бывшего коллеги. Таким образом Черчилль впервые оказался на Даунинг-стрит, 10. «Хорошо помню, – написал он позже, – с какой старомодной учтивостью он встретил меня у двери, любезным жестом приветствовал и предложил присесть на небольшой диванчик в своем обширном кабинете».

Солсбери сказал Черчиллю, что его книга дала «лучшую картину боевых действий, которые происходили в приграничных долинах, чем любые другие документы, которые ему довелось читать по долгу службы». Через двадцать минут Черчилль собрался уходить, но премьер-министр задержал его еще минут на десять и, провожая к дверям, сказал: «Надеюсь, вам не будет неприятно, если я скажу, что вы чрезвычайно напоминаете мне вашего отца, с которым связаны важнейшие этапы моей политической жизни. Если когда-нибудь я смогу быть вам полезен, прошу не стесняться и дать мне знать».

Воодушевленный Черчилль спросил личного секретаря Солсбери, не может ли тот послать телеграмму Китченеру с запросом о возможности его присоединения к экспедиционному корпусу. Солсбери дал согласие, но Китченер ответил холодно: у него достаточно офицеров, но, даже если появится вакансия, есть более достойные кандидаты на это место. Черчилля это не остановило, и он обратился к лорду Кромеру, который пообещал написать непосредственно Китченеру. Леди Рэндольф тоже обратилась с письмом напрямую к главнокомандующему, а ее подруга леди Джун нахально телеграфировала ему: «Надеюсь, возьмешь Черчилля. Гарантирую, он не будет писать».

Уверенность леди Джун также не произвела впечатления на Китченера. Но она была в хороших отношениях с генерал-адъютантом сэром Ивлином Вудом, который за частным ужином выразил недовольство тем, что Китченер так отнесся к протекже Военного министерства. Узнав об этом, Черчилль заставил ее сказать Вуду, что в его назначении заинтересован премьер-министр. Она так и сделала, а Вуд направил Китченеру телеграмму в поддержку Черчилля. Через два дня он узнал, что должен срочно отправляться в Египет, в распоряжение 21-го уланского полка. «Мне было очень трудно сюда попасть, – написал он другу две недели

спустя с берега Нила. – В действительности, если бы не два убитых молодых офицера, сильно сомневаюсь, что мне бы это удалось». Но леди Джун хорошо сыграла свою роль.

В Лондоне Черчилль успел связаться с другом семьи Оливером Бортвиком, сыном владельца Morning Post, и договорился при возможности присылать в газету письма по 15 фунтов за колонку. Обеспечив себе журналистское занятие, утром 27 июля он покинул Лондон, а через три дня уже садился на пароход в Марселе. Судно, рассказывал он, оказалось «грязной посудинкой, которой управляли отвратительные французские моряки». Он беспокоился, что может прийти телеграмма из Бангалора, извещающая, что его отпуск закончен. «Я рад, – писал он, – что телеграмма с требованием возвращения пока не пришла. Таким образом, мое положение значительно упрочилось». 2 августа он добрался до Египта и сразу же отправился в распоряжение 21-го уланского полка. «Все были очень вежливы, – рассказывал он матери, – и имели уже официальное уведомление о направлении меня к ним. На сей раз я не буду среди чужих, как в Мамундской долине». Дело в том, что из девяти офицеров его эскадрона шестеро оказались приятелями по Харроу и Бангалору.

Черчилль прибыл в Каир как раз вовремя. На следующий день эскадрон погрузился на суда и отправился вверх по Нилу. «За восемь дней произошла очень странная трансформация, – написал он из Луксора 5 августа. – Я вспоминаю лондонские улицы, ужины, балы и т. п., а потом смотрю на солдат в хаки, огромную неуклюжую баржу, полную лошадей, реку с глинистыми берегами, пальмы и паруса «дахабий», как здесь называют огромные лодки. Но главное – мысли о парламенте, речах и политической жизни отошли на второй план. Голова больше занята мечами, пиками, пистолетами и разрывными пулями, чем биллями, актами и выборами».

На борту среди прочих оказался друг Черчилля Хьюберт Ховард, которого Times направила освещать кампанию. Через пять дней, все еще поднимаясь по Нилу, Черчилль отправил матери две корреспонденции для Morning Post. «Они станут фундаментом и строительными лесами моей книги», – писал он. Черчилль размышлял над замечанием, высказанным ему двоюродными братьями, Санни Мальборо и Айвором Гестом, о том, что «он слишком хорош для войны». Матери он объяснял, что доволен: «Это мудро и достойно мужчины. Разумеется, я думаю о результатах, поскольку, как ты понимаешь, хочу многого добиться, но я не боюсь сделанного и не собираюсь жаловаться. Но помимо этих укрепляющих дух философских размышлений у меня есть непреодолимое желание убить нескольких этих отвратительных дервишей и отправить в ад все их зловерное племя. Я уже предвкушаю от этого большое удовлетворение. Мне бы хотелось приступить завтра».

Направляясь в сторону армии дервишей, Черчилль заранее попросил мать по его возвращении организовать многолюдные и хорошо подготовленные политические выступления. Одно в Брэдфорде, другое в Бирмингеме. Он также попросил капитана Холдейна прислать ему небольшую полоску ленты, которой он был награжден за Малаканд. «Мне бы очень хотелось, – объяснил он, – нацепить эту ленту на грудь, когда мы столкнемся с дервишами. Хотя было бы досадно погибнуть. Впрочем, надеюсь избежать этого и рассчитываю скоро вступить в бой».

Через три дня 21-й уланский полк достиг Атбары, где был разбит лагерь, после чего на лошадях двинулись вдоль берега Нила. Как-то вечером Черчилль сбился с пути и, как сообщил он матери в телеграмме, пытаясь нагнать колонну, «был вынужден провести в пустыне ночь и день без еды и воды. К счастью, мне хватило разума дожидаться рассвета, после чего я добрался до реки и напоил коня. Только после почти сотни километров блужданий удалось найти конвой. В ближайшие десять дней должно состояться генеральное сражение, возможно самое жестокое. Меня могут убить. Хотя я так не думаю. Но если это произойдет, ты должна найти утешение в философских мыслях о крайней ничтожности и уязвимости человеческого существа. Уверяю тебя, я не струшу, хотя не приемлю ни христианской, ни какой иной религии».

«Ничто, – продолжал рассуждать Черчилль, – даже понимание неизбежности грядущего конца, не заставит меня сейчас повернуть назад, пусть я и смогу это сделать с честью. Но зато я вернусь мудрее и сильнее. И тогда будем думать о других, более широких сферах деятельности. Я глубоко верю – уж не знаю, на чем это основано, – что со мной ничего не случится. В конце концов, жарче, чем 16 сентября прошлого года, уже не будет. И я уверен, что будущий мир, если он существует, станет лучше». В постскрипуме он добавил: «Если меня тяжело ранят, было бы хорошо, чтобы ты приехала и помогла вернуться».

26 августа, когда двадцатипятитысячная армия Китченера уже подходила к Омдурману, Черчилль сделал последнюю попытку перевестись из уланов в египетскую кавалерию. Матери он объяснял это так: «Хотя там более опасно, но намного больше возможностей». Полковник, командовавший египетской кавалерией, просил за него, но его собственный полковник не захотел отпускать. «Он совершенно прав, – признавал Черчилль, – но жаль, поскольку с египтянами у меня было бы больше шансов отличиться».

Черчилль в этот день узнал, что Китченер критически отзывался о нем, сказав, что он «не собирается оставаться в армии, а только стремится извлечь из этого выгоду и что он занимает место тех, для кого это профессия». «Но при этом, – сообщил Черчилль матери, – Китченер признал, что я делаю все, что в моих силах. Он не захотел встретиться со мной, но, если я выживу, ему придется признать, что было бы полезно поделиться со мной своими мыслями. Тем более у меня есть и собственные».

Дервиши решили атаковать у Омдурмана, за которым через реку уже был Хартум. К полудню 1 сентября показалось, что их быстро выдвигающаяся армия может столкнуться с основными британскими силами еще до темноты. Черчилль, чей эскадрон с другим кавалерийским отрядом располагался в авангарде экспедиционного корпуса, получил приказ командира оценить скорость продвижения противника и доложить Китченеру. «Я поднялся на черный холм Сурхам, – позже писал он. – Огромная армия дервишей на бескрайней бурой равнине казалась едва различимой полоской. На востоке виднелась другая армия – англо-египетская».

Черчилль вспоминал, что обе армии не могли видеть друг друга, хотя их разделяло не более восьми километров. «Я оглядел по очереди боевые порядки. Силы противника, несомненно, казались больше. Но у наших батальонов чувствовалось превосходство: они шли стройными колоннами, прочерченными, казалось, будто по линейке». Армия дервишей двигалась вперед. Черчилль на своем пони поспешил к главному лагерю британцев, чтобы доложить об увиденном. При подъезде к лагерю он встретил Китченера и дюжину штабных офицеров. Все направлялись на Сурхам, чтобы разобаться в происходящем. Так впервые встретились генерал и субалтерн, которым через шестнадцать лет доведется вместе работать в Военном министерстве.

«Китченер, – вспоминал Черчилль, – предложил мне описать ситуацию, которую наблюдали передовые эскадроны. Я это сделал. Он слушал молча, в тишине. Лишь песок похрустывал под копытами наших коней, шедших бок о бок». «Вы говорите, армия дервишей наступает? – спросил Китченер. – Сколько времени, на ваш взгляд, у меня есть?» – «Как минимум час, сэр, – ответил я, – возможно, даже полтора, если они будут двигаться с прежней скоростью». «Командующий был очень спокоен, – вспоминал Черчилль. – Его уверенность передавалась и штабу».

Армия дервишей остановилась, не доходя до британских позиций. Холм Сурхам оказался между двумя армиями. Черчилль и его уланы присоединились к основным силам Китченера на фланге, ближе к Нилу. Еще во время службы на северо-западной индийской границе Черчилль насмехался над британскими офицерами египетской армии, которые всегда говорили о «битвах». С точки зрения тех, кто, как он, воевал в Индии, эти «битвы» были не более чем стычками. «Во всяком случае, – вспоминал Черчилль после Первой мировой войны, –

для подавляющего большинства тех, кто принимал участие в этих маленьких британских войнах в те давние, такие беспечные дни, возможность погибнуть в бою лишь добавляла азарта».

«Большинству тех, кто воевал в Индии или Судане, – писал позже Черчилль, – предстояло увидеть другую войну, Первую мировую, где смерть ждала постоянно, когда даже тяжелые ранения считались счастливым исходом. Там целые бригады сметало артиллерийским и пулеметным огнем, а пережившие это понимали, что могут быть сметены следующим. Так разве нас, молодых людей, засыпавших в ту ночь в пяти километрах от шестидесятитысячной, хорошо вооруженной армии фанатиков-дервишей, каждую минуту ожидавших их яростной атаки и уверенных в том, что не позднее рассвета закипит бой, не следует извинить, если нам тогда казалось, что мы находимся в горниле самой настоящей войны?»

Ночью холм Сурхам был занят подразделением британской кавалерии. На рассвете несколько кавалерийских патрулей отправились на разведку. Черчилль поехал с одним из них. Их задачей было доложить о численности и дислокации армии дервишей. «Мы поскакали вперед, – писал он позже, – а поскольку не знали, что египетский эскадрон с командиром уже перевалил за гребень холма, испытывали возбуждение без малейшего ощущения опасности. Нас окрыляло, что мы первыми увидим то, что нас ждет впереди».

То, что их ждало впереди, произвело устрашающее впечатление. Нескоро, только уже написав книгу, Черчилль узнал, что до него на холме побывали другие кавалеристы. А тогда, через пару недель, он напишет своему армейскому другу Иэну Гамильтону: «Кажется, я был первым, кто увидел противника, и наверняка первым, кто услышал свист их пуль. Такого зрелища я больше никогда не увижу. По самым скромным оценкам их было 40 000 человек, растянувшихся километров на восемь. Уверяю тебя, когда мы с моим маленьким патрулем со своего наблюдательного пункта слышали их воинственные песнопения, нам стало жутко. И хотя я никогда не сомневался в исходе, – добавил Черчилль, – тем не менее испытал ужас».

Было без четверти шесть. Черчилль немедленно написал записку Китченеру: «Армия дервишей, численно не изменившись, занимает ту же позицию, что и вечером, выдвинувшись левым флангом. Их патрули впереди, и слышны громкие крики». Армия дервишей была на расстоянии около пяти километров от лагеря Китченера, но по мере того, как рассветало, становилось видно, что она быстро движется вперед. С наступающим войском двигалась и основная часть кавалерии. Ее предводитель, халиф, решил атаковать противника. Во второй записке, отправленной в 6:20, Черчилль сообщил об этом Китченеру.

Черчилль оставался на холме. «Их кавалерийские патрули, – рассказывал он потом Гамильтону, – численностью пять-шесть всадников, пытались согнать нас оттуда, но я дождался, пока одна крупная бригада численностью до 2000 человек приблизилась примерно на четыреста метров. Я не знал, что у них есть ружья, я думал, что они вооружены только копьями». Примерно четверть часа дервиши, казалось, не обращали никакого внимания на Черчилля и его уланов, наблюдая за ними с полнейшим безразличием. «Затем, – продолжал он рассказ Гамильтону, – я по глупости спешил четверых и дал команду стрелять в толпу. Соответственно, в нашу сторону двинулись два десятка стрелков, которые открыли по нас огонь с близкого расстояния. В итоге нам пришлось удирать. Не менее 30 пуль просвистело рядом. К счастью (ты понимаешь, насколько капризна бывает Судьба), никого даже не задело. В противном случае одним человеком бы не ограничилось».

Черчилль отправил своих уланов вниз, за гребень холма, где было безопасно, а сам вернулся на вершину. Там он спешил, но его серый пони оказался заметной мишенью. «Было уже слишком жарко, чтобы оставаться, – писал он, – хотя сцена была достойная. Потом появилось множество разъяренных людей – адъютант, трубачи и др. – и вернули меня к моему эскадрону. Но я так высоко оценил позицию, подчеркнув, что никто даже не был ранен (они признали ценность информации), что мне разрешили вернуться туда еще раз. Я тогда счел, что мы не понесли потерь благодаря моей «опытности», – признавался он Гамильтону, – но это была

милость Всевышнего. Честно сказать, огонь временами был чрезвычайно плотным, и сравним лишь с десятью минутами в 35-м сикхском в прошлом году».

Когда дервиши подошли к британским позициям на расстояние выстрела, Китченер отдал приказ вступить в действие пехоте. Кавалерийские эскадроны были отправлены в лагерь. «Там, – рассказывал Черчилль приятелю, – мы в течение часа слушали стрельбу 20 000 винтовок, почти шестидесяти пушек и двадцати «максимов», но мало что видели. Просвистело несколько пуль, но все высоко, а кавалеристы и лошади были хорошо укрыты под высоким берегом реки. В половине девятого атака дервишей захлебнулась. Кавалерию тут же отправили на левый фланг. Мы остановились на хребте и простояли там с карабинами примерно с четверть часа. Мы видели тысячи дервишей, как мне показалось, в панике отступающих». Тогда дервиши в самом деле могли показаться Черчиллю обреченными. В 8:40 кавалеристы оседлали коней и медленно двинулись в их сторону. Для Черчилля это была первая кавалерийская атака. «Я был уверен, – говорил он Гамильтону, – что мы будем колоть их пиками, пока сможем держаться в седле. Но между нами и отступающими оказалась линия из 150 человек. Мы решили, что эти дервиши вооружены копьями. Они подпустили нас на 250 метров. Мы намеревались, по крайней мере, мне так кажется, обойти их с фланга и атаковать всем эскадроном, а затем двинуться дальше».

Кавалеристы ехали мимо фронта дервишей справа налево, выжидая момента, чтобы повернуть и атаковать их. Но оказалось, что на самом деле эта группа дервишей была вооружена не пиками, а ружьями. Когда британцы проезжали мимо, они, все как один, припали на колени и открыли беглый огонь. «Послышался громкий, резкий треск мушкетов, – писал Черчилль. – Расстояние было слишком мало. Перед нами, захваченными врасплох, были две возможности. Одна – развернуться и ускакать прочь, а потом вернуться за ранеными, другая – атаковать правым крылом. Думаю, каждый сам принимал решение, – рассказывал Черчилль своему другу. – Во всяком случае, под резкие звуки трубы мы галопом помчались на них. Огонь был слишком плотным, чтобы успеть построить линию атаки. Прозвучал приказ: «Правое плечо вперед! Галопом! Вперед!» Все было понятно».

Таким образом, двадцатитрехлетний Черчилль принял участие в кавалерийской атаке не против деморализованных дервишей с копьями, как ожидалось, а против стрелков, не думающих сдаваться. Первую сотню метров, приближаясь к ним, он неоднократно оглядывался, пытаясь понять, какой ущерб наносит стрельба его людям. «Мне он показался небольшим, – вспоминал он. – Затем я достал свой маузер, взвел курок и взглянул вперед. И тут вместо 150 стрелков, которые палили по-прежнему, увидел ложбину, а в ней – отряд стоящих плечом к плечу воинов с пиками».

Этот до той поры невидимый отряд укрывался в ложбине с крутыми склонами. Опасность оказалась совершенно неожиданной. «Но после опыта, приобретенного на северо-западной границе Индии, – продолжал рассказывать Черчилль Гамильтону, – я подумал: отлично, чем их больше, тем веселее». Его отряд атаковал дервишей по диагонали, не пересекая ложбину, а двигаясь вдоль нее.

«Они были низкорослые, примерно на метр ниже меня, и мы двигались практически без сопротивления. Пять или шесть лошадей были ранены, но в основном мы не пострадали. Наверное, это были самые опасные две минуты в моей жизни», – говорил Черчилль Гамильтону.

Кавалерийская атака завершилась, враг был рассеян. Из 310 солдат и офицеров один офицер и 20 солдат погибли, 4 офицера и 45 солдат получили ранения. «И все это за 120 секунд! – заметил Черчилль. – Я сделал ровно десять выстрелов и опустошил магазин, но лошадь не потеряла ни единого волоска, а моя одежда осталась целехонькой. Очень мало кто может сказать то же самое».

«На месте сражения, – писал потом Черчилль, – я видел разрозненных солдат противника и отдельные стычки. Я не раздумывая, стреляя, пустился рысью в их сторону и нескольких убил. Троих – наверняка. Затем огляделся и увидел, что дервиши перестраивают ряды. Мы поразили почти половину, но они вновь оказались на ногах. Наблюдая из седла за их перегруппировкой, я вдруг осознал, что вся эта толпа находится буквально в двух десятках метров. Я тупо смотрел на них в течение, наверное, пары секунд. Затем увидел, как двое опустились на колени и навели на меня винтовки, – мне угрожала реальная опасность».

Черчилль развернулся и помчался назад. Вслед грохнуло два выстрела. «На такой дистанции это было по-настоящему опасно, – рассказывал он Гамильтону, – но пуль я не слышал, непонятно, куда они стреляли. Я пустил лошадь в галоп и присоединился к своим. Через несколько мгновений среди солдат появился дервиш. Как он там оказался, понятия не имею. Наверное, затаился в кустарнике или какой-то яме. Солдаты направили на него пики, но он яростно отбивался копьем, и на миг произвел сильное замешательство. Я выстрелил в него почти в упор. Он рухнул на песок как подкошенный».

Черчилль реформировал свой взвод, собрав пятнадцать солдат. Он сказал, что их могут еще не раз отправить в атаку. Услышав это, один воскликнул: «Хорошо, сэр, мы готовы, сколько прикажете». Когда Черчилль спросил своего сержанта, понравилось ли ему сражение, тот ответил: «Не скажу, чтобы очень понравилось, сэр, но, наверное, в другой раз будет привычнее». Вспоминая все это недели две спустя, Черчилль писал Гамильтону: «Никаким образом не хочу выделять себя, но, поскольку хладнокровие мне не изменило, моя самооценка, безусловно, выросла».

Было 9:15 утра. Дервиши отступали. Черчилль хотел, чтобы полк продолжил наступление. «Никогда солдаты не проявляли такого рвения, – писал он матери. – Я сказал своему взводу, что они лучшие в мире, и уверен, что они пойдут за мной до конца, а это – я могу сказать тебе и только тебе – очень далекий путь. В такие моменты испытываешь огромный душевный подъем. Я пытался убедить адъютанта повторить атаку. Пусть мы потеряли бы еще пятьдесят-шестьдесят человек, но это была бы историческая победа. Но пока продолжалось совещание, возобновлять ли наступление, с поля сражения потянулась страшная вереница: окровавленные лошади, солдаты с ужасными ранами от крючковатых копий, торчащих из тел, искромсанные, с вываливающимися кишками, теряющие сознание и умирающие на наших глазах. Ни о какой кавалерийской атаке уже не могло быть и речи. Горячие головы командиров остыли, – продолжал он, – и до конца дня полк действовал чрезвычайно осмотрительно».

Черчилль был уверен, что наступление должно быть продолжено. «Новая атака, – писал он Гамильтону, – должна была быть удачной, пока офицеры и солдаты не отошли от горячки боя. Пехота, разумеется, принесла бы больше пользы, но мне хотелось вскочить в седло – *pour la gloire*¹⁴ – и встряхнуть нашу кавалерию. Но через час мы все немного остыли, и я с большим облегчением понял, что с «героизмом», по крайней мере на сегодняшний день, покончено».

Уланы направились туда, где можно было спешиться и открыть огонь из ружей по флангу противника. После нескольких минут интенсивной перестрелки дервиши отступили. Уланы вернулись к ложбине, которую атаковали ранее. Там они остановились позавтракать. «В этой ложбине, – вспоминал позже Черчилль, – было тридцать-сорок убитых дервишей. Среди них лежали тела наших двадцати уланов, изрубленных и изувеченных практически до неузнаваемости».

¹⁴ Ради славы (фр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.